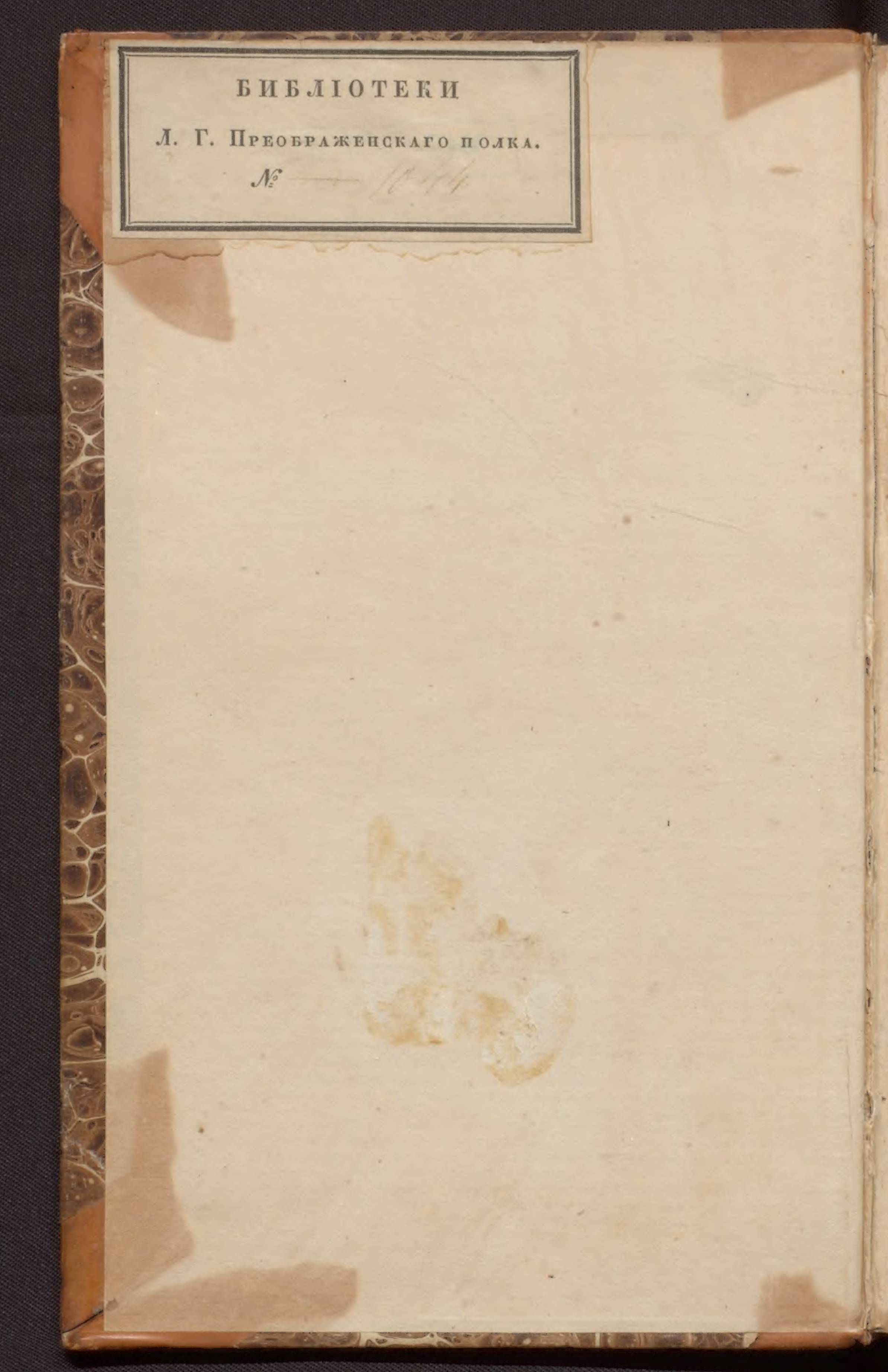
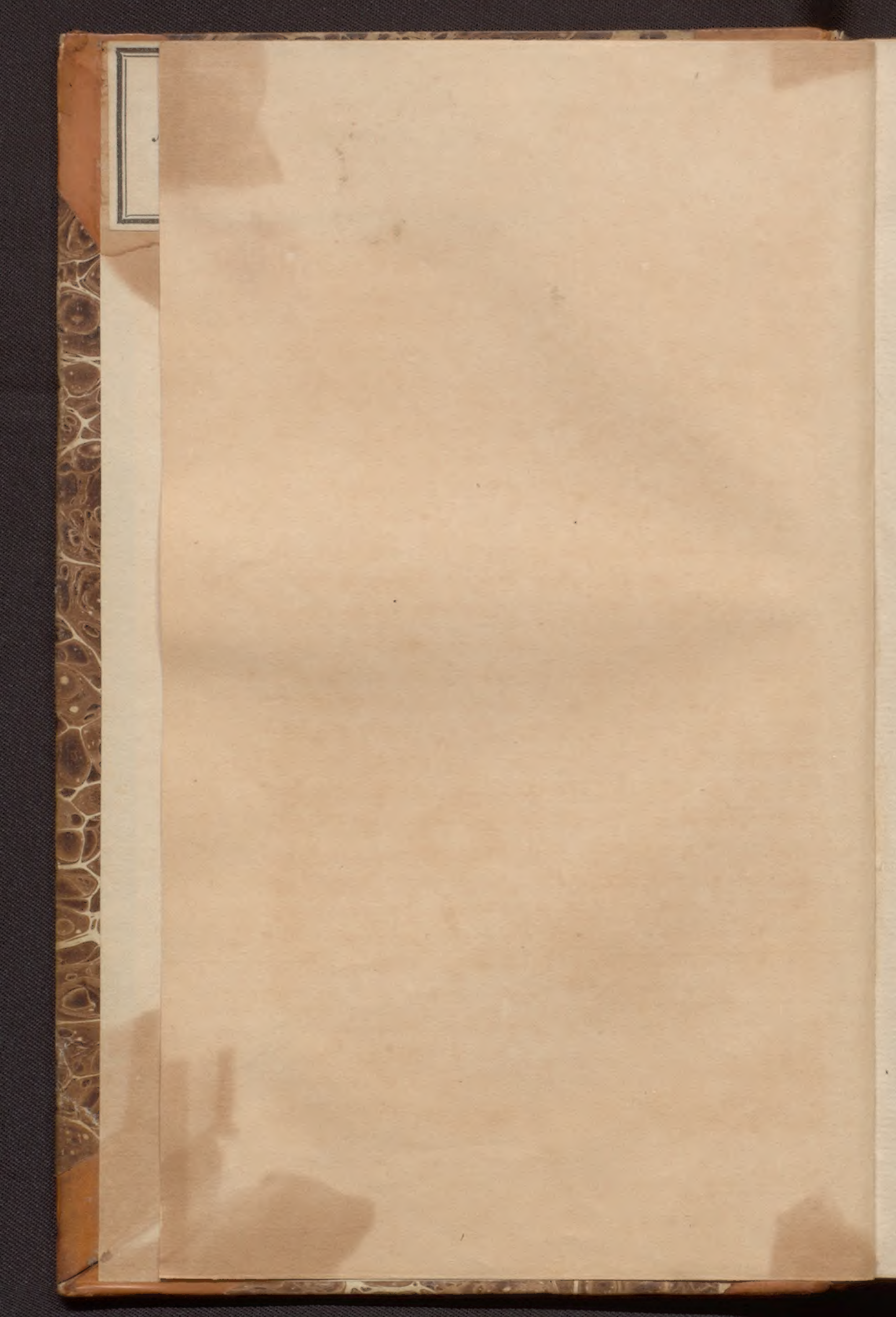

БИБЛІОТЕКИ
Л. Г. Преображенскаго полка.
№



ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II.

ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II.

СОЧИНЕНІЕ

А. А. Лефорта.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.
1837.

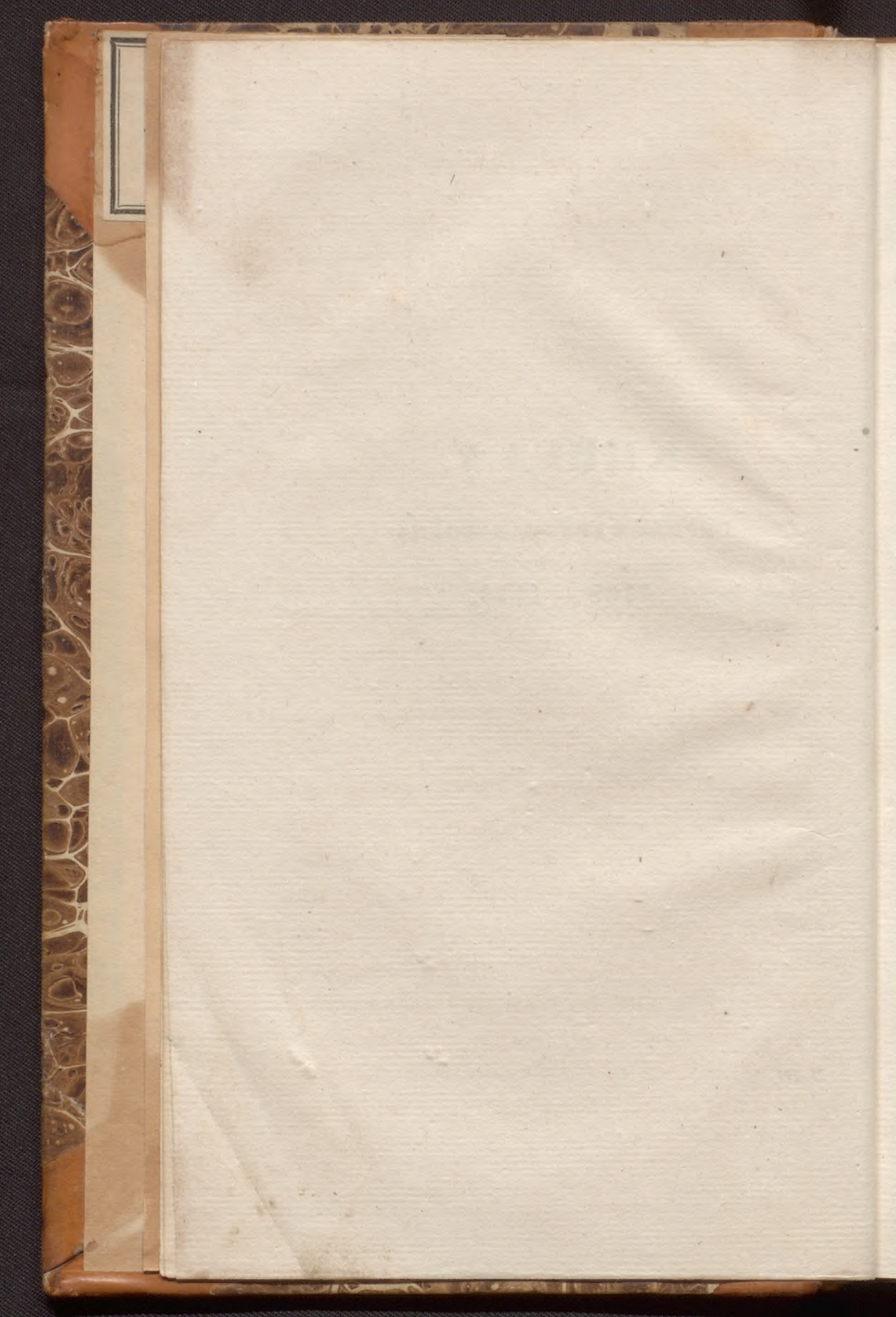
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Августа 21 дня, 1837 года. *Цензоръ Василій Флеровъ.*

КНИГА V.

ПЕРВАЯ ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА.

1768 — 1774.



КНИГА V.

ГЛАВА IX.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ КЪ ВОЙНѢ СЪ ПОРТОЮ.

Едва прошло шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Русскіе, увѣнчанные лаврами побѣдъ въ Пруссіи, вложили въ ножны грозный мечь свой; едва прошло шесть лѣтъ, и этотъ мечь долженъ былъ снова обнажиться противъ враговъ Россіи, смирить ихъ кичливость... Слава готовила новые вѣнки героямъ... Блистательная Порта поспѣшила объявить войну Россіи — и объявила ее слишкомъ

рано. Въ то время какъ огромныя полчища Мусульманъ сбирались подъ знаменами Верховнаго Визиря, Императрица повелѣла войскамъ своимъ двинуться къ Турецкимъ границамъ. »На начинающаго Богъ! вѣщала Она, Богъ же видитъ, что не Я начала! не первый разъ Россіи побѣждать своихъ враговъ опасныхъ!« [1] Манифестъ, объявлявшій войну Портѣ Оттоманской, обнародованъ былъ 18 Ноября 1768 года. [2]

»Принятыя Ея Императорскимъ Величествомъ мѣры при объявленіи войны Туркамъ были такъ премудро и предусмотрительно расположены, пишетъ герой, громившій Оттомановъ, и данные Высочайшіе Ея Указы съ такою точностію и ревностію исполнены, что не смотря на глубокую сперва осень и самую безпокойную и непостоянную потомъ зиму, полки по всей обширности Имперіи на непремѣнныхъ квартирахъ стоявшіе, не токмо тотъ часъ въ походъ выступили; но перешедъ верстъ по тысячѣ, по полторы, а многіе полки и слишкомъ по двѣ, претрудной по времяни

дороги, разстояніе для всѣхъ прочихъ армій неизвѣстное и почти неимовѣрное, къ Апрѣлю мѣсяцу уже въ самой близости къ непріятельскимъ границамъ въ кантониръ-квартиры для отдохновенія введены были.« [3]

Войска наши раздѣлены были на три арміи: начальство ввѣрено было Генералъ-Аншефамъ—надъ первою Князю Александру Михайловичу Голицыну, надъ второю, Графу Петру Александровичу Румянцову. »Дай Боже первому счастіе отцовское, а другому также всякое благополучіе. Если бы Я Турокъ боялася,« писала Екатерина къ побѣдителю Фридриха Великаго, Графу Петру Семеновичу Салтыкову, »то бы Мой выборъ палъ несомнѣнно на лаврами покрытаго Фельдмаршала Салтыкова; но въ разсужденіи великихъ безпокойствъ сей войны, Я разсудила отъ обремененія поберечь лѣта сего именитаго воина, безъ того довольно имѣющаго славы!« [4]

Первая армія должна была дѣйствовать противъ Турокъ наступательно; вторая—пещись о цѣлости нашихъ границъ,

(кои тогда отъ Польши почти до самаго Каспійскаго моря были окружены народами, подвластными Порть) и озабочивая непріятеля своимъ присутствіемъ, раздѣлять его силы и тѣмъ облегчать дѣйствія первой арміи. Третья армія находилась подъ предводительствомъ Генерала де Медема и должна была упреждать и недопускать Кубанскую Орду, также Кабардинцевъ и другихъ Горскихъ Татаръ, склонныхъ къ грабежамъ, дѣлать набѣги и утѣснять ихъ сосѣдей, находившихся подъ покровительствомъ Россіи. Сверхъ этого общаго раздѣленія войскъ на три арміи, вторая раздѣлялась еще на два корпуса, изъ коихъ первый подъ предводительствомъ Графа Румянцова имѣлъ повелѣніе собраться въ Новой Россіи за Днѣпромъ и охранять этотъ край отъ непріятельскихъ покушеній со стороны Бендеръ и Очакова, также и отъ нападенія кочевавшихъ тамъ Татарскихъ Ордъ. Другому корпусу второй арміи, подъ командою Генерала Берга, велѣно было идти къ Крыму и запереть этотъ полуостровъ, для воспрепят-

ствованія непріятельскимъ дѣйствіямъ со стороны Крымскихъ Татаръ. Сверхъ того, для пресѣченія непріятелю средствъ, подъ прикрытіемъ крѣпостей, перевозиться на Кубанскую сторону и дѣлать нападенія на Русскія границы, предположено завесть на Дону флотилію. Наконецъ Генералъ Вернесъ, съ небольшимъ корпусомъ, тоже изъ второй арміи, получилъ повелѣніе занять и укрѣпить Азовъ съ Таганрогомъ.

Приготовленіями на сухомъ пути не ограничивались приготовленія къ войнѣ съ Портою. Императрица намѣревалась, перенеся театръ военныхъ дѣйствій за Дунай, возстановить Грековъ, завести сношенія съ Египтомъ и способствовать этой странѣ освободиться отъ подданства Портѣ. Для этого два флота, стоявшіе въ Архангельской и Кронштатской гаваняхъ, порученные Адмиралу Спиридову и Контръ-Адмиралу Ельфинстону, получили приказаніе выступить въ Средиземное море.

Чтобы яснѣе и по возможности подробнѣе изобразить картину дѣйствій въ продолженіе войны, о приготовленіяхъ къ которой сей часъ упомянуто, мы опишемъ дѣйствія каждой арміи, отдѣльно. Продолженіе войны съ конфедератами, слившейся съ Турецкою, будетъ предметомъ тоже особой главы.

КНИГА V.

ГЛАВА X.

ДѢЙСТВІЯ ПЕРВОЙ АРМІИ ПРОТИВЪ ТУРОКЪ, ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА ГОЛИЦЫНА, ВЪ 1769 ГОДУ. РАЗБИТІЕ КАРАМАНА ПАШИ И ПОТОМЪ ВЕРХОВНАГО ВИЗИРЯ. ВЗЯТІЕ ХОТИНА. КНЯЗЬ А. М. ГОЛИЦЫНЪ СДАЕТЬ ГЛАВНОЕ НАЧАЛЬСТВО ГРАФУ П. А. РУМЯНЦОВУ.

1769 года, Апрѣля 11, главная Русская армія, подъ командою Князя Александра Михайловича Голицына, вступила въ занятой для нея лагерь въ Воеводствѣ Подольскомъ, близь мѣстечка Миньковца при деревнѣ Антоновкѣ. Два корпуса этой арміи, передовой подъ начальствомъ

Генералъ-Маіора Князя Прозоровскаго, и резервный предводительствуемый Генералъ-Поручикомъ Штофельномъ, подошли уже въ это время къ Днѣстру. На другой день, въ Вербное Воскресенье, совершена была литургія; по окончаніи ея соборное водоосвященіе и молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ »да ниспошлетъ Всевышній благословеніе оружію Русскому, поднятому на враговъ Христіанства по ихъ собственному вызову!» Знамена и все именитое Русское воинство были окроплены освященною водою.

14 числа Апрѣля, при мѣстечкѣ Калусѣ, наведены были чрезъ Днѣстръ два понтонные моста, и отряды Князя Прозоровскаго и Генералъ-Поручика Штофельна переправились на ту сторону рѣки для прикрытія перехода главной арміи и занятія мѣстъ для общаго лагеря. На другой день съ шести часовъ утра начала переправляться за Днѣстръ главная армія и подвечеръ расположилась на бивакахъ на другомъ берегу. Главнокомандующій узналъ, что сверхъ двѣнадцатитысячнаго гарнизона, находившагося въ

крѣпости Хотинъ, идетъ туда сорока-тысячный корпусъ, подъ главнымъ начальствомъ Карамана Паши. Желая предупредить соединеніе непріятельскихъ армій, Князь Голицынъ, со всѣми ввѣренными ему силами двинулся къ Хотину, куда и прибылъ 18 числа, безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны непріятельской. Наканунѣ этого дня Князь Прозоровской, начальствовавшій передовыми Русскими войсками, настигъ аріергардъ Карамана Паши, напалъ на него, взялъ четыре знамя, два бубна, нѣсколько лошадей и положилъ на мѣстѣ около четырехъ сотъ непріятелей. [5]

Въ день Св. Пасхи, Апрѣля 19 числа, по отпѣтіи Божественной литургіи, Главнокомандовавшій арміею отдалъ приказъ занять высоты вокругъ крѣпости Хотина и ставить батареи. Къ атакѣ назначены были полки: кирасирскій Кіевскій; карабинерные: Тобольскій, Вятскій, Московскій, Тверской, Ряжской, Рязанской, Нижегородскій, Каргапольскій и Ингерманландскій; гренадерскіе первый, третій и четвертый; мушкатерскіе

Невскій, Ширванскій, Ингерманландскій, Ярославскій, Выборгскій, Апшеронскій, Куринскій и С. Петербургскій; восемь сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ, всѣ егеря; гусарскіе: Сербскій, Ахтырскій, Венгерскій, Острогожскій, Харьковскій; эскадронъ желтыхъ и два эскадрона черныхъ гусаръ съ нѣсколькими сотнями Донскихъ Козаковъ. [6] Предводителями войскъ Главнокомандующій назначилъ полнаго Генерала Олица, Генералъ-Поручиковъ Штофельна, Эссена, Графовъ Брюса и Ивана Петровича Салтыкова, Генералъ-Маіоровъ Князя Долгорукаго, Ступишина, Князя Горчакова, Глѣбова, Измайлова, Князя Прозоровскаго, Князя Голицына, Каменскаго и Артиллеріи Полковника Мелиссино.

Устроивъ батареи, Русскіе двинулись на непріятеля въ три часа по полудни. Не взирая на сильный отпоръ, непріятельская артиллерія была сбита, Мусульмане обращены въ бѣгство: иные удалились въ Хотинъ, другіе во внутренность Молдавіи и къ Бендерамъ. Генералъ-Поручикъ Штофельнъ и Ге-

нералъ - Маіоръ Князь Долгорукій съ восьмью гренадерскими баталіонами, Генералъ - Поручикъ Эссенъ и Генералъ-Маіоръ Князь Голицынъ съ пятью пѣхотными и пятью карабинерными полками отправлены были въ погоню за непріятелемъ; преслѣдовали его не только до предмѣстья, но и до палисада самой крѣпости. По наступленіи ночи главная армія расположилась въ занятомъ близъ Хотина лагерь, а отряды преслѣдовавшіе Турокъ, въ непріятельскомъ ретраншаментѣ. При этомъ дѣлѣ Русскіе взяли три знамя, семь пушекъ, всѣ палатки непріятельскаго лагеря съ багажемъ и множество вьючныхъ лошадей. [7]

Довольный полученною побѣдою, Главнокомандующій »во уваженіе, что Хотинъ безъ прямой осады брать невозможно для вобравшагося тогда въ сію крѣпость многочисленнаго гарнизона и артиллеріи, что хотя и возможно подлинно взять оную приступомъ съ шпагою въ рукахъ, но она не такой важности, чтобъ пріобрѣтеніе оной могло наградить претерпѣваемой въ такихъ

жаркихъ предпріятіяхъ уронъ и всѣ тѣ безпокойства, какія при удаленіи отъ своихъ магазиновъ въ безводной почти и совсѣмъ притомъ отъ непріятеля раззоренной землѣ неминуемы;« [8] и ожидая, что непріятель самъ рѣшится вступить въ бой съ войсками Русскими, велѣлъ итти обратно за Днѣстръ, къ тяжелому своему обозу. 24 числа войска наши, кромѣ корпусовъ, находившихся подъ командою Штофельна и неутомимо храбраго Князя Прозоровскаго, переправились на прежнемъ мѣстѣ чрезъ Днѣстръ и стояли при Калусѣ до 28 числа, не имѣя никакого дѣла съ непріятелемъ. Но и тутъ, заготовленные въ обозѣ провіантъ и фуражъ мало по малу подобрались. Князь Александръ Михайловичь рѣшился отступить далѣе внутрь Польши, гдѣ опять нѣсколько недѣль ожидаемый непріятель не показывался. Войска скучали бездѣйствіемъ. Одинъ только отрядъ Князя Прозоровскаго безпокоилъ непріятеля и поражалъ его во всѣхъ стычкахъ и то, правда, незначительныхъ. [9] Наконецъ по-

лучено было извѣстіе, что Турки и Татары Крымскіе, сосредоточивъ силы свои у Хотина, намѣреваются ворваться въ Польшу и присоединиться къ Конфедератамъ. Для ближайшаго наблюденія надъ непріятелемъ отряженъ былъ Князь Прозоровскій. 19 числа Іюня увидалъ онъ двадцатитысячный Турецкій корпусъ, шедшій изъ Хотина къ Днѣстру съ тѣмъ, чтобы переправясь на лѣвый берегъ рѣки, проложить себѣ дорогу къ Каменцу-Подольскому. Стремительно напали на Турокъ храбрые гренадеры и гусары предводимые неустрашимымъ Прозоровскимъ. Непріятель, оставивъ на мѣстѣ сраженія болѣе четырехъ сотъ человѣкъ, обратился въ бѣгство. Два знамя были трофеями побѣдителей. [10]

Для предупрежденія новыхъ покушеній непріятеля, Главнокомандовавшій рѣшился занять прежнюю позицію, близъ Хотина. 24 числа Іюня войска наши начали перебираться за Днѣстръ и 28 числа расположились лагеремъ близъ деревни Рогози, лежащей отъ Хотина съ небольшимъ въ двухъ миляхъ. Однако надежды

Главнокомандовавшаго заманить Мусульманъ къ главной битвѣ, не сбывались; напротивъ того, какъ самъ онъ писалъ къ Императрицѣ—»о стоянiемъ впереди Русскихъ войскъ, подъ Хотиномъ непрiятельскомъ войскѣ и слуху не было, потому что оно, къ крайнему удивленiю и непонятнымъ образомъ нигдѣ и ни въ одномъ человѣкѣ не показывалося, но паче такъ укрывалось, что не токмо наши впереди находившiеся и всѣ опасныя мѣста занимающiе резервный корпусъ и легкiе войска никогда никого изъ непрiятелей не видали, но и самые для развѣдыванiя объ немъ посылаемые и за милю до Хотина доѣзжавшiе партiи никогожъ найти, а симъ способомъ что либо и провѣдать не могли.« Наконецъ Князь Александръ Михайловичь вознамѣрился подойти ближе къ Хотину, и 2 Iюля, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ перестрѣлокъ, подступилъ къ крѣпости, примкнувъ лѣвымъ крыломъ армiи къ самому Днѣстру, и вытѣснилъ Турковъ изъ ихъ укрѣпленiй. Непрiятель скрылся въ крѣпость, и какъ сказывали послѣ плѣнные, рѣшился защищиться до

послѣдней крайности, полагаясь на огромное число припасовъ всякаго рода, находившихся въ его власти. А потому Главнокомандующій рѣшился держать крѣпость въ блокадѣ и голодомъ принудить непріятеля къ сдачѣ.

Блокада расположена была слѣдующимъ порядкомъ: главная армія, какъ уже замѣчено было, примкнувъ лѣвымъ крыломъ къ Днѣспру, облегала большую часть крѣпости; непріятельскій ретраншаментъ былъ занимаемъ, попеременно нѣсколькими полками, подъ камандаю одного Генералъ-Поручика; по берегу Днѣстра, ниже крѣпости, по дорогѣ къ Бендерамъ, разположенъ былъ корпусъ Генералъ-Маіора Князя Прозоровскаго. Внутрь Молдавіи, по дорогамъ къ Бендерамъ и Ясамъ, равно какъ и по другой сторонѣ Днѣстра, къ Польшѣ, учреждены были разъѣзды для воспрепятствованія подвоза въ крѣпость припасовъ и пресѣченія всякаго сообщенія. Генералъ-Поручикъ Реннекампфъ получилъ приказаніе поставить артиллерію въ тѣхъ мѣстахъ, откуда непріятель получалъ воду и гдѣ замѣчены

были водопои для лошадей. Эта блокада продолжалась до 22 числа Іюля безъ всякихъ особенно замѣчательныхъ событій: [11] Русскіе выжидали прибытія непріятеля, который, по слухамъ, долженъ былъ приблизиться къ Хотину; кидали бомбы, перестрѣливались съ Турками, выходившими въ самомъ незначительномъ числѣ изъ крѣпости. Наконецъ 22 Іюля непріятель явился передъ нашею арміею: это были войска Турецкія и Татарскія, предводимыя Сераскиромъ Молдованжи Пашею и Ханомъ Крымскимъ. Главнокомандующій собралъ всѣ свои силы и приготовился встрѣтить непріятеля; но онъ, не вступая въ значительный бой, послѣ кратковременной перестрѣлки съ нашими передовыми постами, удалился отъ крѣпости. [12] Между тѣмъ, это движеніе, искусно замаскированное Сераскиромъ, обезпокоило Князя Голицына: онъ измѣнилъ планъ блокады, не распускалъ собранныхъ войскъ на прежде занимаемыя ими мѣста и тѣмъ доставилъ осажденнымъ средства имѣть сообщеніе съ прибывшими войсками и получить отъ нихъ

продовольствіе, въ которомъ началъ было уже терпѣть крайнюю нужду. И такъ, все время, проведенное отъ начала блокады до 25 числа Іюля, можно было считать потеряннымъ: въ этомъ сознавался и самъ Главнокомандовавшій. 26 числа давно ожидаемый непріятель показался опять, сталъ было окружать нашихъ всѣми своими силами, какъ бы вызывая къ рѣшительному бою — а потомъ, къ вечеру, прекратилъ огонь и остановился въ виду нашей арміи: Князь Александръ Михайловичь, какъ можно видѣть изъ Журнала его военныхъ дѣйствій, давно ожидалъ случая къ главной битвѣ, и въ томъ же Журналѣ подъ 26 числомъ Іюля записано: »силы непріятельскія подлинно были многочисленны, хотя точное число оныхъ было и неизвѣстно; но не число сего непріятеля остановило насъ атаковать его тогожъ дня, а сперва ожиданіе, что онъ начнетъ атакою, къ чему и всѣ доказательства были, а потомъ наступившая ночь была тому причиною.« [12]

На другой день, Русскіе примѣтили, что непріятель укрѣпилъ еще болѣе свой ла-

теръ и безъ того укрѣпленный самою природою и почти неприступный. Главнокомандовавшій собралъ военный совѣтъ для рѣшенія »атаковать ли непріятеля тотчасъ всѣми силами, потому что всѣ до послѣдняго солдата несказанную имѣли къ тому охоту;«—и съ тѣмъ вмѣстѣ предложилъ на разсужденіе »что вторичный переходъ за Днѣстръ предпринятъ былъ для того, чтобъ принудить непріятеля обратиться въ ту или другую сторону, что и достигнуто; другое же намѣреніе—взятіе Хотина, которое и сначала полагалось на одну могущую быть удачу, совсѣмъ миновалось; то хотя превеликая подлинно была бы надежда, что раздѣлявшія армію отъ непріятеля преграды преодолѣются и ожиданная отъ помощи Божіей побѣда будетъ тѣмъ совершеннѣйшая, что непріятель былъ бы прижатъ къ самой рѣкѣ Днѣстру, слѣдовательно и ретироваться инако не могъ бы, какъ токмо однимъ лѣвымъ его крыломъ; подлинно однакоже и то, что въ такомъ случаѣ отчаяніе его, во всѣхъ бѣдственныхъ ему обстоя-

шельствахъ толико извѣданное, что раненые лучше умираютъ, нежели въ плѣнъ сдаются, послужилобъ ему вмѣсто прямаго мужества и храбрости, что и самый величайшій его уронъ могъ однакоже и намъ стоить весьма дорого, потому что идучи по буеракамъ, нельзя было бъ не разрываться и великому множеству нахальной конницы не подавать чрезъ то способу ко впаденію, что наша конница напротиву того, стояніемъ чрезъ четыре недѣли въ сей непріятелемъ опустошенной уже землѣ нѣсколько ослабѣвшая и по самой своей тягости не моглабъ толь проворно вездѣ бросаться, гдѣ непріятельская прорывается.«[14] Причины, нами приведенныя и записанныя въ Журналъ Главнокомандовавшаго, принудили его »ревность и алчное къ сраженію желаніе всего войска предоставить другому полезнѣйшему случаю.« И такъ простоявъ подъ Хотинымъ до 1 Августа, Князь Александръ Михайловичь отдалъ ввѣренной ему арміи приказъ — отступать къ Каменцу-Подольскому.

Извѣстія, получаемыя Императрицею изъ первой арміи, мало соотвѣтствовали Ея ожиданіямъ; къ этому, говорятъ, присоединились и стороннія донесенія, въ коихъ тайные враги не щадили Князя Александра Михайловича. Екатерина рѣшилась отозвать его въ Санктпетербургъ и поручить главное начальство надъ первою дѣйствующею арміею Графу Петру Александровичу Румянцову. Къ Голицыну Государыня отправила Рескриптъ (отъ 13 Августа), вполнѣ свидѣтельствующій, сколь была милостива Екатерина истинно Великая: этотъ Рескриптъ былъ слѣдующаго содержанія: »Князь Александръ Михайловичъ! Отзывая васъ отъ арміи, хочу Я съ вами объясниться, дабы вы отнюдь не приняли съ Моей стороны за гнѣвъ, но единственно, какъ оно и въ самомъ дѣлѣ есть, за обстоятельства, выходящія изъ положенія дѣлъ Моихъ, кои требуютъ вашего присутствія здѣсь, дабы въ бытность вашу при Насъ какъ очевидный въ арміи свидѣтель положенія тамошнихъ мѣстъ и дѣлъ, такъ и всѣхъ обстоятельствъ, точныя для не-

реди чрезъ васъ получать свѣденія, которыя великую пользу и облегченіе въ дѣлахъ нынѣшнихъ подать могутъ. Впрочемъ остаюсь какъ напвсегда вамъ доброжелательная.« [15]

Между тѣмъ до пріѣзда Румянцова судьба предоставила Князю Голицыну случай увѣнчаться блистательнымъ подвигомъ. 14 Августа Князь Прозоровскій увѣдомилъ Главнокомандовавшаго, что непріятель готовится перейти на-сю сторону Днѣстра и напасть на Русскихъ. Это увѣдомленіе оправдалось событіемъ: часу въ первомъ пополудни показались передовые Турецкіе отряды; вскорѣ число непріятельскихъ войскъ увеличилось до десяти тысячь. Завязалось сраженіе, продолжавшееся четыре часа и Турки показали тылъ, оставя на мѣстѣ болѣе тысячи человѣкъ убитыми. Между тѣмъ плѣнные показали, что подъ Хотинымъ находится Турокъ, Татаръ и Конфедератовъ до полутораста тысячь, что непріятель готовится напасть всѣми силами на Русскихъ. Узнавъ это, Главнокомандующій придвинулъ свои войска къ Днѣпру,

остановился на пушечный выстрѣлъ отъ Хотина и приготовился къ встрѣчѣ непріятеля. Тутъ наши простояли до 29 Августа, наблюдая за Мусульманами. Въ этотъ день на разсвѣтѣ показались огромныя полчища Турецкія, предводимыя Сераскиромъ Молдаванжи, котораго Султанъ не задолго предъ тѣмъ возвелъ въ достоинство Верховнаго Визиря. Этотъ предводитель Оттомановъ, соединявшій съ нравомъ воинственнымъ, пылкимъ, чрезвычайное самолюбіе, увѣренный въ побѣдѣ, хотѣлъ всѣми силами охватить нашу армію, истребить ее или взять въ плѣнъ, и въ первомъ дѣлѣ, совершенномъ подъ его начальствомъ, оправдать выборъ и довѣріе своего повелителя. Наши пламенѣли желаніемъ сразиться, съ нетерпѣніемъ ожидали знака къ началу боя, готовились сдѣлать сильный отпоръ непріятелю многочисленнѣйшему. Предчувствія торжества и побѣды таились въ сердцѣ и Главнокомандовавшаго, которому извѣстна уже была воля Императрицы, изъявленная въ Рескриптѣ отъ 13 Августа.

Часу въ седьмомъ утра, непріятель сдѣлавъ залпъ изъ всѣхъ своихъ орудій, вѣроятно служившій сигналомъ къ началію битвы, открылъ первый сраженіе; отрядъ его конницы кинулся на наше правое крыло. Но мѣткіе и губительные выстрѣлы съ батарей Полковника Мелесино остановили ея стремленіе; другой непріятельской отрядъ конницы и нѣсколько тысячь пѣхоты напали на корпусъ находившійся въ лѣсу и предводимый Генералъ-Поручикомъ Графомъ Брюсомъ, ворвались въ ряды нашихъ войскъ между четвертымъ гренадерскимъ и Санктпетербургскимъ полкомъ. Эти два полка отступили, но не надолго: четвертый гренадерскій полкъ, предшествуемый Графомъ Брюсомъ, ударилъ въ штыки, соединился съ Санктпетербургскимъ и Куринскимъ и вытѣснилъ непріятеля изъ лѣсу. Нападенія непріятель возобновлялъ пять разъ — и пять разъ отступалъ, поражаемый нашими во всѣхъ пунктахъ. Къ Графу Брюсу подоспѣли нѣсколько полковъ изъ корпуса Генералъ-Поручика Салтыкова и чрезъ нѣсколько

минутъ лѣсъ былъ очищенъ отъ непріятеля.

Между тѣмъ другой двадцатитысячный отрядъ Турецкой и Татарской конницы ринулся на наши конные полки, стоявшіе не вдалекѣ отъ лѣса, влѣво отъ корпуса Графа Брюса. Наша конница была несравненно малочисленнѣе Мусульманской; но не смотря на это, съ непоколебимою твердостію выдержала первый натискъ Турокъ, заставила его отступить. Тутъ Турки получили подкрѣпленіе и съ новымъ ожесточеніемъ кинулись на нашихъ, начавшихъ отступать къ лѣвому крылу арміи, подъ защиту батарей. Губительный огонь нашей артиллеріи обратилъ въ бѣгство Оттомановъ.

Верховный Визирь, видя неудачныя дѣйствія своихъ отрядовъ, окружилъ всю нашу армію и тутъ завязался общій, кровопролитный бой, продолжавшійся до семи часовъ вечера. Надменный предводитель Мусульманъ обманулся въ своихъ предположеніяхъ: вмѣсто разбитія нашей арміи, самъ пораженный во всѣхъ пунк-

тахъ, принужденъ былъ обратиться въ бѣгство, въ полномъ смыслѣ этого слова. Девять Турецкихъ знаменъ достались побѣдителямъ. Сверхъ того непріятель лишился семи тысячь человѣкъ убитыми, 64 пушекъ, 14 мортиръ и множества повозокъ и лошадей.[16]

Чрезъ недѣлю послѣ этого, судьба предала еще десяти-тысячный Турецкій корпусъ въ руки Русскихъ. Турки удалившіеся послѣ пораженія за Днѣстръ, снова захотѣли попробовать счастія и переправились на берегъ рѣки, гдѣ стояла лагеремъ наша армія, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста переправы. Это случилось 6 Сентября. Въ ночи на 7-е число пошелъ проливной дождь, поднялъ на Днѣстрѣ воду и сорвалъ мосты, по которымъ переправлялись Турки. Сообщеніе съ другимъ берегомъ было такимъ образомъ разрушено; переправа въ бродъ отъ высокой воды невозможна. Главнокомандующій воспользовался обстоятельствами: отрядилъ восемь гренадерскихъ баталіоновъ, да изъ разныхъ полковъ двѣнадцать ротъ. Русскіе неожиданно напа-

ли на непріятеля — и весь десяти-тысячный Турецкій корпусъ былъ истребленъ или разсѣянъ. Изъ числа Турокъ кинувшихся вплавь чрезъ Днѣстръ, не спаслось и десятой доли. Сто пятдесятъ обыкновенныхъ знаменъ, одно большое, всѣ непріятельскія пушки и весь лагерь съ багажемъ достались въ руки побѣдителей. [17]

9 Сентября, по случаю произшедшаго возмущенія Турки удалились изъ Хотина, оставивъ эту крѣпость нашимъ войскамъ. Вслѣдъ за взятіемъ Хотина, Главнокомандующій отрядилъ Генералъ-Поручика Барона Эльмпта для занятія Яссъ. Этотъ городъ занятъ былъ нашими 16 числа Сентября въ день прибытія къ первой арміи новаго предводителя, Графа Петра Александровича Румянцова. Голицынъ прибылъ въ С. Петербургъ 22 числа Октября и былъ возведенъ Императрицею въ достоинство Генералъ-Фельдмаршала.

КНИГА V.

ГЛАВА XI.

ЗАНЯТІЕ МОЛДАВІИ. ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ГЕНЕРАЛОВЪ ПАНИНА, БЕРГА И ДЕ МЕДЕМА.

Новый Главнокомандующій, принявъ начальсшво надъ ввѣренною ему первою арміею, рѣшился отложишь дальнѣйшія насшупашельныя дѣйсшвія прошивъ Турокъ до начала весны слѣдующаго года. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ главныя войска наши были введены въ зимнія кварширы, въ избранныхъ мѣсшахъ между рѣками Бугомъ и Днѣсшромъ.

Между тѣмъ Генералъ - Поручикъ Эльмптъ, отряженный для окончательнаго занятія Молдавіи, перешелъ 19 Сентября чрезъ Прутъ у деревни Кривы и 22 числа прибылъ съ своимъ корпусомъ въ мѣстечко Батучаны. Этому корпусу предшествовалъ отрядъ легкихъ войскъ, подъ начальствомъ Князя Прозоровскаго, который подтвердилъ жителямъ обнародованный еще прежде Манифестъ о вступленіи въ Молдавію нашей арміи, долженствовавшей принять эту страну подъ защиту и покровительство Русскаго оружія. Манифестъ обѣщавшій милости Императрицы Всероссійской былъ принятъ Молдаванами съ восторгомъ, и Баронъ Эльмптъ, при вступленіи въ Батучаны былъ встрѣченъ тамошними боярами и духовенствомъ. Игуменъ Сочальскаго монастыря Пансій привѣтствовалъ предводителя войскъ поздравительною рѣчью на Русскомъ языкѣ и отъ лица всѣхъ жителей объявилъ готовность присягнуть въ вѣрности и подданствѣ Императрицѣ Екатеринѣ II. [16]

Послѣ пораженія подъ Хотинымъ, Верховный Визирь и Ханъ Крымскій расположились было за Яссами, близь Рябой Могилы; но узнавъ о вступленіи нашихъ войскъ въ Молдавію, кинулись за Дунай, къ Исакчѣ. Отправленные Барономъ Эльмтомъ для преслѣдованія непріятеля три отряда нашли только часть обоза оставленную Турками въ Цоцорахъ, да человѣкъ восемдесятъ отсталыхъ. Визирь же и Ханъ съ своими полчищами были уже за Дунаемъ.

26 Сентября Русскіе въ полдень вступили въ Яссы и были встрѣчены всѣми знатнѣйшими боярами »съ отличною честью и радостію.« Баронъ Эльмтъ отправился въ соборную церковь, былъ принятъ при входѣ Митрополитомъ со всѣмъ духовенствомъ и принималъ присягу отъ жителей Яссъ на подданство Россіи.[19] Оставивъ въ Яссахъ и въ окружныхъ мѣстечкахъ нѣсколько полковъ, подъ начальствомъ Князя Прозоровскаго, Эльмтъ съ остальными войсками возвратился къ главной арміи. И такъ Молдавія была покорена, и можно сказать, по-

чти безъ кровопролитія, если исключить битву 26 Августа; сохраненіе этой страны было гораздо труднѣе завоеванія. Молдавскій Господарь Маврокордато, скрывшійся отъ Русскихъ, разсѣялъ между своими соотечественниками слухи, неблагопріятные для новыхъ завоевателей, грозилъ имъ карою Турокъ, увѣщевалъ принесть повинную Султану. Графъ Петръ Александровичь разсудилъ усилить войска находившіяся въ Молдавіи, и за болѣзнію Князя Прозоровскаго, поручилъ начальство надъ ними Генералъ-Поручику Штофельну. 11 Ноября, Штофельнъ отрядилъ къ Галацу, для рекогносцированія береговъ Дуная Полковника Фабриціена съ 1600 конницы и пѣхоты. Едва только этотъ отрядъ сталъ приближаться къ городу, какъ показались Турки, въ числѣ семи тысячь. Ими начальствовалъ Сераскиръ Мегметъ Урафа Валаси; въ штабѣ его находился и Молдавскій Господарь Маврокордато.

Превосходство непріятеля не устрашило Русскихъ. Одни Арнауты начали было уступать ему; но пѣхота храбраго

Фабриціена ринулась на Турецкую батарею, овладѣла ею и погнала Турокъ, которые оставя на мѣстѣ сраженія болѣе 1200 человѣкъ убитыми и ранеными, побѣжали за Дунай. Наши войска торжественно вступили въ Галацъ. Кромѣ этого города, пять пушекъ, санджакъ Сераскира, два знамя и бунчукъ достались побѣдителямъ. Въ числѣ плѣнныхъ были Господарь Маврокордато [20] и Сераскирскій Кегая. Наша потеря ограничилась двѣнадцатью человѣками убитыми и пятидесятью ранеными. Въ тоже время, отряженный отъ Штофельна Подполковникъ Каразинъ имѣлъ дѣло съ непріятелемъ подъ Бухарестомъ; взялъ тамъ въ плѣнъ Волохскаго Господаря Григорія Гику съ его сыномъ, братомъ и всѣми придворными.

Нѣсколько подобныхъ схватокъ съ непріятелемъ окончили военныя дѣйствія первой арміи противъ Турокъ, въ 1769 году. [21] Русскіе всегда одерживали верхъ надъ Мусульманами, хотя этотъ годъ и не былъ ознаменованъ подвигами, украшающими страницы Исторіи нашего

Отечества и совершившимися въ послѣдовавшихъ годахъ. Представимъ теперь краткій очеркъ дѣйствій второй арміи, находившейся въ началѣ войны подъ предводительствомъ Графа Петра Александровича Румянцова, и потомъ—Графа Петра Ивановича Панина.

Графъ Румянцовъ, послѣ совѣщаній въ Кіевѣ съ Княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ о планѣ предстоявшихъ военныхъ дѣйствій, прибылъ къ ввѣренной ему арміи въ Февралѣ 1769 года. Тутъ получилъ онъ рапорты отъ Генералъ-Маіоровъ Исакова и Романуса и отъ Запорожскаго Кошеваго Атамана о происходившихъ между ими и Татарами сшибкахъ. Главное содержаніе ихъ рапортовъ ограничивалось тѣмъ, что »Татары нигдѣ не стояли, такъ что не осталось ни одной изъ нашихъ партій, которая бы не привезла съ собою нѣсколько плѣнныхъ, лошадей и другой добычи.« Въ этомъ же мѣсяцѣ Румянцовъ отправилъ Генералъ-Поручика Берга для занятія Азова и Таганрога.[**] Успѣхъ этой экспедиціи оправдалъ ожиданія

Императрицы, и не прошло полгода какъ она писала къ Вольтеру (14 Іюля) »со времени начатія войны исполнила Я два новыя предпріятія: построила Азовъ и Таганрогъ, при коемъ Петръ Первый основалъ и разорилъ карабельную пристань. Эти два драгоцѣнные камня получили такую оправу, которая, можетъ быть, Мустафѣ не понравится.« [23]

Въ началѣ Мая мѣсяца Графъ Петръ Александровичь избралъ главною квартирою Крюковъ-Шанецъ. Узнавъ тамъ о побѣдѣ Князя Голицына надъ Турками подъ Хотинымъ, Румянцовъ переправился съ своею арміею за Днѣпръ, чтобы этимъ движеніемъ привлечь на себя вниманіе непріятеля, раздѣлить многочисленныя его силы, шедшія изъ-за Дуная подъ предводительствомъ Визиря. Главные корпуса второй арміи подъ начальствомъ Графа Румянцова не имѣли случая сразиться съ непріятелемъ. Дѣйствовали одни только отряды подъ командою Генераловъ Берга и Медема. [24] 28 Августа Графъ Румянцовъ, назначенный Главнокомандующимъ первой арміи, сдалъ свои войска, до прибытія

къ нимъ новаго полководца, избраннаго Императрицею, Графа Панина,[25] Князю Василью Михайловичу Долгорукову (впосльдствіи Крымскому). Для отнятія у непріятеля возможности проникнуть за Польскія границы, вторая армія получила приказаніе двинуться къ слободь Добрянкь, что на рькь Синюхь, перейти за Бугъ и послать разъьзды къ Рашкову, Могилеву и по рькь Кадыму до Дубоссаръ. Во время этого марша принялъ (17 Сентября) надъ войсками начальство Графъ Петръ Ивановичь Панинъ. Узнавъ что Хотинъ уже былъ занятъ Русскими, Панинъ немедленно послалъ отрядъ войскъ къ Бендерамъ, для воспрепятствованія разбитому непріятелю соединиться на этомъ пунктъ и чтобы удержать тамошній гарнизонъ отъ нападенія на наши полки, высланные въ Молдавію и сохранить сообщеніе первой арміи со второю. Вскоръ посль того Панинъ отрядилъ часть Запорожскихъ Козаковъ къ Очакову и устью Дньпра, а самъ расположилъ главныя войска на зимнихъ квартирахъ отъ Кременчуга до самыхъ Крымскихъ

границъ и Азова, занятыхъ корпусомъ Генерала Берга. Главная квартира второй арміи назначена была въ Харьковѣ.

Слѣдствіемъ мѣръ, принятыхъ Панинымъ было: разбитіе около Бендеръ Турецко-Татарскаго корпуса, при чемъ взято въ плѣнъ 1034 человѣка и отнято 21,020 лошадай, 264 верблюда, 78,500 головъ рогатаго и мѣлкаго скота. [26] Замѣчательно наставленіе, обнародованное Панинымъ въ приказѣ своимъ войскамъ, какимъ образомъ должно обращаться съ непріятелемъ. Описывая незнаніе военной науки и подчиненности, обманчивую храбрость Мусульманъ, мгновенно исчезающую, ихъ обычай устрашать противниковъ крикомъ, дурное вооруженіе Татаръ, убѣждалъ солдатъ своихъ презирать многолюдство враговъ, и, съ Божіею помощію, нападать одному на сто человѣкъ, памятуя, что оружіе Русское, всегда побѣдоносное, неоднократно торжествовало надъ невѣрными.

Военныя дѣйствія отряда, находившагося подъ командою Генералъ-Поручика

Берга, начались не прежде Іюля, 1769 года. Къ 15 числу этого мѣсяца Бергъ пришелъ уже къ рѣкѣ Сивашъ, имѣя нѣсколько схватокъ съ Татарами, бѣжавшими при первомъ появленіи Русскихъ. Убѣдившись въ невозможности итти далѣе съ войскомъ, потому что степь была выжжена непріятелемъ, корма для лошадей достать было невозможно, воды, кромѣ испорченной колодезной нигдѣ не находили, Бергъ принужденъ былъ необходимостію отказаться отъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій противъ непріятеля. Оставивъ близь Сиваши Полковника Горбикова съ полкомъ и отправивъ къ Перекопу Калмыковъ, подъ начальствомъ Подполковника Борзова, съ шестью орудіями, Генералъ Бергъ поворотилъ свое войско назадъ къ Молочнымъ Водамъ. Появленіе Берга въ Крыму было слишкомъ тягостно для обитателей этого полуострова: Крымцы, отогнавъ отъ безкормицы свой скотъ въ горы, скоро замѣтили въ немъ надежъ. Земледѣльцы оставили засѣянныя ими поля, не собравъ хлѣба, который весь пропалъ или былъ

сожженъ. Обнаружился голодъ, и Турецкое войско, прибывши въ Кефу, для подкрѣпленія Перекопа, принуждено было, за недостаткомъ продовольствія, удалиться съ полуострова. Сверхъ того непріятель лишился 12,000 лошадей, 600 верблюдовъ, 8,000 овецъ и 4,000 головъ рогатаго скота, отогнанныхъ у него въ разное время Калмыками. [27]

Столь же успѣшно дѣйствовалъ корпусъ и Генералъ-Маіора де Медема, долженствовавшій охранять страны, принадлежавшія Россіи, отъ набѣговъ Кубанскихъ, Кабардинскихъ и другихъ Горскихъ Татаръ. Непріятель вездѣ бѣжалъ, гдѣ ни показывались Русскіе и Калмыки, оставляя свои стада въ добычу побѣдителямъ, или изъявлялъ желаніе вступить въ подданство Россіи. Такимъ образомъ вступили подъ покровительство Императрицы Екатерины многіе изъ Кабардинскихъ владѣльцевъ, еще при самомъ началѣ военныхъ дѣйствій. Примѣру этихъ Татаръ послѣдовали Абазинцы, жившіе при вершинѣ Кубани, и другіе Горцы. [28]

Зима 1769 года прекратила военныя дѣйствія; но бдительное око Русских Полководцевъ вездѣ слѣдило непріятеля. Заключимъ наше описаніе начала войны съ Турками нѣсколькими отрывками изъ писемъ Императрицы Екатерины къ Вольтеру. Увѣдомляя Ферпейскаго пустынника о войнѣ съ Портою, Екатерина писала »доброжелатели Мустафы вовлекли его въ сію войну противъ его желанія и воли. Войска его открыли войну грабежемъ и зажигательствомъ собственныхъ земель, и при выступленіи Янычаръ изъ столицы, сочтено было болѣе тысячи человѣкъ убитыхъ. Въ глазахъ самаго Султана и его Визиря били, таскали за волосы и ограбили Цесарскаго Посланника, его жену и дѣтей: никто не осмѣлился воспрепятствовать этому буйству. Вотъ сколько Правительство это слабо и неустроено, и симъ-то ужаснымъ привидѣніемъ думаютъ устрашить Меня.« [29]

Въ самомъ дѣлѣ, ополченіе Турокъ нельзя было назвать войскомъ: перенося повсюду гладъ и смерть, оно вредило

лить своимъ соотечественникамъ. »Турки собственную свою землю разоряли болѣе, нежели ихъ непріятели,« писала Екатерина къ Вольтеру, »и сами доставляли моимъ войскамъ случаи—ихъ, Татаръ и особливо Польскихъ мятежниковъ отправлять хорошо оттопчиванными.« [30]

Не смотря на потери Турокъ, съ самаго начала войны не выигравшихъ ни одного сраженія, Диванъ старался распространять въ Государствѣ вѣсти объ одержанныхъ будто бы успѣхахъ надъ Русскими, и послѣ каждаго пораженія »палилъ изъ пушекъ, торжествуя побѣды.« [31] Однако мѣры Султана, приказавшаго приготовить сокровища въ своемъ дворцѣ къ отправленію въ дальній путь, и по берегамъ Константинопольскаго пролива построить нѣсколько новыхъ баттарей, возбудили недовѣріе въ народѣ; бѣглецы изъ арміи разкрыли глаза обманываемымъ. Въ Константинополѣ вспыхнулъ мятежъ, начались грабительства, пожары. [32] Духъ безначалія, ропотъ и уныніе оказались и въ самомъ войскѣ Турецкомъ. Частые и

значительные побѣги заставили Визиря дать повелѣніе особому корпусу войскъ прекращать пути дезертерамъ и лишать жизни всякаго солдата, удалившагося отъ своей команды. Но все было тщетно: побѣги не прекращались, между тѣмъ неудовольствіе войска увеличивалось и состояніе Порты заслуживало всякое сожалѣніе. [33] Въ таковыхъ-то обстоятельствахъ прошелъ для Турокъ 1769 годъ. Оставляемъ на судъ читателей сообразить выгоды враждовавшихъ сторонъ, заключить о средствахъ къ продолженію военныхъ дѣйствій и возможности ожидавшихся тою и другою стороною успѣховъ при открытіи кампаніи въ слѣдовавшемъ году. »Еще въ 1769 году, не смотря на малый кругъ военныхъ дѣйствій Русскихъ противъ Турокъ, говоритъ Геренъ, Россія обратила на себя вниманіе цѣлой Европы и пріобрѣла довѣріе на будущіе успѣхи.«

Особливо множество толковъ произвело въ Европѣ отправленіе Русскихъ флотовъ въ Средиземное море. Судьи

политическихъ событій смотрѣли на это, какъ на чудо, какъ на явленіе оптическое; предсказывали неудачи, спорили между собою. »Что сдѣлаютъ нѣсколько кораблей, на водахъ ими впервые посѣщаемыхъ?« говорили почти всѣ издатели тогдашнихъ политическихъ газетъ. События не согласовались съ ихъ предсказаніями.

КНИГА V.

ГЛАВА XII.

ВОЗОБНОВЛЕНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ПРОТИВЪ ПОРТЫ, ВЪ 1770 ГОДУ.—ЗАВОЕВАНІЕ ВАЛЛАХІИ. БИТВЫ ПРИ ЛАРГѢ И КАГУЛѢ. РУССКІЕ ОВЛАДѢВАЮТЪ ИЗМАИЛОМЪ, КИЛІЕЮ И БРАИЛОВЫМЪ.

Въ Январѣ мѣсяцѣ 1770 года, войска наши, подъ предводительствомъ Генералъ-Поручика Штофельна, заняли Фокшаны. Въ окрестностяхъ этого мѣстечка былъ оставленъ обсерваціонный корпусъ подъ командою Генералъ-Маіоровъ Графа Подгоричани и Григорія Александ-

ровича Потемкина. Въ полдень, 3 Января, передовые пикеты наши увидали приближавшагося непріятеля. Графъ Подгоричани, съ тремя гусарскими полками, тотчасъ переправился чрезъ рѣчку Милку. За нимъ послѣдовалъ и Потемкинъ съ двумя баталіонами пѣхоты и нѣсколькими пушками. Завязалась сильная перестрѣлка. Непріятель началъ отступать; но получивъ у рѣки Рыбны подкрѣпленіе, снова обратился на Русскихъ. Сраженіе возобновилось опять съ равнымъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ и продолжалось до самой ночи. Тѣснимые отвсюду Турки расположились, за темнотою, близь деревень Слобожая и Крецулчи. На другой день, Турки опять начали переправляться на берегъ Милки, гдѣ стояли Русскіе. Подгоричани и Потемкинъ согласились между собою допустить непріятеля перебраться чрезъ рѣку; выступили въ тоже время изъ Фокшанъ, къ сдѣланнымъ впереди баттареямъ, первый съ гусарами, а другой съ пѣхотою, и построили три каре, между которыми расположили конницу.

Среднимъ командовалъ Генералъ-Маіоръ Потемкинъ, правымъ Текелли, лѣвымъ Ржевскій, Бригадиры. Военными движеніями распоряжалъ Графъ Подгоричани. Турки переправясь чрезъ рѣку, сдѣлали тоже на двухъ высотахъ баттареи и оставя ихъ на срединѣ фронта, протянули конницу въ обѣ стороны. Русскіе пошли навстрѣчу Мусульманамъ. Часть непріятельской конницы быстро бросилась тогда на гусаръ, стала было тѣснить ихъ. Но перекрестные выстрѣлы съ нашихъ баттарей обратили ее въ бѣгство. Остальные Турецкіе всадники заѣхали въ тылъ среднему каре, а двѣ тысячи Янычаръ и Лазовъ напали на правое. Русскіе были тѣснимы со всѣхъ сторонъ. Видя это, и прогнанные гусарами Турки обратились на лѣвое каре, составленное изъ Ширванскаго полка. Русскіе ударили въ штыки; Потемкинъ повелъ свое каре впередъ, велѣвъ между тѣмъ обстрѣливать тылъ. Другіе каре сдѣлали тоже— и непріятель, потерявъ тысячу человѣкъ убитыми, пять пушекъ, два знамени и пять фуръ съ порохомъ, побѣжалъ за

Милку. Гусары и Козаки преслѣдовали бѣгущихъ около пятнадцати верстъ, овладѣли еще одною пушкою и разбили ихъ обозъ, стоявшій за рѣкою Милкою. Побѣжденный непріятельскій корпусъ, по объявленію плѣнныхъ, состоялъ изъ десяти тысячь конницы и пѣхоты, подъ начальствомъ Сулиманъ - Паши и Сераскира Румели-Валаси. Сраженіе, кромѣ преслѣдованія, продолжалось болѣе трехъ часовъ. [34]

7 числа Января въ главную квартиру Графа Петра Александровича прибыли Депутаты Княжествъ Молдавіи и Валлахіи, отъ перваго съ увѣреніями въ непоколебимой вѣрности къ Престолу Всероссійскому; отъ втораго—съ изъявленіемъ готовности вступить въ подданство Россіи, подъ защиту и покровительство Великой Екатерины. Потеря Молдавіи была слишкомъ чувствительна для Порты; но блистательные успѣхи Русскаго оружія грозили ей потерею и Валлахіи. Диванъ Константинопольскій употреблялъ все мѣры, чтобы исторгнуть изъ рукъ завоевателей трофеи

ихъ превосходства и сохранить свое достояніе, угрожаемое мечемъ храбраго и непобѣдимаго Русскаго воинства. На мѣсто плѣненнаго Подполковникомъ Каразинымъ Валлахскаго Господаря Григорія Гики, былъ тотчасъ назначенъ Султаномъ на его мѣсто Господарь Моналаки. Ему дано было 180 увѣщательныхъ фирмановъ къ жителямъ Валлахіи, и въ подкрѣпленіе силы и дѣйствій фирмановъ— 20,000 конницы и пѣхоты. Еще 14 числа Декабря 1769 года, Моналаки, съ фирманами, пѣхотою и конницею подходилъ къ Бухаресту, чтобы войдя въ столицу новопожалованнаго ему Княжества, объявить и утвердить тамъ права свои. Но отраженный Генералъ - Маіоромъ Замятнинымъ, съ значительною потерею принужденъ былъ удалиться за рѣку Ордышь, къ Журжѣ. [35]

Генералъ - Поручикъ Штофельнъ, начальствовавшій корпусомъ войскъ, отправленнымъ для занятія Валлахіи, узналъ о новыхъ намѣреніяхъ непріятеля, удалившагося въ Журжу, овладѣть Бухарестомъ. Господарь Моналаки укрѣпился въ

этомъ городѣ, ожидая подкрѣпленія отъ Видинскаго Паши. Чтобы предупредить соединеніе двухъ непріятельскихъ силъ, 1 Февраля 1770 года Штофельнъ пошелъ къ Журжѣ и приближась на восемь верстъ къ городу, 3 числа, встрѣченъ былъ при деревнѣ Кошары десяти-тысячнымъ Турецкимъ корпусомъ, подъ начальствомъ Рущукскаго Трехбунчужнаго Паши Челиби. Послѣ жаркаго дѣла сильный непріятель долженъ былъ уступить искуству и мужеству Русскихъ. 4 Февраля Журжа взята была приступомъ. Непріятельскія полчища бросились за Дунай. 16 пушекъ, Пашинскій санджакъ, девять знаменъ, шесть бунчуковъ, серебряная булава и фирманъ, данный Султаномъ новому Валлахскому Господарю, множество провіанта и скота достались побѣдителямъ. Журжа, »яко городъ едиными Турками обитаемый« былъ преданъ огню. Эта же участь постигла всѣ близь лежавшія по Дунаю Турецкія селенія. [36]

Послѣ побѣды подъ Журжею, Штофельнъ обратился къ Бухаресту. Отъ 11 числа Февраля доносилъ онъ Главно-

командовавшему, »что жители Бухарестскіе встрѣтили его съ радостнымъ восклицаніемъ, сдѣлавъ при входѣ въ топъ городъ тріумфальныя ворота, чрезъ кои везены были взятые въ полонъ Турки и отбитыя у непріятеля пушки; что знатные духовнаго чина и бояре, имѣя столь чувствительные опыты защищенія своего и свободы отъ ига Магометанскаго, въ знакъ благодарности своей просили его Генералъ-Поручика о приведеніи ихъ къ присягѣ въ вѣрности и подданствѣ Ея Императорскому Величеству.« [37] 25 числа Февраля жители Сербіи прислали Графу Румянцову покорнѣйшее прошеніе о принятіи ихъ въ подданство Россіи.

Въ первыхъ числахъ Мая войска первой арміи выступили изъ зимнихъ квартиръ. Главнокомандующій, оставивъ въ Польшѣ для обезпеченія сообщенія нашихъ границъ съ арміею и истребленія Польскихъ мятежниковъ, четыре кавалерійскіе полка, двѣ тысячи козаковъ и двадцать ротъ пѣхоты, самъ съ главными силами своими двинулся къ Хотину,

куда и прибылъ 12 Маія. Проливные дожди, продолжавшіеся послѣ того около двухъ недѣль, принудили армію прекратить дальнѣйшій маршъ. 28 числа Маія войска остановились у деревни Белявицы и узнали, что непріятель въ числѣ двадцати тысячь расположился лагеремъ близъ Рябой Могилы, намѣреваясь перейти чрезъ Прутъ и вторгнуться въ Молдавію. Русскіе ждали переправы непріятеля до 16 числа Іюня, но тщетно. Наконецъ Главнокомандующій рѣшился самъ напасть на Турокъ, стоявшихъ лагеремъ на высокой горѣ, при рѣкѣ Прутѣ, ниже Рябой Могилы. 17 числа, въ 2 часа утромъ, армія наша »съ тихостію собралась къ походу.» Генералъ-Квартирмейстеръ Боуръ командовалъ авангардомъ, Генералъ-Поручикъ Князь Николай Васильевичь Репнинъ (занявшій мѣсто Штофельна, пораженнаго чумою) и Потемкинъ слѣдовали за нимъ; остальные войска, подъ командою самаго Главнокомандовавшаго прикрывали движенія передовыхъ полковъ и готовы были, при первой опасности на помощь противъ

сильнѣйшаго непріятеля. На разсвѣтѣ непріятель увидалъ стройную рать Русскихъ; и едва Генералъ Боуръ успѣлъ подойти къ нему на пушечный выстрѣлъ, какъ онъ ринулся въ бѣгство, поспѣшно сорвавъ свой лагерь. Кавалерія наша не могла достигнуть бѣгущихъ »ибо и лошади Турецкія привычны къ бѣгу.«[38] Въ непріятельскомъ войскѣ, бѣжавшемъ изъ лагеря при Рябой Могилѣ, считалось, какъ сказывали плѣнные, одиннадцать тысячь Турецкой конницы и столько же пѣхоты и еще пятдесятъ тысячь Татаръ, подъ начальствомъ Абазы-Паши и Хана Крымскаго. Румянцовъ пошелъ по стопамъ бѣглецовъ - Турокъ. Герой Задунайскій, по собственнымъ словамъ его »не могъ видѣть непріятеля, не наступая на него.« Послѣ бѣгства Турокъ-изъ подъ Рябой Могилы, Русскіе безпрепятственно подвигались впередъ, къ Дунаю. Турки бѣжали отвсюду, гдѣ ни появлялись наши войска, предводимые страшнымъ для нихъ Румянцовымъ. Настало 7 Іюля, 1770 года, достопамятное въ лѣтописяхъ военной исторіи нашего Оте-

чества. Русскіе искали сразиться съ непріятелемъ—и нашли сильныя рати его, расположенныя близъ рѣчки Ларги. Еще до знаменитой Ларгской битвы, не только сосѣди Россіи, но и вся Европа съ завистію и боязнію смотрѣла на доказанное уже могущество Имперіи, занимающей теперь девятую часть земнаго шара. Битва при Ларгѣ, увѣнчавшая неувядаемыми лаврами вождя Русскихъ силъ, Румянцова, утвердившая наименованіе непобѣдимыхъ за сынами Россіи, обратила на себя вниманіе цѣлой Европы и увеличила опасеніе тѣхъ, которые думали видѣть въ Екатеринѣ Великой завоевательницу, намѣревавшуюся управлять »Европою, съ властію диктаторскою!«

6 Іюля, съ наставшимъ утромъ, Русскіе удостовѣрились, что Турки и Татары расположились лагеремъ за рѣчкою Ларгою. Не освѣдомляясь о числѣ непріятельскихъ войскъ, Главнокомандующій отдалъ приказъ готовиться къ битвѣ, которая должна была свершиться на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Корпусъ Генералъ-Квартирмейстера Боура получилъ

приказаніе построить чрезъ Ларгу четыре моста; всѣ обозы, тотчасъ по полученіи приказа должны были отправиться въ устроенный позади арміи вагенбургъ.

Едва настали сумерки, Боуръ двинулся съ своимъ корпусомъ съ праваго на лѣвый флангъ, оставя на томъ мѣстѣ, гдѣ были расположены его войска, пылающіе огни. Эта предосторожность принята была для того, чтобы непріятель не предугадалъ движенія нашихъ войскъ; потому болѣе, что одинъ Прапорщикъ Ахтырскаго гусарскаго полка, Петръ Квитковскій »родомъ Полякъ« перебѣжалъ съ нашихъ передовыхъ постовъ въ непріятельскій лагерь. Этотъ безстыдный перемѣтчикъ былъ единственнымъ значительнымъ дезертеромъ изъ нашихъ войскъ во всю первую Турецкую войну.

По пробитіи вечерней зари, вслѣдъ за Боуромъ двинулись Князь Репнинъ и Потемкинъ съ своими полками. Къ полуночи всѣ три передовые корпуса были уже за Ларгою, и какъ скоро Главнокомандующій получилъ увѣдомленіе о ихъ

переправъ, пошелъ и самъ туда же, ведя войска въ трехъ колоннахъ. 7 числа, еще задолго до разсвѣта всѣ Русскіе полки выстроились на высотахъ, господствовавшихъ надъ непріятельскимъ лагеремъ. Татарскіе пикеты, охваченные корпусомъ Боура, возвѣстили въ своихъ полчищахъ приближеніе Русскихъ. Въ непріятельскомъ лагерѣ »показался огонь и дымъ превеликой отъ зажиганія пороха, что Турки за сигналъ имѣютъ тревоги; потомъ начался крикъ и обыкновенное метаніе во всѣ стороны отъ сна воспрянувшихъ людей.« Мусульмане встрѣтили Русскихъ залпомъ со всѣхъ своихъ баттарей. Румянцовъ велѣлъ Репнину и Боуру начать атаку на правой непріятельскій флангъ, а самъ построивъ армію кареями, пошелъ къ укрѣпленіямъ лагеря. Въ тоже время пушечные выстрѣлы возвѣстили приступъ Племянникова къ лѣвому непріятельскому крылу.

Татары устремились съ праваго крыла, лощиною на наше лѣвое; но Главнокомандующій отрядивъ изъ третьей дивизіи Графа Брюса два пѣхотныхъ полка Санкт-

петербургскій и Апшеронскій, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Римско-Корсакова и нѣсколько артиллерійскихъ орудій, обратилъ ихъ въ другую сторону. Между тѣмъ Генералъ-Маіоръ Мелиссино, заставляя молчать непріятельскую баттарею мѣткими выстрѣлами, очистилъ путь въ укрѣпленія. Лишь только войска наши стали входить въ ретраншаментъ, Румянцовъ поручивъ окончить начатое дѣло Генераламъ Олицу и Брюсу, самъ поскакалъ къ войскамъ, нападавшимъ на лагерь съ лѣвой стороны. Храбрые гренадеры, одушевленные присутствіемъ героя, штыками низпровергли укрѣпленія, брали пушки, быстро неслись на крутую гору не разстроиваясь въ рядахъ, и мгновенно взлетѣли на высоту холмовъ. Непріятель обратился въ бѣгство, бросивъ весь станъ свой. Тридцать мѣдныхъ пушекъ съ лафетами и три мортиры со всѣми артиллерійскими принадлежностями, восемь знаменъ, »безсчетное« множество палатокъ, скота, провіанта и другихъ вещей достались побѣдителямъ. Со втораго часу по по-

лудни, до самой поздней ночи, солдаты дѣлили между собою полученную добычу. [39]

Армія Мусульманъ, подъ предводительствомъ трехъ Пашей и Хана Крымскаго, состояла изъ восьмидесяти тысячь человѣкъ. Лагерь ихъ находился на высотахъ, защищаемыхъ четырьмя ретраншаментами и сильною артиллеріей. Ларгская битва началась въ четвертомъ часу утра и кончилась въ полдень. Наиболѣе трудностей долженъ былъ преодолѣть корпусъ Генералъ-Поручика Петра Григорьевича Племянникова: три отдѣленія непріятельскаго лагеря были уже взяты; но Турки тѣснимые Племянниковымъ изъ четвертаго, все еще держались. Это отдѣленіе было укрѣплено сильнѣе всѣхъ прочихъ; сверхъ того глубокіе рвы и утѣсистыя горы представляли преграды, доступныя лишь однимъ Русскимъ орламъ. За Ларгскую битву Румянцовъ получилъ орденъ Св. Георгія первой степени. [40]

Генералъ Квартирмейстеръ Боуръ отправился съ передовыми войсками для

преслѣдованія непріятеля и наблюденія за его переходами. Непріятель, раздѣлясь на двѣ части, потянулся одною къ Измаилу и Киліи, другою вдоль по рѣкѣ Кагулу. Главнокомандующій съ своею арміею перешелъ къ рѣчкѣ Салчѣ. Тутъ Русскіе расположились лагеремъ на плодоносныхъ равнинахъ, покрытыхъ пшеницею и ячменемъ, въ ожиданіи подвоза провіанта и фуража, въ которыхъ давно уже терпѣли недостатокъ: не доходя еще до Фалчи, армія наша »на вареніе кашъ употребляла единственно сухое быліе, общимъ словомъ имянуемое камышь.« [41]

Однако при всемъ плодородіи страны, гдѣ находились наши войска, въ провіантѣ день ото дня оказывался большій и большій недостатокъ. Прибытіе ожидаемыхъ обозовъ замедляла дождливая погода. Войскамъ нашимъ грозилъ голодъ. Между тѣмъ Генералы Боуръ и Князь Репнинъ почти ежедневно увѣдомляли Главнокомандующаго о движеніяхъ непріятеля. Воинственный духъ героя, не могшаго »видѣть непріятеля не наступая на него« велъ Румянцова все далѣе и далѣе.

16 числа Репнинъ прислалъ увѣдомленіе, что въ Турецкій лагерь пришло подкрѣпленіе. Румянцовъ двинулся впередъ и расположился при Кагулѣ, въ двѣнадцати верстахъ отъ Турецкаго стана. Въ тоже время узналъ онъ, что чрезъ Прутъ переправились наши транспорты съ провіантомъ и что имъ угрожаютъ наѣздники Татарскіе, для отраженія которыхъ недостаточно было обыкновеннаго прикрытія. Для защиты обозовъ съ провіантомъ посланы были Генералъ-Маіоры: Глѣбовъ съ пятью полками тяжелой кавалеріи, Графъ Подгоричани съ тремя гусарскими полками, Потемкинъ съ четырьмя баталіонами гренадеръ и Бригадиръ Гудовичъ съ двумя тысячами мушкетеръ и нѣсколькими орудіями. У Главнокомандующаго осталось всего семнадцать тысячь человѣкъ, почти одной пѣхоты. При Кагулѣ Румянцовъ стоялъ цѣлую недѣлю, безъ дѣла, не отваживаясь на дальнѣйшій маршъ за недостаткомъ провіанта. Турецкіе наѣздники подъѣзжали къ нашему лагерю, рубились и стрѣлялись съ Козаками Иловайскаго. [42] Герой

Задунайскій скучалъ въ бездѣйствіи. 20 числа Іюля, примѣтя необычайное движеніе въ полчищахъ Мусульманъ, Румянцовъ взошелъ на гору и взглянувъ на непріятеля, сказалъ окружавшимъ его »если Турки подойдутъ ближе и осмѣлятся разбить хотя одну палатку, я пойду на нихъ въ эту же ночь.» Едва прошло нѣсколько часовъ, какъ Турки приблизились къ нашему лагерю еще на пять верстъ, стали разбивать палатки. Въ тоже время Козаки привели плѣннаго Татарина, который сказалъ, что »впереди нашихъ войскъ стоитъ Верховный Визирь, Галиль Бей, съ полутораста тысячами Турокъ, и что сто тысячь Татаръ готовятся зайти нашей арміи въ тылъ, и такимъ образомъ, поставивъ ее между двухъ огней, истребить совершенно.« Истину этихъ словъ подтверждало движеніе непріятеля. Войска наши, безъ сравненія малочисленнѣйшія непріятельскихъ, находились въ критическомъ положеніи: никогда еще неизбѣжность пораженія не казалась столь очевидною, и никогда успѣхъ непріятеля не казался вѣр-

нѣе, какъ въ это время. »Великаго духа надобно было, чтобъ выйти только изъ сихъ трудностей,« а не только думать о побѣдѣ. Между тѣмъ Русскіе, предводимые храбрымъ, отважнымъ героемъ, Румянцовымъ, одержали побѣду, знаменитую побѣду при Кагулѣ, которая, въ повѣствованіяхъ древнихъ, и самому легковѣрному, показалась бы баснословною.

Румянцовъ не хотѣлъ дожидаться непріятеля, но хотѣлъ предупредить его. Въ полночь на 21 число Іюля Русскіе войска, построенныя въ пять карре выступили, изъ своего лагеря и на разсвѣтѣ приближались къ Траяновой дорогѣ. Мелиссино возвѣстилъ Туркамъ пушечными выстрѣлами свое приближеніе: Мусульмане пришли въ замѣшательство, изумленные отчаяннымъ мужествомъ нашихъ войскъ. Но отклонивъ робость мыслію, что истребятъ враговъ своихъ превосходствомъ силъ, невѣрные встрѣтили полки наши съ ожесточеніемъ, и воспользовавшись глубокою лощиною, хотѣли зайти имъ въ тылъ, между корпусовъ Брюса и Племянникова. Но Румян-

цовъ сквозь дымъ и огонь наблюдалъ всѣ шаги Мусульманъ и быстрымъ поворотомъ своихъ войскъ угрожалъ отрѣзать Турецкую конницу отъ лагеря. Съ крикомъ, опрометью бросились Турки къ своему лагерю, оставивъ нападеніе на карре Племянникова и Брюса. Съ пятаго часа утра до восьмаго Русскіе въ непрерывномъ огнѣ прокладали себѣ дорогу къ стану Турецкому, между тѣмъ какъ Гудовичь и Потемкинъ, занявшіе ночью съ ввѣренными имъ отрядами выгодную позицію на высотахъ, прикрывали отъ Хана Крымскаго обозы и препятствовали ему остановить армію нашу съ тыла. Всѣ пушечные выстрѣлы со стороны непріятеля обращены были на карре, въ которомъ находился Румянцовъ, и на карре Племянникова, шедшее по лѣвую сторону. Визирь въ одну ночь сдѣлалъ укрѣпленіе, обведенное тройными рвами, наполненными Янычарами. Румянцовъ непрестанно былъ подъ тучею ядеръ, нерѣдко попадавшихъ въ лошадей сопровождавшихъ его адъютантовъ, собственнымъ примѣромъ неустрашимости

обедралъ подчиненныхъ. Уже Турецкія баттареи начинали умолкать, уже карре Племянникова готово было овладѣть укрѣпленіемъ: вдругъ десять тысячь Янычаръ показались изъ лощины, ударили съ ятаганами, кинжалами въ правую сторону карре Племянникова, ворвались въ средину полковъ Московскаго и Астраханскаго, разстроили ряды Муромскаго, четвертаго гренадерскаго и Бутырскаго, заставили ихъ бѣжать въ карре Генерала Олица, къ которому сверхъ того примчалась толпа Янычаръ съ знаменосцами. »Въ семъ случаѣ, Его Сіятельство Главнокомандующій показалъ опыты наипощутительнѣйшія своея храбрости и безпримѣрной твердости духа и удостовѣрилъ, что можетъ въ самой опасности присутствіе предводителя любимаго и почитаемаго воинствомъ.«[43] Увидѣвъ смятеніе въ рядахъ своихъ воиновъ, неустрашимый Румянцовъ сказалъ Принцу Брауншвейгскому, находившемуся при немъ: »теперь дошло дѣло до насъ!« и съ этимъ словомъ полетѣлъ къ бѣгущимъ смѣшавшимся подъ саблями

Турецкими, вскричалъ »стой ребята!« Голосъ героя мгновенно отозвался въ слухъ и сердцахъ воиновъ. Русскіе остановились, устроились. Первый гренадерскій полкъ, подъ предводительствомъ Бригадира Озерова, отразилъ Янычаръ. Карре Племянникова опять сдвинуло ряды, и воскликнувъ: »да здравствуетъ Екатерина!« устремилось впередъ. Румянцовъ послалъ на Янычаръ свою тяжелую кавалерію, вручивъ ея эскадроны предводительству Генераловъ Салтыкова и Долгорукова. Янычары не устояли, начали отступать чрезъ тройные рвы, »наполненные тѣлами убитыхъ непріятелей.« Русскіе взлетѣли въ укрѣпленія. Визирь, устрашенный пораженіемъ Янычаръ, составлявшихъ первую его опору, обратился въ бѣгство. Генералъ-Поручикъ Брюсъ съ правой стороны и Генералъ-Квартирмейстеръ Боуръ съ лѣваго фланга, производя пушечную пальбу, вошли въ укрѣпленія. Корпусъ Князя Репнина преслѣдовалъ, между тѣмъ, бѣгущихъ. Непріятель бросилъ весь свой обозъ и кинулся къ Дунаю, гдѣ стояло

около трехъ сотъ перевозныхъ судовъ, приготовленныхъ вѣроятно на случай неудачи. Безпорядочное отступленіе произвело сильное смятеніе въ толпахъ Мусульманъ: спасаясь отъ Русскихъ штыковъ, они тысячами гибли въ волнахъ Дунайскихъ. Князь Рѣпнинъ гналъ бѣгущихъ около пяти верстъ; но щадя солдатъ своихъ, утомленныхъ битвою, продолжавшеюся съ самого разсвѣта до десяти часовъ утра, прекратилъ дальнѣйшее преслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что за откомандированіемъ наканунѣ этого дня конницы къ обозу и на встрѣчу Татарамъ, принуждена была дѣйствовать почти одна пѣхота.

Русскіе воины, привѣтствуя своего мужественнаго предводителя Румянцова съ побѣдою, восклицали: »Ты прямой солдатъ!« Весь Турецкій лагерь, сто сорокъ хорошихъ орудій, на лафетахъ, со всѣми артиллерійскими запасами, шестьдесятъ знаменъ, множество провіанта и военныхъ снарядовъ, двѣ тысячи плѣнныхъ достались побѣдителямъ на мѣстѣ

самой битвы. Дальнѣйшія дѣйствія Русскихъ войскъ почти удвоили эти трофеи.

Непріятельской уронъ можно опредѣлить безъ преувеличенія сорока тысячами погибшихъ. Въ занятомъ Русскими лагерѣ, въ укрѣпленіяхъ и по дорогѣ къ Дунаю, на протяженіи семи верстъ громоздились кучи убитыхъ непріятелей. Янычары и Спаги, бывшіе при Кагулѣ, погибли всѣ, безъ остатка. Во время ихъ отступленія, Генералъ-Квартирмейстеръ Боуръ и Полковникъ Графъ Воронцовъ зашли бѣгущимъ въ тылъ и рубили ихъ безъ пощады. Кромѣ этого, при переправѣ чрезъ Дунай, куда Визирь привелъ свои разстроенныя толпы безъ всякаго порядка, Мусульмане рубили другъ друга, оспоривая мѣста на судахъ, погружали самыя суда въ воду, и гибли тысячами. Уронъ нашихъ не превышалъ тысячи человѣкъ! Такъ много значитъ въ битвѣ порядокъ, непоколебимая твердость, мужество вождей и всегдашняя готовность Русскихъ внимать малѣйшимъ приказаніямъ своихъ предводителей! [44]

Когда Главнокомандующій совершенно увѣрился въ побѣдѣ, когда первая усталость войскъ миновалась, Генералъ-Квартирмейстеръ Боуръ получилъ приказаніе идти къ Дунаю, противъ Исакчи на то мѣсто, гдѣ переправлялся непріятель. Боуръ засталъ еще нѣсколько Турецкихъ отрядовъ, неуспѣвшихъ переправиться, приготовился ихъ атаковать и послалъ между нимъ сказать, что будетъ пощаженъ всякой, кто сдастся военноплѣннымъ, безъ сопротивленія. Турки тотчасъ изъявили было согласіе положить оружіе. Визирь, увидавшій съ противоположной стороны Дуная приходъ нашихъ войскъ, послалъ своимъ три фрегата и нѣсколько другихъ судовъ. Обрадованные Мусульмане перемѣнили свое намѣреніе, и вмѣсто покорности Русскимъ, сдѣлавъ залпъ изъ ружей и пистолетовъ, кинулись къ приближавшимся судамъ.

Боуръ придвинулъ свою артиллерію на берегъ; тотчасъ, съ первыхъ выстрѣловъ потопилъ нѣсколько судовъ, сбилъ снасти одного фрегата и заставилъ

остальные удалиться отъ берега. Послѣ этого, Турки, числомъ болѣе тысячи, безъ всякихъ уже условій положили оружіе и отдались въ руки Русскихъ. Наши овладѣли обозами, покрывавшими весь берегъ, турецкими экипажами, лошадями, верблюдами, мулами, множествомъ скота и взяли послѣдній паркъ турецкой артиллеріи, дѣйствовавшей въ Кагульской битвѣ, состоявшій изъ 26 мѣдныхъ орудій, со всѣми припасами. Послѣ этого Боуръ расположился лагеремъ, на лѣвомъ берегу Дуная противъ Исакчи.

По удостовѣренію плѣнныхъ, Турецкая армія, дѣйствовавшая при Кагулѣ подъ предводительствомъ Визиря Галиль-Бея, состояла (кромѣ Татаръ напавшихъ было на наши обозы) изъ пятидесяти тысячь пѣхоты и ста тысячь конницы, собранной изъ Анатоліи, Румеліи и всѣхъ областей, славившихся храбростію своего войска. [45] Донося Императрицѣ о побѣдѣ при Кагулѣ, Румянцовъ отзывался о Туркахъ »что персонально нельзя быть храбрѣе воину, какъ ихъ всадники и пѣшеходцы.«

Планъ Визиря, предъ началомъ компаніи 1770 года, состоялъ въ томъ, чтобы раздѣля свою армію на четыре части, одну послать, подъ начальствомъ Румели-Валиси, въ Бухарестъ; другую, подъ предводительствомъ Абды Паши, къ Фокшанамъ; Абаза Паша, съ третьею арміею, долженъ былъ овладѣть Яссами. Остальные войска Турецкіе сосредоточились въ четвертой арміи подъ главнымъ начальствомъ самого Визиря Галиль Бея и должны были, по мѣрѣ надобности, подкрѣплять три первые корпуса. Когда наши войска, находившіяся подъ Бухарестомъ и Фокшанами, соединились въ одинъ корпусъ, (что Турки сочли слѣдствіемъ опасеній показавшейся тамъ чумы), то планъ Визиря разрушился и только одинъ Румели-Валиси, съ двадцатью тысячами, былъ отряженъ къ Бухаресту. Послѣ блистательной побѣды при Ларгѣ, Татары настоятельно потребовали отъ своего Хана, чтобы онъ отдѣлился отъ Туровъ, и если нужно, то дѣйствовалъ бы независимо отъ нихъ. Это-то и было причиною отдѣле-

нія Татаръ отъ Турокъ предъ началомъ Кагульской битвы.

Визирь переправился чрезъ Дунай на судахъ за семь дней предъ сраженіемъ при Кагулѣ; за день предъ битвою рекогносцировалъ наши войска, и судя по малочисленности, считалъ ихъ вѣрною своею добычею. Думалъ напасть на наши войска 22 числа, въ расплохъ: но Русскіе предупредили его, уничтожили всѣ его предположенія и разрушили планъ предполагавшихся военныхъ дѣйствій.

23 числа Іюля, Главнокомандовавшій Русскою арміею, Графъ Румянцовъ, послалъ Князя Репнина занять крѣпость Измаилъ и выгнать оттуда Турокъ, скрывшихся послѣ Кагульской битвы. На третій день Репнинъ донесъ Румянцову объ успѣшномъ исполненіи данныхъ ему приказаній. Репнинъ раздѣлилъ ввѣренный ему корпусъ на четыре части: на правомъ флангѣ четыре баталіона гренадеръ и четыре полевыя орудія находилися подъ командою Генералъ-Маіора Потемкина. Два баталіона егерей Полковника Фабриціена составляли второй от-

рядъ. Въ третьемъ отрядѣ, ввѣренномъ Бригадиру Игельстрому, находились полки Кабардинскій, Санктпетербургскій, баталіонъ Кіевскаго и четыре орудія полевой артиллеріи. Лѣвый флангъ, находившійся подъ командою Бригадира Ржевскаго, состоялъ изъ двухъ гренадерскихъ баталіоновъ, подкрѣпленныхъ двумя легкими орудіями. Конница была построена между пѣхоты. Репнинъ повелъ было войска свои къ городскимъ укрѣпленіямъ; но едва непріятель завидѣлъ это движеніе, какъ сталъ выбираться изъ укрѣпленій и города, въ правую сторону, мимо нашего лѣваго фланга. Репнинъ обратилъ фронтъ своихъ войскъ на непріятеля: но Турки, сдѣлавъ нѣсколько безполезныхъ выстрѣловъ, раздѣлились на двѣ части, и потянулись въ разныя стороны. Иные направили путь внизъ, другіе вверхъ по Дунаю; за первыми пошелъ Генералъ-Маіоръ Потемкинъ, подкрѣпивъ себя Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ. Въ преслѣдованіе за остальными отправился Бригадиръ Ржевскій, съ помощію полковъ Венгерскаго гусарскаго и Козачьяго Пол-

ковника Иловайскаго. Турки, видя за собою погоню, обратились наконецъ въ бѣгство. Русскіе преслѣдовали бѣгущихъ слишкомъ шесть верстъ.

Между тѣмъ Репнинъ послалъ одного плѣннаго въ городъ, сказать, чтобы всѣ кто желаетъ пощады, сдались безъ сопротивленія. Слѣдствія этой мѣры были благопріятны: ввечеру 26 Іюля Русскіе заняли всѣ укрѣпленія Измаила и вошли въ городъ. Тридцать семь пушекъ, шесть знаменъ, множество верблюдовъ съ багажемъ и нѣсколько тысячь скота, наградили труды покорителей Измаила. Въ арсеналѣ найдено пять сотъ ружей, столькожъ сабель, около девяти тысячь пушечныхъ ядеръ, девяносто пять бочекъ пороху. Корпуса, преслѣдовавшіе бѣжавшаго непріятеля, взяли въ плѣнъ девять сотъ семдесятъ человѣкъ и въ числѣ ихъ нѣсколько Пашей. Оставивъ достаточный гарнизонъ въ Измаилѣ, Репнинъ двинулся къ крѣпости Киліи.

10 Августа Князь Репнинъ подошелъ къ Киліи и остановился въ шести верстахъ отъ крѣпости. Турки, увидя Рус-

скихъ, зажгли предмѣстіе въ четырехъ мѣстахъ: не смотря, однакоже, на сильный пожаръ, Князь Репнинъ вступилъ въ предмѣстіе, среди огня и пепла обозрѣлъ крѣпость и, къ удивленію, нашелъ ее, вопреки прежде полученнымъ извѣстіямъ, [46] въ весьма хорошемъ состояніи. Надобно было предпринять правильную осаду; между тѣмъ средствъ для этого не было, и Князь Репнинъ обратился, для разрѣшенія недоумѣнія, къ Главнокомандующему.

Фельдмаршалъ Румянцовъ не затруднился въ этомъ случаѣ, и вмѣсто необходимыхъ средствъ къ правильной осадѣ »прислалъ наставленія Князю Репнину, какъ дѣлать стратагемы противъ засѣвшихъ въ крѣпости непріятелей; то есть зачать для одного вида подкопы и иныя созиданія по образу формальной атаки, а Турки по малоискуству своему могутъ все то принять за прямое дѣло и убояться; а между тѣмъ посылалъ бы къ нимъ со увѣщаніемъ, дабы щадя жизнь свою покорились.« [47]

Князь Репнинъ воспользовался наставленіями Фельдмаршала и успѣхъ доказалъ, какъ герой Задунайскій умѣлъ понимать Турокъ и воевать съ ними. 13 Августа Репнинъ приказалъ Бригадиру Барону Игельстрому заложить главную батарею противъ воротъ крѣпости. Работы производились успѣшно, не смотря на сильныя вылазки изъ крѣпости. Между тѣмъ, Репнинъ отправилъ къ осажденнымъ слѣдующее воззваніе: »Ея Императорское Величество моя Всемилостивѣйшая Государыня, по природному Своему великодушію и человѣколюбію, повелѣваетъ намъ сохранять, сколько возможно отъ напраснаго пролитія кровь человѣческую. Покоритесь побѣдоносному оружію премудрой моей Монархини! Я обѣщаю оставить вамъ жизнь, дать свободу и отпустить съ вами ваше имѣніе. Жизнь остается вамъ для того, что побѣдители гнушаются разить побѣжденныхъ; свобода, чтобы вы принесли въ мѣста вами обитаемыя, славу щедротъ и великодушія Россійской Императрицы; а имѣнія, дабы разумѣли, что Русскіе презираютъ

корысть. Впрочемъ если вы далѣе будете сопротивляться, то завтра поутру открою я начало той казни, которая покажетъ вамъ, сколь безразсудно раздражать побѣдителей, у коихъ должно вамъ искать пощады.« Это воззваніе не произвело желаемаго дѣйствія: началась пушечная пальба изъ крѣпости. Русскіе кончили главную баттарею, заложенную на разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ крѣпостныхъ стѣнъ, и на другой день, какъ сказано было въ воззваніи, открыли сильный огонь изъ всѣхъ орудій, четыре часа продолжавшійся. Раздался вопль между осажденными. Князь Репнинъ прекратилъ огонь и отправилъ къ нимъ другое воззваніе, подобное первому. Османъ-Паша, начальствовавшій въ крѣпости, потребовалъ трое сутокъ на размышленіе; но Князь Репнинъ изъявилъ согласіе только на шесть часовъ. Срокъ наступилъ вечеромъ, Турки умоляли продлить срокъ капитуляціи до разсвѣта. Репнинъ уважилъ эту просьбу, и 18 Августа Килія покорилась Русскимъ. 21 числа поднесены ключи Репнину; пять тысячь

жителей вышли къ нему на встрѣчу: Греки и Армяне съ Крестомъ и Евангеліемъ, Евреи съ хлѣбомъ и солью. [48] Въ Киліи было гарнизона болѣе четырехъ тысячь: весь онъ, въ силу условій капитуляціи, [49] перевезенъ былъ въ Тулчу. Въ крѣпости и арсеналѣ Русскіе нашли 64 пушки и 4 мортиры; 8000 ядеръ, пороху до 400 бочекъ и еще два погреба. Много оружія и провіанта.

По взятіи Киліи, Фельдмаршалъ приказалъ Князю Репнину, оставя гарнизонъ въ нововзятой крѣпости, отправить часть своего корпуса, подъ командою Бригадира Игельстрома, для взятія Аккермана, а самому съ остальными войсками идти къ Траяновой дорогѣ и расположиться между Киліи, Измаила и стана первой арміи. Игельстромъ пришелъ къ Аккерману 15 Сентября и въ тотъ же день хотѣлъ было атаковать крѣпость. Но покушеніе это не могло быть удачнымъ: крѣпость защищалась эскарпомъ въ семь саженъ и другою стѣною, еще высшею; приступа, безъ значительной потери людей, совершить было не-

возможно. А потому Игельстромъ рѣшился овладѣть крѣпостью посредствомъ минерныхъ работъ и канонады. Послѣ десятидневнаго сопротивленія крѣпость сдалась на капитуляцію. [50] Сорокъ пять мѣдныхъ и двадцать чугунныхъ пушекъ, восемь мѣдныхъ мортиръ и три такія же гаубицы, тысяча пудовъ пороху, 8000 ядеръ и 2000 бомбъ, множество ружей, сабель и жизненныхъ припасовъ, досталось побѣдителямъ.

На другой день взятія Аккермана, Генералъ-Маіоръ Глѣбовъ, съ ввѣреннымъ ему корпусомъ подошелъ къ Браилову. Крѣпость состояла изъ четырехъ-угольнаго замка, съ трехъ этажными башнями, обнесеннаго широкимъ озорнымъ путемъ, съ каменною бойничною стѣнкою. Этотъ замокъ обнесенъ былъ пятью бастіонными фронтами съ землянымъ брустверомъ, рвомъ и каменною эскарповою одеждою; сверхъ того, предъ фронтами, былъ устроенъ ретраншаментъ, изъ бруствера, съ палисадомъ и передовымъ рвомъ. Такое состояніе укрѣпленій заставило

Глѣбова предпринять правильную осаду Браилова.

Обозрѣвъ укрѣпленія, Глѣбовъ велѣлъ заложить баттарею въ 400 саженяхъ отъ крѣпостнаго замка. 28 числа Сентября открылся огонь съ этой баттареи. 17 Октября устроена была другая баттарея; однако осадныя дѣйствія продолжались еще безъ успѣха: гарнизонъ, сильно подкрѣпляемый изъ крѣпости Мачина, упорно сопротивлялся. Наконецъ 24 Октября, Глѣбовъ рѣшился сдѣлать рѣшительный приступъ къ крѣпости. Осаждавшіе войска раздѣлились на четыре части: три, подъ начальствомъ Полковниковъ Бороздина, Кожина и Талызина, должны были напасть на слабѣйшія мѣста укрѣпленій, а четвертая, подъ командою Маіора Любимова, произвести фальшивую аттаку. За два часа предъ разсвѣтомъ начался приступъ. Одна колонна перешла было палисадированный ретраншаментъ и приставила уже къ стѣнѣ лѣстницы, но безъ содѣйствія прочихъ колоннъ, которыя потеряли почти всѣхъ начальниковъ, должна была уступить

чрезвычайнымъ усиліямъ Турокъ и отступила, вмѣстѣ съ другими, въ свои траншеи. Неудача приступа и подкрѣпленіе, прибывшее къ непріятелю въ числѣ 6000 человѣкъ, заставили Глѣбова снять осаду и отступить къ Максимени, на рѣкѣ Серетѣ. [51] А Фельдмаршалъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, послалъ къ Глѣбову шесть пѣхотныхъ полковъ и велѣлъ снова сдѣлать движеніе къ Браилову, какъ бы для второй осады. Это новое предпріятіе имѣло полный успѣхъ. Турки, страшась новой осады, оставили крѣпость и переправились за Дунай. 10 Ноября Русскіе заняли Браиловъ и пріобрѣли 66 пушекъ, 8 мортиръ, 1000 чиненыхъ гранатъ, около 5000 ядеръ и до 500 бомбъ со всѣми къ нимъ принадлежностями; 4000 пудъ пороху, 500 пудъ свинцу и 300 ружей.

Такимъ образомъ Русскіе »безъ устали полонили города« по словамъ Румянцова. Военныя дѣйствія первой арміи, въ 1770 году, окончились подвигомъ, напомнившимъ Русскую славу временъ отдаленнѣйшихъ: по взятіи Браилова главныя

силы первой арміи удалились въ Яссы, одинъ Вейсманъ съ незначительнымъ отрядомъ остался между озерами Ялтухомъ и Кагуломъ, для наблюденія надъ Верховнымъ Визиремъ, занимавшимъ крѣпость Исакчу. 14 Ноября онъ переправилъ къ этой крѣпости изъ Измаила небольшой отрядъ и быстрымъ, неожиданнымъ появленіемъ принудилъ Визиря оставить крѣпость и броситься въ Бабадахъ. Такимъ образомъ Вейсману, послѣ временъ Олега и Святослава, первому принадлежитъ честь успѣховъ Русскаго оружія за Дунаемъ.

Въ концѣ Ноября войска первой арміи расположились на зимнихъ квартирахъ. Армія раздѣлилась на четыре корпуса: первый, подъ начальствомъ самого Генералъ-Фельдмаршала, расположился въ Молдавіи; второй — ввѣренный Генералу Олицу—въ Валлахіи; третій, подъ командою Генералъ-Маіора Вейсмана, долженъ былъ расположиться въ Бессарабіи, и наконецъ четвертый, предводимый Генералъ-Поручикомъ Эссеномъ, получилъ

квартиры въ Польшѣ. Олицъ, имѣвшій главную квартиру въ Бухарестѣ, долженъ былъ наблюдать непріятеля до Дуная и Олты, укрѣпить всѣ мѣста къ Дунаю и утвердить мостъ чрезъ Серетъ, для безпрерывнаго сообщенія съ Молдавіею. Генералъ-Маіоръ Вейсманъ, расположившійся въ Измаилѣ, получилъ приказаніе охранять Дунайскій берегъ отъ Прута до Чернаго моря, производя поиски до самыхъ Бендеръ и укрѣпить для сообщенія съ Молдавіею, мостъ при Фалчѣ. Корпусъ, отправленный въ Польшу, обязанъ былъ охранять наши магазины и истреблять сборища конфедератовъ.

Въ концѣ Декабря Русскіе узнали, что Мустафа, желая ободрить свое войско, пришедшее въ крайнее уныніе отъ безпрерывныхъ неудачь, перемѣнилъ главнаго предводителя своихъ силъ: Галиль-Бей былъ удаленъ въ Боснію, а на мѣсто его въ Бабадагъ прибылъ новый Верховный Визирь Мегметъ Паша. Это извѣстіе подтвердили Армяне, прибывшіе въ главную квартиру Фельдмаршала, изъ крѣпо-

сти Килiи. Слухи о безпокойствахъ въ Константинополь заставляли догадываться, что успѣхи Русскаго оружiя сдѣлались слишкомъ чувствительны для Порты.

КНИГА V.

ГЛАВА XIII.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ВТОРОЙ АРМІИ ВЪ 1770 ГОДУ. ВЗЯТІЕ БЕНДЕРЪ.

Графъ Петръ Ивановичь Панинъ, обеспечивъ армію продовольствіемъ для предстоявшей кампаніи, отдѣлилъ въ Мартѣ мѣсяцѣ 1770 года часть своихъ войскъ къ Крыму. Начальникомъ этого корпуса назначенъ былъ, подобно какъ и въ первый походъ, Генералъ - Поручикъ Бергъ, получившій предписаніе стараться склонить Татаръ къ принятію покровитель-

ства Россіи, съ сохраненіемъ полной независимости. 15 числа Апрѣля выступилъ въ походъ къ Бендерамъ и самъ Графъ Панинъ, имѣя подъ ружьемъ четырнадцать пѣхотныхъ полковъ (десять изъ нихъ были вновь набраны), четыре карабинерныхъ и драгунскихъ, четыре гусарскихъ, три тысячи Донскихъ Козаковъ, четыре тысячи Украинскихъ, семь тысячь Запорожскихъ, пять тысячь Калмыковъ; тридцать два осадныхъ орудій и восемь мортиръ составляли артиллерію этого корпуса. Изъ числа этихъ войскъ, Графъ Панинъ отрядилъ Генералъ-Маіора Князя Прозоровскаго подъ Очаковъ со всѣми Запорожскими Козаками и Калмыками, однимъ полкомъ Донскимъ, однимъ Украинскимъ и гусарскимъ.

Проливные дожди и необыкновенное разлитіе рѣкъ очень затрудняли маршъ главной арміи. Для переправы чрезъ Днѣпръ потребно было для каждаго полка около пяти сутокъ. Мостъ на Днѣпрѣ (у Кременчуга) срывало четыре раза. Однако, не смотря ни на какія неудоб-

ства пути, войска предводимые Графомъ Панинымъ въ началѣ Іюня перешли уже за Бугъ, а 7 числа стали лагеремъ на непріятельской землѣ, при рѣкѣ Кодымѣ. 29 Іюня армія переправилась чрезъ Днѣстръ; только небольшой отрядъ Генералъ-Маіора Каменскаго остался на лѣвомъ берегу и дождавшись осадной артиллеріи, продолжалъ слѣдовать по этому берегу къ Бендерамъ.

15 Іюля крѣпость была обложена, и осаждающая армія, не смотря на сильную вылазку гарнизона, стала пятью лагерями, въ 3 и 4 верстахъ отъ Бендеръ. Главнокомандующій далъ свободу девяти плѣннымъ Туркамъ, послалъ ихъ съ письмомъ въ крѣпость къ Сераскиру, гарнизону и жителямъ, увѣщевая ихъ сдаться немедленно, безъ кровопролитія, и угрожая въ противномъ случаѣ пораженіемъ. Однако отвѣта изъ крѣпости не было, и 19 Іюля Графъ Панинъ приказалъ приступить къ началу дѣйствій. Осадныя работы поручены были Инженеръ-Генералъ-Маіору Гербелю. Траншей-Маіоромъ былъ Генералъ-Адъютантъ Баронъ Фер-

зенъ (впослѣдствіи прославившійся плѣненіемъ Костюшки). На лѣвомъ берегу войсками командовалъ Генералъ-Маіоръ Каменскій. Въ ночь съ 19 на 20 Іюля открыты были траншеи съ обоихъ береговъ: на правомъ, противъ западнаго фаса крѣпости, гдѣ находятся Кишеневскія ворота, а на лѣвомъ, противъ замка и предмѣстія. 22 числа открылся сильный огонь съ нашихъ баттарей и Турки принуждены были оставить свой наружный ретраншаментъ, который тотчасъ былъ занятъ Генералъ-Поручикомъ Далкѣ и обращенъ во вторую параллель; съ 28 на 29 число начата сапною работою третья параллель.

Непріятель, столь же сильный, какъ и осаждающая армія, почти каждый день дѣлалъ сильныя вылазки, отъ чего и осада подвигалась впередъ весьма медленно. Турки разрушали осадныя работы и часто наносили большое пораженіе высылаемымъ противъ нихъ войскамъ. По ночамъ осажденные съ чрезвычайною дѣятельностію исправляли брустверы, по-

врежденные Русскими ядрами. При томъ осаждающіе въ началѣ осады (съ 22 Іюля по 8 Сентября) производили по крѣпости столь частую пальбу, что Графъ Панинъ, предвидя недостатокъ въ порохѣ, долженъ былъ приказать стрѣлять съ большею осторожностью. [52] Въ ночи съ 4 на 5 Августа начаты были подземныя работы, которыя дѣлаютъ осаду и оборону Бендеръ особенно достопримѣчательными: нѣсколько разъ осаждающіе попадали на контраминныя работы осажденныхъ; въ галлереяхъ не рѣдко завязывалась перестрѣлка и даже рукопашный бой. Нѣсколько разъ Турки взрывами повреждали галлереи и другія работы осаждающихъ. Въ началѣ Сентября (5 и 6 чиселъ) три галлереи были кончены, 5 и 8 числа взорвали два боковые подкопа, и въ средней галлереѣ заложили усиленный горнъ (globe de compréssion) зарядивъ его четырьмя стами пудами пороху. [53]

Между тѣмъ осаждающая армія отъ безпрестанныхъ потерь значительно уменьшалась, и Графъ Панинъ просилъ подкрѣпленія изъ первой арміи, отъ ко-

торой Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ Румянцовъ и отрядилъ уже Князя Репнина съ нѣсколькими полками. Но Панинъ не дождавшись подкрѣпленія, рѣшился при взорваніи усиленнаго горна сдѣлать общій приступъ.

Для этого Главноначальствующій Генералъ раздѣлилъ наличныя войска на четыре части. Одна колонна, подъ предводительствомъ Генералъ-Маіора Каменскаго, состоявшая изъ ротъ Ряжскаго, Курскаго, Козловскаго и Елецкаго полковъ, изъ двухъ батальоновъ мушкетеръ и изъ дивизіона егерей, должна была, войдя въ прикрытый путь (чрезъ прежде взорванный антонуаръ), обратиться въ право и употребить петарды для разорванія крѣпостныхъ воротъ. Другая колонна, ввѣренная Генералъ-Маіору Графу Мусину-Пушкину и составленная изъ ротъ полковъ Сѣвскаго, Орловскаго, Владимірскаго и Бѣлевскаго, двухъ мушкетерскихъ батальоновъ и дивизіона егерей, должна была, войдя въ прикрытый путь вмѣстѣ съ первою колонною, обратиться влѣво. Третья колонна, подъ командою Полков-

ника Миллера, (убитаго во время штурма), составленная изъ четырехъ гренадерскихъ ротъ, полковъ Старооскольскаго, Воронежскаго и Черниговскаго, получила приказаніе войти въ прикрытый путь между первыми двумя колоннами чрезъ насыпь, которую долженъ былъ образовать взрывъ усиленнаго горна, и своимъ положеніемъ прикрывать постройку укрѣпленій на хребтѣ гласиса, на случай, если бы штурмъ не удался. Въ случаѣ же открывшейся удобности входа на главный валъ, обратиться при помощи лѣстницъ всѣми силами на него. Въ подкрѣпленіе этихъ колоннъ назначены были шесть гренадерскихъ ротъ, подъ командою волонтеровъ, Подполковника Принца Изенбурга, Маіора Датской службы Моргенстерна и Кавалера—Командора Тевтоническаго ордена Барона Штейна. Остальныя войска расположены были по флангамъ первой параллели, находились подъ непосредственнымъ распоряженіемъ самого Графа Панина и готовы были устремиться при открытіи штурма въ то мѣсто, гдѣ окажется на-

нбольшая нужда въ усиленіи передовыхъ войскъ. Приличнымъ употребленіемъ лѣстницъ долженъ былъ распорядиться Генералъ-Адъютантъ Маіоръ Ферзенъ.

Въ десятомъ часу вечера, 14 Сентября взорванъ былъ усиленный горнъ и образовалъ огромную воронку въ 12 саженъ въ поперечникѣ, которая захватила гребень гласиса и часть прикрытаго пути. Назначенныя для приступа войска въ тоже мгновеніе бросились въ прикрытый путь—и не смотря на двойные рвы при подошвѣ гласиса и предъ палисадомъ, ни на двойной палисадъ предъ прикрытымъ путемъ и главный ровъ (шесть саженъ въ ширину и двѣ съ половиною глубиною), взлетѣли на главный валъ, по собственнымъ и Турецкимъ лестницамъ. Между тѣмъ со всѣхъ мортирныхъ баттарей бросали въ городъ бомбы и каркасы; пожаръ начался вдругъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и вскорѣ объялъ пламенемъ почти весь городъ. Петарды, однако, не произвели желаемаго дѣйствія. Турки защищались съ отчаяніемъ: каждый бастіонъ, каждая башня-

рея, поглощали множество людей съ обѣихъ сторонъ. Но послѣ десяти-часоваго упорнаго, кроваваго боя, успѣхъ видимо склонился на сторону Рускихъ: большая часть гарнизона отступила въ городъ. Только храбрѣйшіе, въ числѣ двухъ тысячь человѣкъ выскакали изъ крѣпости и хотѣли прорубиться сквозь осаждавшія войска; но Русскія пули причислили и этихъ отважныхъ къ многочисленнымъ жертвамъ штурма. Въ восьмомъ часу утра, 15 Сентября Рускіе овладѣли Бендерами. Засѣвшій въ замкѣ гарнизонъ, въ числѣ болѣе 11,700 человѣкъ и съ ними Сераскиръ Мегметъ-Эминь, сдались военноплѣнными. 203 мѣдныя и 59 чугунныхъ пушекъ, 86 мѣдныхъ мортиръ; 30,000 бомбъ и ядеръ, 21,000 пудъ пороху, 50,000 пудъ сухарей, и 6,000 четвертей пшеницы достались побѣдителямъ. Въ этотъ ужасный день, поле, крѣпость, всѣ улицы и домы покрыты были непріятельскими тѣлами, число коихъ въ »Журналѣ осады Бендеръ« ограничено пятью тысячами. По другимъ Русскимъ извѣстіямъ непріятель-

скій уронъ полагается превышающимъ двадцать тысячь, а по иностраннымъ даже и тридцать. Потеря Рускихъ не превышала 1770 человѣкъ.

Полковникъ Миллеръ первый взошелъ на лѣстницу и тамъ принесъ жизнь свою въ жертву Отечеству. За нимъ слѣдовалъ Полковникъ Фелькерзамъ, старецъ обремененный лѣтами и изувѣченный еще въ войну съ Турками, подъ командою Миниха. Подвиги всѣхъ Офицеровъ при штурмѣ Бендеръ были не менѣе блистательны.

Въ то время, какъ войска, находившіяся подъ непосредственнымъ начальствомъ Графа Петра Ивановича Панина, двинулись къ Бендерамъ, корпуса Генералъ-Поручика Берга и Генералъ-Маіора Князя Прозоровскаго получили приказаніе: первой — направя путь къ Крыму, охранять наши границы отъ Днѣпра до Азовскаго моря и удерживать непріятельскія силы въ ихъ предѣлахъ; второй — идти къ Очакову и наблюдать за тамошнимъ гарнизономъ. Оба эти корпуса, по своему назначенію долженство-

вавшіе ограничиться единственно наблюденіями за движеніемъ непріятельскихъ войскъ, не имѣли случая прославить себя какими либо блистательными подвигами. Дѣйствія ихъ ограничивались незначительными сшибками съ Татарами, кочевавшими вблизи Крымскаго полуострова, и небольшими Турецкими отрядами, выходившими по временамъ изъ Очакова.[54] Войска, находившіяся подъ командою Генералъ-Маіора де Медема, въ 1770 году тоже ограничивались единственно наблюденіемъ надъ непріятельскими ордами, слишкомъ устрашенными въ предшествовавшемъ году дѣйствіями побѣдоноснаго Русскаго оружія.[55] Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ всѣ войска второй арміи расположились на зимнихъ квартирахъ.

КНИГА V.

ГЛАВА XIV.

ПРИБЫТІЕ РУССКАГО ФЛОТА ВЪ СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ. СРАЖЕНІЕ ПРИ ОСТРОВѢ ХІО И СОЖЖЕНІЕ ТУРЕЦКАГО ФЛОТА ПРИ ЧЕСЬМѢ.

Повѣствуя о первой Турецкой войнѣ въ Царствованіе Императрицы Екатерины II, мы говорили только о подвигахъ сухопутныхъ Русскихъ силъ. Приступимъ теперь къ описанію военныхъ дѣйствій нашего флота, отправившагося въ 1769 году изъ Кронштата и Архангельска. Часть этого флота, подъ предводитель-

ствомъ Адмирала Спиридова прибыла въ Средиземное море въ 1769 году; остальные корабли, ввѣренные Контръ-Адмиралу Эльфистону, пришли туда въ началѣ 1770 года.

Еще при самомъ отправленіи нашего флота на югъ заведены были, посредствомъ нѣсколькихъ агентовъ, сношенія съ Греками, страдавшими подъ игомъ Турецкимъ. Обитатели Мореи и островъ Архипелажскихъ, изъявили пламенную готовность содѣйствовать исполненію обширныхъ, геніальныхъ плановъ Императрицы Всероссійской и нетерпѣливо ожидали появленія на водахъ Средиземныхъ предводителя Русскихъ силъ, обѣщавшаго возстановить давно потерянную независимость Греціи. Русскій флотъ встрѣченъ былъ Греками еще у острова Минорки. 17 Февраля эскадра, предводимая Адмираломъ Спиридовымъ, прибыла въ Порто-Вителло. Русскія десантныя войска присоединились къ Греческому ополченію, которое раздѣлено было на два корпуса, названные Восточнымъ и Сѣвернымъ Спартанскими

легіонами. Первый изъ этихъ корпусовъ долженъ былъ собраться въ Пасовѣ, идти къ мѣстечку Бердани и овладѣвъ имъ, направить дальнѣйшій путь къ Мистрѣ; второй—соединивъ свои полки въ Каламатѣ, вторгнуться чрезъ Леонтари въ Аркадію. Все это приведено было въ дѣйствіе быстро и успѣшно: Турки, вытѣсненные изъ Бердани обратились было въ Мистру, но найдя и тамъ сильный отпоръ, принуждены были обратиться въ бѣгство. Аркадія была занята Сѣвернымъ легіономъ почти безъ сопротивленія. Пламя войны мгновенно разлилось по всей Мореѣ. Число вооружившихся Грековъ, по словамъ новѣйшихъ повѣствователей, простиралось до 60,000 человѣкъ, не считая Майнотовъ. Въ Эпирѣ и въ Нижней Албаніи число поднявшихъ оружіе доходило до 25,000 человѣкъ.

Изъ Порто-Вителло флотъ пошелъ въ Корону. Графъ Ѳедоръ Григорьевичь Орловъ, вышедъ на берегъ, аттаковалъ эту крѣпость и овладѣлъ ею. Послѣ того Русскія войска обложили крѣпости На-

варинъ, Мадону и Патрассъ. Скорое покореніе этихъ значительныхъ крѣпостей увеличило славу Русскаго оружія, увѣнчаннаго лаврами и не въ однихъ сухопутныхъ битвахъ.

Между тѣмъ и вторая Русская эскадра, подъ начальствомъ Контръ-Адмирала Эльфистона, пришла въ Морею и при первой встрѣчѣ съ Турецкими кораблями, близъ Наполи-ди-Романіи, выиграла значительное дѣло. Турки обратились въ бѣгство. Эльфистонъ соединясь съ Спиридовымъ, пошелъ вслѣдъ за непріятелемъ и настигъ его подъ островомъ Специо. Но Турки не отважились на сраженіе, не смотря на превосходство силъ своихъ, и направили путь свой къ острову Гидро. Въ это время Графъ Алексѣй Григорьевичь Орловъ, прибывшій въ Италію сухимъ путемъ, отправился оттуда для нужныхъ распоряженій въ Морею и услыхавъ тамъ о встрѣчѣ Русскаго флота съ Турецкимъ, немедленно прибылъ (въ Іюнѣ 1770) съ двумя кораблями къ ввѣреннымъ ему силамъ и принялъ надъ ними главное начальство.

Обезпечивъ флотъ свой продовольствіемъ, Графъ Орловъ при первомъ попутномъ вѣтрѣ пустился вслѣдъ за бѣгущимъ непріятелемъ и не далъ ему времени удалиться за Дарданеллы. Турки бросили якорь въ проливѣ, за островомъ Хіо; ввечеру того дня настигли ихъ Рускіе. Это было 23 Іюня, 1770 года. Для обозрѣнія непріятельскихъ силъ откомандированъ былъ Контръ-Адмиралъ Грейгъ. У Турокъ было шестнадцать линейныхъ кораблей, столько же фрегатовъ и множество другихъ меньшихъ судовъ. Нашъ флотъ состоялъ всего изъ девяти кораблей съ высокими бортами и незначительнаго числа фрегатовъ и другихъ судовъ. Однако неравенство силъ не устрашило вождя силъ Великой Екатерины: одна только ночь заставила его отложить намѣреніе—сразиться съ непріятелемъ—до слѣдующаго дня.

Между тѣмъ, во время ночи, Графъ Орловъ собралъ Военный Совѣтъ. Положено было раздѣлить флотъ на три части: передовою линіею долженъ былъ

командовалъ Адмиралъ Спиридовъ, имѣя у себя на кораблѣ Графа Ѳедора Григорьевича Орлова; среднимъ строемъ предводительствовалъ Графъ Алексѣй Григорьевичь Орловъ; арріергардъ ввѣренъ былъ Контръ - Адмиралу Эльфинстону. Какъ скоро показались первые лучи солнца, съ корабля *Трехъ Іерарховъ* поданъ былъ сигналъ строиться въ порядокъ къ бою и идти на непріятеля.

24 числа Іюня, около полудня, Турки, примкнувшіе лѣвое крыло своего флота къ небольшому каменному острову, а другое протянувшіе къ отмѣли, не вдалекѣ отъ Чесменскаго порта, увидали Рускихъ и встрѣтили ихъ градомъ ядеръ и гранатъ. Но это не могло удержать героевъ, жаждавшихъ славы: корабль *Европа,* а за нимъ *Евстафій* (на которомъ были Спиридовъ съ Ѳ. Г. Орловымъ) первые вторглись въ ряды Турецкихъ судовъ и открыли бой, чрезъ полчаса сдѣлавшійся всеобщимъ. Ужасный огонь поддерживался нѣсколько часовъ, съ равною силою съ обѣихъ сторонъ. Корабли подошли другъ къ другу столь близко,

что и ружейные выстрѣлы помогали пушечнымъ. Корабль *Ефстафій* сражался одинъ противъ трехъ линейныхъ кораблей и шлюпа, сцѣпился съ 90 пушечнымъ кораблемъ Капитанъ - Паши и вступилъ въ абордажный бой. Скоро запылалъ корабль Капитана-Паши; кораблю Спиридова угрожала таже участь. Однако отдѣлиться отъ загорѣвшагося корабля не было никакой возможности—спасайся кто можетъ! было единственною командою Спиридова, могшею спасти, если не корабль, то покрайней мѣрѣ людей. Девяносто человѣкъ экипажа посажено было на шлюбки и послѣдніе сошли съ корабля Орловъ и Спиридовъ. Едва успѣли они удалиться на ружейный выстрѣлъ—и оба корабля, съ трескомъ подобнымъ грому взлетѣли на воздухъ.

Это ужасное произшествіе поразило обѣ враждовавшія стороны: выстрѣлы замолкли, и будто въ бурю, предъ сильнѣйшимъ порывомъ вѣтра, настала минутная тишина. Но ощущенія, обладавшія сердцами сражавшихся, были различны. Турки, видя гибель Капитанъ - Паши,

упали духомъ, готовы были въ ту же минуту предаться постыдному бѣгству. Чувства иныя наполняли душу предводителя Русскаго флота: эти чувства были—месть и желаніе заглушить ужасами отчаяннѣйшей битвы вопль сердца, пораженнаго увѣренностью въ потерѣ любимаго брата... Графъ Алексѣй Григорьевичь, увидавъ взрывъ корабля Евстафія, упалъ безъ чувствъ; но оправившись чрезъ нѣсколько минутъ, вскричалъ — »братъ, ты погибъ! отмстимъ за него!« и въ ту же минуту отдалъ приказъ ворваться всѣмъ кораблямъ въ ряды непріятельскихъ судовъ, истребить флотъ или погибнуть!

Но между тѣмъ Турки обрубили якорные канаты, и пользуясь попутнымъ вѣтромъ, кинулись въ портъ Чесменской крѣпости. Въ это же время Графъ Алексѣй Григорьевичь Орловъ получилъ отъ брата извѣстіе, что онъ и Спиридовъ успѣли спастись. Чувство радости смѣнило горестное чувство; но мысль о мести осталась. Однако всѣ усилія Ру-

скихъ догнать бѣгущіе корабли были тщетны; но это бѣгство вело Турокъ лишь къ вѣрнѣйшей гибели. Орловъ велѣлъ своимъ кораблямъ запереть Чесменскую гавань и къ слѣдующему утру приготовить нѣсколько брандеровъ. Собранъ былъ опять Военный Совѣтъ, и новую атаку положено произвести въ ночи на 26 число четырьмя кораблями, при помощи двухъ фрегатовъ и четырехъ брандеровъ, а до того времени занимать непріятеля бомбардированіемъ его кораблей.

Назначенный для бомбардирады корабль выступилъ изъ линіи, открылъ огонь и началъ сильно безпокоить непріятелей. Турки тотчасъ построили на берегу баттарею изъ 20 пушекъ и сами открыли сильную пальбу: но выстрѣлы ихъ, хотя производимые и съ берега, были почти совсѣмъ безвредны для Рускихъ. Такъ прошелъ день, предшествовавшій Чесменскому побоищу. Рускіе были увѣрены въ побѣдѣ; Турки напротивъ того поздно догадавшіеся, какъ невыгодно было

ихъ отступленіе въ гавань, готовились отчаяннѣйшею битвою проложить себѣ путь въ Дарданеллы.

Насталъ вечеръ на 25 Іюня; едва солнце сокрылось отъ взоровъ, какъ четыре корабля—*Нетронь меня, Ростиславъ, Саратовъ* и *Европа,* прикрывавшіе брандеры, отправились къ Чесменскому порту. Тамъ готовился имъ отчаяннѣйшій отпоръ. Рускіе знали это и мѣрою опасностей измѣряли свое будущее торжество. Турки встрѣтили наши корабли залпомъ едва ли не всѣхъ орудій, бывшихъ на ихъ корабляхъ: но это не устрашило героевъ Сѣвера. Завязалась битва; противныя стороны усердно мѣнялись бомбами и калеными ядрами. Нѣсколько Турецкихъ судовъ загорѣлось одно за другимъ; но пожаръ этотъ не былъ еще тѣмъ пожаромъ, который готовили Мусульманамъ Рускіе. Однако Турки пришли въ замѣшательство, разстроились въ рядахъ. Въ это время, *Нетронь меня,* предводимый Капитаномъ Ильинымъ, вмѣшался въ средину Турецкихъ кораблей; за нимъ шли

брандеры; Ильинъ сѣлъ на одинъ изъ нихъ, приближился къ 84 пушечному непріятельскому кораблю, сцѣпился съ нимъ, скомандовалъ своему экипажу спускаться въ шлюбку, самъ зажегъ фитиль брандера въ виду изумленныхъ Турокъ, и сойдя въ шлюбку поплылъ обратно къ своему кораблю. Въ это же время зажжены были и остальные брандеры. Сверхъ того, для произведенія сильнѣйшаго замѣшательства, наши корабли открыли навозможно-сильнѣйшій огонь изъ своихъ орудій.

Настала рѣшительная минута! мгновенно пламя разлилось по всей поверхности гавани, и отражаясь въ водѣ, казалось, превратило и небо и землю въ одну огненную дымящуюся бездну. Громъ пушекъ, гулъ ядеръ, трескъ взрываемыхъ кораблей и ломавшихся снастей, отчаянные вопли погибавшихъ Турокъ возвѣстили Русскому флоту о побѣдѣ, утвердившей за нимъ величіе и долженствовавшей прославить его на вѣки! Пламя охватило весь флотъ Мусульманскій: только одинъ шестидесяти-пушечный

корабль и пять галеръ успѣли спастись, безпрекословно отдавшись побѣдителямъ. Остальные суда — шесть линейныхъ кораблей отъ 80 до 90 пушекъ, 9 кораблей отъ 60 до 70 пушекъ, шесть фрегатовъ, нѣсколько шебекъ, брегантинъ, галеръ и фелукъ сдѣлались жертвою пламени. Турокъ погибло болѣе двадцати тысячь... Говорятъ, что вода въ Чесменской гавани долгое время оставалась краснованою...

Сожженіе Турецкаго флота при Чесмѣ открыло свободный путь къ завоеванію всего Архипелага. Контръ-Адмиралъ Эльфистонъ получилъ приказаніе блокировать Дарданеллы. Острова Тенедосъ, Лемносъ, Митилена, Паросъ, Фосъ, Самандрахи, Тано, Порто Кавелло были въ короткое время покорены Руский. Къ нашему флоту присоединилась еще третья эскадра, предводимая Контръ-Адмираломъ Арфо. Весь почти Архипелагъ призналъ надъ собою власть Россіи. Наши ни въ чемъ не имѣли недостатка; между тѣмъ какъ Турецкимъ провинціямъ грозилъ

голодъ. Крейсерство доставляло нашимъ судамъ богатые призы, получаемые почти безъ всякаго труда. »Рускіе не воевали, а пировали въ Архипелагѣ« по словамъ Чесменскаго героя.

Между тѣмъ 1770-й годъ приближался къ исходу, и Графъ Алексѣй Григорьевичь Орловъ, оставя флотъ свой при островѣ Паросѣ, отправился на корабль *Трехъ Святителей*, въ Ливорно, гдѣ и вышелъ на берегъ. Оттуда чрезъ нѣсколько времени прибылъ онъ сухимъ путемъ въ Петербургъ, гдѣ ждали его щедроты и милости Екатерины Великой, достойно цѣнившей заслуги. [56]

Значительны были потери Порты на сухомъ пути; дорого стоила ей распря съ Россіею; однако все еще она питала надежду счастливо окончить войну, возженную происками чуждыми. Но истребленіе Турецкаго флота и блистательные успѣхи Русскихъ морскихъ силъ заставили ее смотрѣть на начатое дѣло совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. Собы-

пія опровергли всѣ лживыя предсказанія и толки завистливыхъ судей-политиковъ, обѣщавшихъ успѣхи Портѣ. Положеніе этой державы съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе. Рускіе торжествовали, послѣ каждой побѣды болѣе и болѣе увѣряясь въ возрастающемъ могуществѣ своего Отечества.

КНИГА V.

ГЛАВА XV.

ПЕРЕНЕСЕНІЕ ВОЙНЫ ЗА ДУНАЙ. ЗАВОЕВАНІЕ КРЫМА.

Въ 1771 году побѣдные клики Рускихъ огласили страны Задунайскія. Слава перенесенія нашего оружія за Дунай и въ этомъ году принадлежитъ Вейсману. Завоеванія шли быстро. Храбрый Генералъ, ревностно желавшій оправдать выборъ Фельдмаршала Румянцова, изумительными побѣдами содѣлавшагося грозою Турокъ, лично подавалъ примѣръ

неустрашимости и мужества своимъ подчиненнымъ. Перейдя на правый берегъ Дуная, Вейсманъ устремился къ Тулчѣ. Крѣпость защищаема была сильнымъ гарнизономъ; но внезапное появленіе Руских, быстрый ихъ натискъ уничтожили неравенство силъ. При взятіи Тулчи Вейсманъ первый сбѣжалъ въ ровъ и чрезъ амбразуру взошелъ съ гренадерами на баттарею, овладѣлъ осьмью пушками. Устрашенный гарнизонъ предался бѣгству и былъ разбитъ на голову. Остатокъ Турецкаго гарнизона кинулся было къ судамъ, на Дунаѣ. Но и тутъ ожидало непріятелей пораженіе. Болѣе сорока судовъ достались побѣдителямъ; остальные преданы огню. Тридцать четыре пушки были трофеями побѣдителей. Послѣ взятія Тулчи побѣда, казалось, предшествовала Вейсману: въ самое короткое время онъ выгналъ непріятеля изъ мѣстечка Бабадахъ, служившаго Визирю главною квартирою, срылъ крѣпости Исакчу и Гессенъ.

Въ то время, какъ Руcкіе громили враговъ въ Болгаріи, команда надъ всѣми

войсками въ Валлахіи поручена была Князю Николаю Васильевичу Репнину. Изъ Бухареста Репнинъ отправился къ Журжъ, осмотрѣлъ эту крѣпость, занятую достаточнымъ Русскимъ гарнизономъ, и направилъ путь свой къ Турнѣ. Во время рекогносцировки этой крѣпости, построенной на крутой горѣ, Репнинъ получилъ донесеніе, что непріятель переправясь чрезъ Дунай, атаковалъ Журжу. Быстро, самыми утомительными маршами понесся Князь Николай Васильевичь на помощь къ осажденнымъ и все-таки не успѣлъ предупредить несчастія: не дойдя только семи верстъ до Журжи, узналъ онъ, что комендантъ Маіоръ Гензель, имѣвшій провіанта на три мѣсяца и значительное число снарядовъ, сдалъ эту крѣпость (29 Маія) Туркамъ, на капитуляцію. Репнинъ считавшій и малое вспоможеніе достаточнымъ для гарнизона, ввѣреннаго Гензелю, отправился изъ-подъ Турны съ отрядомъ изъ трехъ сотъ человѣкъ и принужденъ былъ отступить отъ трехъ тысячной Турецкой конницы, встрѣтившей его на пути къ

Журжъ. Но отступленіе это лишь завлекло непріятеля къ погибели: Турки, ободренные полученнымъ успѣхомъ, явились (10 Іюня) въ виду нашихъ войскъ, въ числѣ десяти тысячь человѣкъ, подъ предводительствомъ трехъ-бунчужнаго Паши Ахмета, командовавшаго прежде въ Аравіи и не задолго предъ тѣмъ разбитаго Вейсманомъ. Князь Репнинъ, рѣшась смирить кичливость мусульманъ, предупредилъ ихъ атакою, обратилъ въ бѣгство и откинулъ за двадцать верстъ къ рѣкѣ Аргису. Между тѣмъ Фельдмаршалъ Румянцовъ поставилъ потерю Журжи въ вину Князю Николаю Васильевичу и поручилъ Вейсману возвратить эту крѣпость. Журжа была возвращена; но обиженный этою несправедливостію Князь Репнинъ испросилъ увольненіе въ чужіе краи. Къ концу 1771 года оба берега Дуная отъ Журжи до Чернаго моря были заняты нашими войсками и совершенно очищены отъ Турокъ.

Въ 1770 году часть второй арміи, находившаяся подъ начальствомъ Генералъ-Поручика Берга, ограничивалась един-

ственно наблюденіемъ надъ Крымомъ и имѣла цѣлію защищеніе нашихъ границъ отъ набѣговъ Татаръ. Въ 1771 году Императрица Екатерина повелѣла внести оружіе во внутренность полуострова и покореніемъ его нанести Портѣ ударъ рѣшительнѣйшій. Покореніе Крыма Императрица поручила вождю, ратовавшему дотолѣ подъ начальствомъ другихъ — Князю Василію Михайловичу Долгорукому. Блистательныя послѣдствія вполнѣ оправдали лестный выборъ.

Съ тридцатиосми-тысячною арміею Долгорукій подошелъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ къ Крымскимъ границамъ и напалъ на Перекопскія укрѣпленія. Говоря о походѣ Миниха, мы упоминали объ укрѣпленіяхъ Перекопа:[57] съ тѣхъ поръ онѣ были улучшены Мусульманами. Но твердыни не могли остановить полета Русскихъ орловъ. Подойдя къ Перекопу, Долгорукій увидалъ, что отъ подошвы рва до вершины вала было тридцать сажень; запасенныя лѣстницы не доставали и до половины этой вышины, которую Татары считали неприступною. Но лѣстни-

цы были оставлены и замѣнены штыками: вонзая ихъ въ землю, храбрая рать, предводимая Долгорукимъ, взлетѣла на валъ. Изумленные Татары, не предполагавшіе столь необычайной отваги, оставили Перекопскія укрѣпленія: Ханъ съ пятидесятью тысячами своихъ воиновъ и помогавшихъ имъ Турокъ обратился въ бѣгство. Перейдя за Перекопъ, Долгорукій раздѣлилъ свою армію на три колонны, и быстрыя побѣды изумили даже самихъ Руcкихъ. Первая колонна овладѣла Козловымъ; средняя, подъ предводительствомъ Главнокомандующаго вступила въ Карасу Базаръ; лѣвая заняла Керчь и Еникале. Потомъ Долгорукій пошелъ къ Кафѣ, встрѣтилъ на пути двадцать пять тысячь Турокъ, напалъ на нихъ, принудилъ искать спасенія на корабляхъ, занялъ Кафу, и къ 29 числу Іюня, чрезъ двѣ недѣли отъ вступленія въ Крымъ, покорилъ весь этотъ полуостровъ. Крымцы дотолѣ хищные, враждебные, сдѣлались нашими союзниками; Русскому флоту открылся свободный путь въ Черное море, на волнахъ котораго до тѣхъ поръ никогда еще

не развивался флагъ Русской Имперіи. Завоеванія Долгорукаго быстротою своею превосходили вѣроятіе: Императрица каждый почти день получала извѣстія объ одержанныхъ имъ побѣдахъ. 16 Іюля прискакали въ Петербургъ три курьера одинъ за другимъ и каждый доносилъ о новыхъ доблестныхъ подвигахъ Русскихъ войскъ, находившихся въ Крыму. [58]

Порта изнемогала подъ тяжкими ударами меча Русскаго; превосходствомъ военныхъ силъ своихъ она не могла одолѣть мужества героевъ, сражавшихся во славу Россіи и ея Великой Обладательницы. Тѣснимая и съ юга Русскимъ флотомъ и Греками, возставшими въ Мореѣ, Турція дошла до послѣдней степени изнеможенія. Екатерина заключила въ 1771 году союзъ съ Пашею Египетскимъ Али-Беемъ; [59] Орловъ заперъ Дарданеллы и покорилъ острова Архипелага, не занятые имъ въ предшествовавшую кампанію, овладѣлъ гаванью и Адмиральтействомъ Митиленской крѣпости, защищаемой четырехъ-тысячнымъ Турецкимъ гарнизономъ, обратилъ въ пепелъ строившіеся корабли

и все адмиральтейство, получилъ въ добычу четыре пушки (остальныя крѣпостныя пушки, которыхъ по тяжести нельзя было взять, были забиты), пятнадцать знаменъ, Султанскій штандартъ, множество снарядовъ и припасовъ. Побѣды Тотлебена на Кавказѣ довершали несчастія Порты. Съ самаго открытія войны одна только капитуляція Журжи ободрила было Турокъ; но и это торжество ихъ было торжествомъ скоропрешедшимъ. Упадокъ духа, возродившійся въ Турецкой арміи, разнесся по всему Государству, грозилъ всеобщимъ возстаніемъ. Волненіе умовъ, производимое успѣхами Русскаго оружія, оказывалось частыми возмущеніями въ Константинополѣ, и Диванъ, употреблявшій всевозможныя средства къ водворенію спокойствія въ Государствѣ и ободренію народнаго духа, самъ раздѣлялъ втайнѣ мнѣніе общественное, неблагопріятное для воинской славы Мусульманъ. [60] И такъ распря, начатая по проискамъ Державы, думавшей достигнуть исполненія своекорыстныхъ и мечтательныхъ плановъ посредствомъ чужихъ силъ, при-

вела лишь легковерную Порту въ изнеможеніе и увѣрила Францію въ безсиліи политическихъ мѣръ, избранныхъ ею для возстановленія того вліянія, которымъ она прежде пользовалась въ дѣлахъ Европы. Турція искренно желала окончить войну. Должно также сказать, что и Россія не чужда была расположенія къ миру. «Я желаю мира отъ всего сердца« писала Екатерина къ Вольтеру еще въ исходѣ 1770 года »желаю не потому, чтобы видѣла недостатокъ въ способахъ къ продолженію войны, а потому, что кровопролитіе несообразно съ Моими чувствованіями. Если же Мустафа не оставитъ своей кичливости, то надѣюсь, что въ будущемъ лѣтѣ мы увѣримъ его, что лучше уступить обстоятельствамъ для спасенія Государства, нежели упрямствомъ доводить его до крайности.« [61]

Надежда Великой Екатирины сбылась: въ 1771 году оружіе Русское не только не потеряло своего блеска, но еще увѣнчано было новыми лаврами побѣдъ. Между тѣмъ обстоятельства, частію выгодныя для могущества нашего Отечества, ча-

стію неблагопріятныя для его внутренняго благосостоянія, были причиною, что Императрица Всероссійская, не смотря на превосходство свое въ борьбѣ съ Портою, еще болье прежняго расположена была къ миру. Разсмотрѣніе этихъ причинъ, по плану нашего сочиненія относится къ послѣдней его части: теперь ограничимся мы лишь описаніемъ событій (если можно выразиться) только съ наружной ихъ стороны.

КНИГА V.

ГЛАВА XVI.

КОНГРЕСЫ ВЪ ФОКШАНАХЪ И БУХАРЕСТѢ. ПЕРЕХОДЪ НАШИХЪ ВОЙСКЪ ЗА ДУНАЙ.

Многія Европейскія Державы завистливымъ окомъ смотрѣли на успѣхи Россіи въ войнѣ съ Портою: усиленіе могущества Сѣверной Имперіи заставляло ихъ опасаться въ отношеніи къ будущему, и онѣ желали окончанія распри даже болѣе, нежели обѣ враждовавшія Державы. Еще въ 1770 году Австрія убѣждала Порту просить мира у Россіи и посредствомъ

Прусскаго Короля предлагала Императрицѣ Екатеринѣ посредничество для прекращенія войны. Но, говоря безпристрастно, тягостныя для Турціи и упорно поддерживаемыя требованія со стороны Россіи, и кичливость, самонадѣянность, а болѣе всего вниманіе къ представленіямъ Франціи со стороны Порты, уничтожали всякую мысль о мирѣ. Въ концѣ 1771 года, обстоятельства, какъ мы уже замѣтили, измѣнились, и Порта, удрученная бѣдствіями войны, и Россія, для которой война была не столь тягостна, обѣ болѣе прежняго расположены были къ миру. Положено было собрать конгресъ въ Фокшанахъ. Султанъ назначилъ для переговоровъ Рейсъ-Ефендія Османа-Пашу; Императрица Екатерина съ своей стороны — Графа Григорія Григорьевича Орлова. Съ пышностію, можно сказать, Монарха отправился Орловъ въ Фокшаны: свиту его составляли Голштинскій Генералъ Леве, которому Императрица повелѣла исправлять должность Камергера при Уполномоченномъ, Лифляндскій Дворянинъ Тизенгаузенъ, должен-

ствовавшій быть Камеръ-Юнкеромъ, и двадцать четыре придворныхъ лакея въ парадной ливреѣ. Въ числѣ многихъ дорогихъ платьевъ, украшенныхъ алмазами, Императрица подарила Орлову одно, стоившее милліонъ рублей.

Въ Фокшанахъ ожидали уже Уполномоченнаго Императрицы Екатерины Рейсъ-Ефенди, Прусскій и Австрійскій Министры, и какъ скоро прибылъ туда Графъ Орловъ, переговоры начались. Требованія со стороны Россіи были умѣреннѣе тѣхъ условій, которыя она предлагала въ 1770 году чрезъ посредство Дворовъ Берлинскаго и Вѣнскаго, желавшихъ примирить враждовавшія Державы безъ предварительнаго конгреса. [62] Оба уполноноченные Министры почти уже условились въ важнѣйшихъ пунктахъ мирнаго договора; даже независимость Крымскихъ Татаръ, предметъ весьма важный для Россіи и будущихъ надеждъ ея, была включена въ протоколъ конгреса. Переговоры уже приходили къ концу, какъ Австрійскій Министръ внушилъ Рейсъ-Ефендію, что независимость Татаръ — дѣло слишкомъ опасное

для Порты, и что независимые Татары легко могутъ добровольно сдѣлаться подданными Россіи, если она вознамѣрится склонить на свою сторону Хана какими нибудь особенными выгодами. Османъ-Паша воспользовался замѣчаніемъ Барона Тугута, и когда дошло дѣло до составленія мирнаго договора, объявилъ, что при независимости Татаръ назначеніе Хана и удаленіе его отъ управленія Крымомъ должны зависѣть единственно отъ воли Султана. Нужно ли говорить, что это предложеніе, не сообразовавшееся съ видами нашего Двора, было отвергнуто Графомъ Орловымъ? Рейсъ-Ефенди предложилъ другой проэктъ трактата, который въ настоящемъ смыслѣ былъ лишь другою стороною той же монеты. Споры начались опять: ни та, ни другая сторона не были склонны къ уступчивости. Между тѣмъ искусный дипломатъ легко бы могъ замѣтить, что главное содержаніе инструкціи, данной Диваномъ Осману-Пашѣ, состояло въ томъ, чтобы заключить миръ, на какихъ бы то ни было условіяхъ, лишь бы они не были рѣшительно тя-

гостны и невозможны для Порты, и что упорство Рейсъ-Ефенди зависѣло изключительно отъ него самого: поклонникъ Магомета хотѣлъ единственно пріобрѣсти между соотечественниками славу дипломата, успѣвшаго побѣдить на словахъ представителя той Державы, которая непобѣдима на поляхъ брани, и съ тѣмъ вмѣстѣ показать Австрійскому Министру, какъ цѣнятся его совѣты. Пылкій Сановникъ Екатерины, (получившій въ это время частное письмо изъ Петербурга, увѣдомлявшее его о предметѣ ни мало не относившемся до посольства), не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить хитрости Мусульманина, самовольно прервалъ переговоры и поспѣшно удалился изъ Фокшанъ, оставивъ всю свою свиту. Конгресъ не продолжавшійся и мѣсяца разрушился. Справедливый гнѣвъ милостивой Монархини ограничился единственно воспрещеніемъ Орлову въѣзжать въ Столицу. [63] Единственнымъ слѣдствіемъ Фокшанскаго конгреса было освобожденіе нашего Резидента Обрескова, который тотчасъ по прекращеніи конгреса возвратился въ Россію.

Между тѣмъ Турки, пользуясь перемиріемъ заключеннымъ по случаю конгреса, старались наскоро и тайно усилить гарнизоны своихъ крѣпостей на сѣверъ и югъ и снарядить нѣсколько военныхъ судовъ. Это нарушеніе постановленныхъ условій не укрылось отъ взора Русскихъ военачальниковъ; но платя благородствомъ за коварство и твердо полагаясь на собственныя силы и знаніе военнаго дѣла, они ограничивались лишь внимательнымъ наблюденіямъ за приготовленіями непріятеля и не противупоставляли имъ никакихъ препятствій. Отъѣздъ изъ Фокшанъ Графа Орлова прекратилъ перемиріе, и Фельдмаршалъ Румянцовъ снова обнажилъ побѣдоносный мечь свой. Крейсерство нашихъ военныхъ кораблей въ Архипелагъ тоже возобновилось. Графъ Алексѣй Григорьевичь опять занялъ мѣста, оставленныя имъ по условіямъ перемирія. Пламя войны снова охватило сѣверныя и южныя границы Порты, и къ концу 1772 года Верховный Визирь получилъ отъ Султана повелѣніе просить у Россіи новаго мирнаго конгреса.

Императрица Екатерина съ удовольствіемъ приняла эти предложенія: новый конгресъ предположенъ былъ въ Бухарестѣ. Полномочнымъ со стороны Россіи назначенъ былъ Тайный Совѣтникъ Алексѣй Михайловичь Обресковъ, представлявшій второстепенное лице на Фокшанскомъ конгресѣ; Порта поручила вести переговоры опять Рейсъ-Ефендію. Министры Дворовъ Вѣнскаго и Берлинскаго устранены были отъ участія въ переговорахъ по желанію Императрицы Екатерины, недовольной Барономъ Тугутомъ, потерявшимъ въ Ея мнѣніи репутацію безпристрастнаго дипломата. Этотъ конгресъ былъ продолжительнѣе Фокшанскаго, но столь же безуспѣшенъ. Въ совѣщаніяхъ между Обресковымъ и Рейсъ-Ефенди независимость Татаръ не была предметомъ продолжительныхъ споровъ; но за то другое обстоятельство было рѣшительнымъ препятствіемъ къ заключенію мирнаго договора. Россія требовала, чтобы крѣпости Керчь и Еникале съ ихъ пристаньми и уѣздами были отданы въ вѣч-

ное владѣніе Россійской Имперіи и чтобы Русскому флагу дозволенъ былъ свободный входъ въ Черное море. Турки никакъ не хотѣли согласиться на это, даже при условіи со стороны Россіи отказаться отъ всѣхъ денежныхъ вознагражденій за военные убытки; но напротивъ того сами предлагали вмѣсто Керчи и Еникале двадцать одинъ милліонъ рублей серебромъ. Однако эти предложенія остались просто предложеніями, не принятыми ни съ той, ни съ другой стороны—и Бухарестскій конгресъ не былъ успѣшнѣе Фокшанскаго.

Кромѣ требованій со стороны Россіи, упорно поддерживаемыхъ и въ самомъ дѣлѣ тягостныхъ для Порты, была другая причина безуспѣшности Бухарестскаго конгреса: происки Франціи, смотрѣвшей съ завистію на успѣхи Русскаго оружія, доставившіе Императрицѣ возможность избирать по собственной волѣ условія для прекращенія войны съ Портою. Французскіе агенты, успѣвшіе привлечь на свою сторону главнѣйшихъ Сановниковъ Турецкихъ средствами, чуждыми благородной политикѣ, увѣряли сверхъ того,

что Король Шведскій готовится внести оружіе въ Финляндію и что Франція сама вооружаетъ сильную эскадру въ Тулонѣ, предназначаемую на помощь Турецкому флоту. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Порта сама увѣрилась, что представленія Французовъ были ничто иное, какъ выдумки; но, какъ бы то ни было, Бухарестскій конгресъ былъ закрытъ, потому что Диванъ надѣялся въ скоромъ времени заключить миръ на условіяхъ болѣе умѣренныхъ и легчайшихъ для выполненія.

Безуспѣшность переговоровъ о заключеніи мира съ Портою крайне огорчала Императрицу Екатерину. Необходимость поддержать достоинство Имперіи, попеченіе о пользахъ Государства и желаніе вознаградить бѣдствія войны, неизбѣжныя и при успѣхахъ оружія, выгоднымъ миромъ, вынуждали Императрицу твердо поддерживать свои требованія на конгресѣ. И такъ, при самомъ искреннемъ желаніи мира, необходимость воспрещала вложить въ ножны мечь, пріобыкшій къ побѣдамъ.

Румянцовъ перенесъ опять оружіе въ Болгарію. Трудности, преодолимыя

для однихъ Рускихъ, въ которыхъ рвеніе къ Монаршей волѣ изчезаетъ только съ послѣднимъ предсмертнымъ вздохомъ, сопровождали переходъ нашихъ войскъ на правой берегъ Дуная. Переправясь съ тринадцатью тысячами подъ непріятельскимъ огнемъ черезъ рѣку, прикрывая маршъ свой фальшивыми аттаками, Румянцовъ встрѣтилъ тридцатитысячный обсерваціонный Турецкій корпусъ, разбилъ его, съ малыми силами прогналъ и подошелъ къ Силистріи. Этотъ городъ не имѣлъ тогда никакихъ крѣпостныхъ защитъ; но расположенный въ долинѣ, между горъ, укрѣпленныхъ Французскими инженерами, представлялъ затрудненія не меньшія иной сильной крѣпости. Тридцатитысячный корпусъ, стоявшій лагеремъ съ сѣверной и восточной стороны, защищалъ городъ. Армія Верховнаго Визиря, расположенная не вдалекѣ, могла въ случаѣ нужды подать этому корпусу скорую помощь. Однако, не смотря на всѣ опасности предпріятія, Румянцовъ рѣшился взять городъ приступомъ. Онъ раздѣлилъ свою малую

армію на три отряда, изъ коихъ одинъ долженъ былъ напасть на лагерь, другой идти въ городъ чрезъ дефилею, наиболѣе отверстую, а третій служить резервомъ и прикрывать, вслучаѣ нужды, отступленіе первыхъ двухъ колоннъ. Какъ скоро показались наши войска, Османъ-Паша выдвинулъ противъ нихъ всю свою конницу. Завязался отчаянный бой: наиболѣе подверглись натиску Турокъ колонны, напавшая на лагерь и резервная. Между тѣмъ войска отряженныя въ Силистрію уже исполнили свое назначеніе: городъ былъ взятъ. Но какъ другія двѣ колонны, утомленныя быстрымъ переходомъ, должны были послѣ упорной битвы уступить многочислености Турецкихъ силъ, то колонна, взявшая Силистрію, увидала себя со всѣхъ сторонъ окруженною непріятелемъ. Надлежало отдаться въ плѣнъ или погибнуть съ мечемъ въ рукахъ: Рускіе избрали послѣднее, кинулись къ своимъ войскамъ сквозь густыя толпы Турокъ, и безъ значительной потери успѣли соединиться съ первыми двумя колоннами, отступавшими

по дорогѣ къ Варнѣ. Великій Визирь, не предполагавшій, чтобы Руские взяли этотъ путь отступленія, отрядилъ значительную часть своего войска, подъ начальствомъ Нюманъ-Паши, въ тылъ Русской арміи, на то мѣсто, гдѣ ей слѣдовало бы обратно перейти чрезъ Дунай. Но Румянцовъ расположился на пути къ Варнѣ и выслалъ 22 Іюня Генералъ-Маіора Вейсмана съ девятью полками и двумя баталіонами гренадеръ на берегъ Дуная, къ деревнѣ Кайнарджи. Вейсману предстояли невѣроятныя трудности: Турокъ на берегу Дуная было болье двадцати тысячь. Ободряя своихъ подчиненныхъ, начинавшихъ было уступать многочисленному непріятелю, Вейсманъ сталъ въ передовую шеренгу и приказалъ ударить въ штыки. Мусульмане, изумленные, разстроенные неимовѣрною отвагою Рускихъ, не устояли; но, въ самую послѣднюю минуту рѣшительной побѣды непріятельская пуля пронзила грудь храбраго Вейсмана. »Симъ запечатлѣлъ сей многократный побѣдитель Турокъ на правамъ берегу Дуная славу своихъ во-

енныхъ подвиговъ.»[64] Въ это же время Фельдмаршалъ получилъ извѣстіе о побѣдахъ Суворова.[65]

Разбитіе Нюманъ-Паши Вейсманомъ открыло свободный путь къ отступленію нашихъ войскъ на лѣвый берегъ Дуная. Эта ретирада была слѣдствіемъ благоразумныхъ соображеній Фельдмаршала Румянцова. »Если бы продолжать на правомъ берегу Дуная военныя дѣйствія, доносилъ онъ Императрицѣ, то не удвоить, а утроить надобно армію. Будучи на той сторонѣ, бывшіе со мною тамъ Генералы остаются свидѣтелями, сколько я старался до послѣдней черты, не щадя ни трудовъ, ни жизни, выполнить Высочайшую волю Вашего Императорскаго Величества, имѣя токмо подъ именемъ арміи корпусъ въ 13,000 пѣхоты на всѣ дѣйствія съ визирскими силами, которыя однакожъ побиты и разсыпаны: словомъ, не испытано развѣ только то, чего одолѣть не можетъ человѣчество.«[66]

Фельдмаршалъ просилъ подкрѣпленія; но обстоятельства, требовавшія движенія нашихъ войскъ къ Шведскимъ границамъ

Государства, были причиною, что просьба Румянцова не могла быть выполнена въ скоромъ времени. Надобно было произвести новой наборъ рекрутъ. Между тѣмъ Императрица повелѣла нѣсколькимъ полкамъ выступить изъ Польши и присоединиться къ арміи Фельдмаршала. »Желаніе Мое есть, писала къ нему Императрица, получить миръ, но мысли Мои всѣ устремлены къ войнѣ, и сіе неудивительно, ибо иной дороги не имѣю получить Мое желаніе. Чистосердечно скажу, исполненіе его ожидала Я отъ васъ въ нынѣшней кампаніи, но возвращеніе ваше (съ праваго берега Дуная) лишаетъ Меня и сей надежды.« [67]

Непремѣнная воля Императрицы была, чтобы Румянцовъ перешелъ опять за Дунай и силою оружія принудилъ Порту къ желаемому миру. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ Фельдмаршалъ, получившій подкрѣпленіе для своей арміи, отрядилъ за Дунай Князя Долгорукаго, Графа Салтыкова и Барона Унгерна; каждый изъ нихъ получилъ въ начальство по три тысячи человѣкъ. Самъ же Графъ Румянцовъ съ двадцатью тысячами остался на лѣвомъ берегу рѣки для

прикрытія завоеванныхъ имъ провинцій. Генералы, отряженные для перехода за Дунай, встрѣтили сильный отрядъ Турецкаго войска, близь Карасу, разбили его, обратили въ бѣгство, взявъ въ плѣнъ Сераскира Османъ-Пашу и овладѣвъ всею его артиллеріею. Послѣ этой побѣды, войска раздѣлились на три части. Графъ Иванъ Петровичь Салтыковъ пошелъ къ Рущуку, выгналъ Турокъ изъ Марутинскихъ укрѣпленій, овладѣлъ непріятельскимъ лагеремъ, взялъ три пушки и обложилъ городъ отъ самаго Дуная по рѣку Ломъ. Въ то же время Князь Юрій Владиміровичь Долгорукій пошелъ къ Базарджику и взялъ этотъ городъ. Баронъ Унгернъ получилъ приказаніе идти къ Варнѣ, чрезъ которую войска Великаго Визиря получали себѣ припасы съ Чернаго моря. Варна была укрѣплена глубокими рвами, наполненными водою, и бастіонами; защищалась сильнымъ гарнизономъ, который вдесятеро превосходилъ войска, ввѣренныя Унгерну. Сверхъ того въ гавани находилось нѣсколько Турецкихъ фрегатовъ; приступъ къ крѣпости требовавшей осады,

былъ невозможенъ. И такъ Унгерну, удаленному отъ прочихъ Русскихъ войскъ, сдѣлать какое нибудь предпріятіе на Варну было бы не только безполезно, но даже и противно благоразумію военачальника. Ознаменовавъ приходъ свой къ Варнѣ нападеніемъ на отрядъ Турецкой конницы, шедшей въ крѣпости, Унгернъ отступилъ къ берегамъ Дуная. Въ Декабрь мѣсяцъ 1773 года, Русскія войска возвратились на лѣвый берегъ рѣки.

Такимъ образомъ и вторый переходъ за Дунай не имѣлъ важныхъ слѣдствій, кромѣ того, что увѣрилъ Турокъ въ неизмѣнной храбрости нашихъ войскъ. »Услыша съ немалымъ удовольствіемъ о Карасуйскомъ дѣлѣ, писала Императрица къ Графу Румянцову, сожалѣю токмо по позднему годовому времени, что все сіе не можетъ имѣть такихъ пользъ, какъ изъ того произойти могло бы, еслибы предпринять мѣсяцевъ съ шесть тому назадъ.« По прекращеніи военныхъ дѣйствій зимою 1773 года, Фельдмаршалъ занялся снабженіемъ по-Дунайскихъ магазиновъ продовольствіемъ для арміи, которымъ

въ предшествовавшій годъ она не могла быть удовлетворена въ надлежащей мѣрѣ. Недостатокъ продовольствія, аммуниціи, также незнаніе мѣстности въ Болгаріи были главнѣйшими причинами безуспѣшности перехода нашихъ войскъ за Дунай.

Дѣйствія Русскаго флота въ Архипелагѣ, второй и третьей арміи въ Крыму [68] и на Кавказскихъ границахъ въ 1773 и въ началѣ слѣдовавшаго года ограничивались наблюденіями надъ непріятелемъ, сохраненіемъ завоеванныхъ областей и мѣстъ, также разными диверсіями, съ тою цѣлію, чтобы способствовать успѣхамъ арміи, находившейся въ распоряженіи Фельдмаршала Графа Румянцова, и развлекать силы непріятеля.

КНИГА V.

ГЛАВА XVII.

ДѢЙСТВІЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ АРМІИ ВЪ 1774 ГОДУ. КУЧУКЪ-КАЙНАРЖІЙСКІЙ МИРЪ. ТОРЖЕСТВОВАНІЕ МИРА И НАГРАДЫ.

Въ Январѣ мѣсяцѣ 1774 года умеръ Султанъ Мустафа III, царствовавшій во все продолженіе войны, нами описываемой. На престолъ Турецкой Имперіи возведенъ былъ братъ скончавшагося Султана, Абдулъ-Гамидъ, человѣкъ робкій, малодушный, воспитанный въ стѣнахъ сераля. Абдулъ Гамидъ удовольствовался титломъ Повелителя Оттомановъ, а бразды

правленія вручилъ сестрѣ своей и Верховному Визирю Мусунъ-Заде, носившему это званіе и при жизни Мустафы. Такимъ образомъ перемѣна правителя въ Портѣ не измѣнила духа правленія. До Іюля мѣсяца 1774 года время прошло въ переговорахъ между Главнокомандовавшими враждовавшихъ армій; но этотъ новый путь, избранный для примиренія, столь же мало велъ къ цѣли, какъ и два прежніе конгреса. Независимость Крыма и уступка Россіи требуемыхъ сю мѣстъ и крѣпостей были затруднительнымъ пунктомъ, на который никакъ не хотѣла согласиться Порта. Не менѣе того настойчива была въ своихъ требованіяхъ и Россія. Театръ войны опять огласился звуками оружія.

Избѣгая главной, рѣшительной битвы, Верховный Визирь, расположившійся лагеремъ въ горахъ Булгаріи, намѣревался привести въ изнеможеніе Русскую армію, выводя въ дѣло незначительные отряды, но повторяя сраженія какъ наивозможно чаще. Однако тактика такого рода не удалась предводителю Мусульманъ. Ру-

мянцовъ, который »ждалъ времяни и случая« чтобы загладить неудачи двухъ своихъ переходовъ за Дунай, снова перешелъ эту рѣку со всѣми своими силами, разбилъ нѣсколько корпусовъ высланныхъ Великимъ Визиремъ на встрѣчу къ Рускимъ, и подошелъ къ Турецкому лагерю. Въ тоже время (17 Іюня) Графъ Михайла Ѳедотовичь Каменскій получилъ приказаніе двинуться съ ввѣреннымъ ему корпусомъ къ Енибазару. Каменскій встрѣтилъ высланнаго противъ него Сераскира Дагестанлы-Пашу, разбилъ значительный его корпусъ, прогналъ въ Шумлу, истребилъ огромный обозъ, везшій провіантъ Туркамъ, и потомъ зайдя въ тылъ Турецкой арміи, отрѣзалъ ей всякое сообщеніе съ Адріанополемъ. Этотъ подвигъ Графа Каменскаго окончилъ шестилѣтнюю войну Россіи съ Турками.

Положеніе Верховнаго Визиря, запертаго въ своемъ лагерѣ, было въ самомъ дѣлѣ опасно—но не до такой степени, чтобы ему не оставалось никакихъ средствъ поправить свои дурныя обстоятельства: армія его, по крайней мѣрѣ, вчетверо была

многочисленнѣе Русской и не имѣла недостатка въ военныхъ снарядахъ. Слѣдовательно онъ легко бы могъ пробиться сквозь цѣпь Русскихъ войскъ, и возстановивъ сообщеніе со внутренними провинціями своего Государства, опять возобновить военныя дѣйствія. Но предводитель Мусульманъ не имѣлъ твердой рѣшимости и не былъ одушевленъ отвагою, этими двумя качествами, которыя послѣ знанія военнаго искуства составляютъ отличительныя черты великаго полководца. Визирь лишился бодрости, медлилъ предпринять что-либо рѣшительное; упадокъ духа, какъ зараза, распространился въ его арміи, неимѣвшей продовольствія. Едва скрываемая наклонность Турецкихъ полчищь къ возмущенію заставила наконецъ Верховнаго Визиря отказаться отъ всѣхъ дальнѣйшихъ военныхъ предпріятій: онъ прислалъ въ главную квартиру Графа Румянцова, при Кучукъ Кайнаржи парламентеровъ съ мирными предложеніями, просилъ заключить перемиріе и возобновить конгресъ. Но Фельдмаршалъ отвергъ эти предло-

женія и велѣлъ отвѣчать Визирю, что »если онъ дѣйствительно желаетъ заключить миръ, то прислалъ бы въ главную квартиру Русской арміи полномочныхъ особъ принять и утвердить точно кондиціи къ тому, не откладывая вдаль, и что мирный трактатъ можно составить безъ перемирія и конгреса.« [69]

Мусунъ-Заде не противился болѣе, и 5 числа Іюля прислалъ въ лагерь Главнокомандовавшаго Русскою арміею уполномоченныхъ для заключенія мира, Ресьми Ахметъ-Эфендія и Рейсъ-Эфендія Ибрагимъ Мюниба. Со стороны Россіи назначенъ былъ для составленія мирнаго договора Князь Николай Васильевичь Репнинъ. [70]

10 Іюля 1774 года подписаны были въ Русскомъ лагерѣ при Кучукъ Кайнаржи уполномоченными съ обѣихъ сторонъ прелиминаріи вѣчнаго мира Россіи съ Портою, въ XXVIII статьяхъ. *Третьею статьею* этого договора »всѣ Татары Крымскіе, Буджакскіе, Кубанскіе Едисанцы, Жамбуйлуки и Едичкули, безъ изъятія отъ обѣихъ Имперій признаны вольными

и совершенно независимыми отъ всякой посторонней власти и пребывающими подъ самодержавною властію собственнаго Хана Чингисскаго поколѣнія, всѣмъ Татарскимъ обществомъ признаннаго и возведеннаго.« *Статьею одиннадцатою* »Порта позволяетъ купеческимъ Россійскимъ кораблямъ свободный проходъ изъ Чернаго моря въ Бѣлое, а изъ Бѣлаго въ Черное, также приставать ко всѣмъ гаванямъ и пристанямъ на берегахъ морей и въ проѣздахъ или въ каналахъ оныя моря соединяющихъ, находящимся.« *Статьею восемнадцатою* »замокъ Кинбурнъ, съ округомъ по лѣвому берегу Днѣпра и степями между рѣкъ Буга и Днѣпра, и крѣпости (статьею девятнадцатою) Еникале и Керчь съ пристаньми и уѣздами, также городъ Азовъ съ уѣздомъ остаются въ полное, вѣчное и непрекословное владѣніе Россійской Имперіи.« Сверхъ того Порта обязалась заплатить Россіи за военные убытки четыре милліона пять сотъ тысячь рублей. Въ замѣнъ этого Россія обязалась возвратить всѣ сдѣланныя ею въ продолженіи войны

завоеванія. Ратификаціи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира размѣнены въ Константинополѣ 13 Января 1775 года, нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Полковникомъ Петерсономъ и самимъ Верховнымъ Визиремъ. [71]

Такъ кончилась война между Россіею и Портою, во славу нашего Отечества и его Великой Обладательницы, въ посрамленіе Державы, мечтавшей посредствомъ распри двухъ Имперій возстановить свое утраченное вліяніе въ дѣлахъ Европейской политики.

Милости народу и награды подвизавшимся на полѣ чести за Вѣру, Престолъ и Отечество ознаменовали заключеніе мира съ Портою. 17 Марта 1775 года былъ изданъ Милостивый Манифестъ, которымъ дарованы новыя права Дворянству и милости нижнимъ воинскимъ чинамъ; отмѣнены сборы, наложенные во время войны, и нѣкоторые изъ установленныхъ съ давнихъ временъ, также дарована амнистія всѣмъ участвовавшимъ въ мятежѣ 1773 и 1774 годовъ. [72]

10 число Іюля мѣсяца, 1775 года, назначено было днемъ общаго торжествованія славнаго Кучукъ Кайнаржійскаго мира во всей Россіи: 9 числа, въ четвертокъ Императрица изволила прибыть въ Успенскій Соборъ ко всенощной, и по окончаніи богослуженія собственноручно соизволила внести въ алтарь и поставить на Св. Жертвенникъ золотые богато-украшенные алмазами потиръ и дискосъ со звѣздою. [73] На другой день, въ 6 часовъ утра введены были въ Кремль гвардейскіе и полевые полки и построены отъ Успенскаго Собора до дворца, бывшаго у Пречистенскихъ воротъ. [74] Въ 9 часовъ Императрица изволила торжественно шествоват въ Соборъ къ слушанію литургіи, послѣ которой отправилась въ Грановитую Палату, гдѣ Оберъ-Прокуроръ привѣтствовалъ Ея Величество поздравительною рѣчью отъ лица всей Россіи. Отъ имени Императрицы отвѣчалъ на рѣчь Генералъ-Прокуроръ Вице-Канцлеръ Графъ Остерманъ. [75] Послѣ этого, Тайный Совѣтникъ Алсуфьевъ, стоявшій по правой сторонѣ нижней ступени

Трона, читалъ роспись наградамъ, дарованнымъ въ этотъ день Императрицею.

Въ спискѣ наградъ первое мѣсто занималъ Генералъ Фельдмаршалъ Князь Александръ Михайловичь Голицынъ, получившій »за очищеніе Молдавіи до самыхъ Яссъ« шпагу, украшенную алмазами и серебряный сервизъ. Вторымъ [76] по списку провозглашенъ былъ Генералъ Фельдмаршалъ Графъ Петръ Александровичь Румянцовъ, получившій: »1) наименованіе *Задунайскаго* »для прославленія чрезъ то опаснаго перехода его чрезъ Дунай;« 2) грамоту съ прописаніемъ побѣдъ его; 3) »за разумное полководство« алмазами украшенный Фельдмаршальскій жезлъ; 4) »за храбрыя предпріятія« шпагу осыпанную алмазами; 5) »за побѣды« лавровый вѣнокъ и 6) »за заключеніе мира« масличную вѣтвь, осыпанные алмазами; 7) »въ знакъ Монаршаго благоволенія« крестъ и звѣзду Св. Апостола Андрея Первозваннаго, осыпанные брилліантами; 8) »въ честь его и для поощренія примѣромъ его потомства« медаль съ его изображеніемъ; 9) »для увеселенія его« деревню въ пят.

тысячь душъ въ Бѣлорусіи; 10) »на построеніе дома« сто тысячь рублей изъ Кабинета; 11) »для стола« серебряный сервизъ, и 12) »на убранство дома« картины.

Князь Василій Михайловичь Долгорукій получилъ названіе *Крымскаго*, похвальную грамоту, шпагу украшенную алмазами, брилліантовые знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго и шестьдесятъ тысячь рублей »на поправленіе домашней экономіи.«

Графъ Алексѣй Григорьевичь Орловъ получилъ прозваніе *Чесменскаго*, похвальную грамоту, шпагу украшенную алмазами, столовый серебряный сервизъ и шестьдесятъ тысячь рублей. Братъ Чесменскаго Графъ Ѳедоръ Григорьевичь получилъ похвальную грамоту и алмазами украшенную шпагу. Графъ Петръ Ивановичь Панинъ получилъ украшенные брилліантами знаки ордена Св. Апостола Андрея, шпагу осыпанную алмазами и »на поправленіе домашней экономіи« шестьдесятъ тысячь рублей. Князь Николай Васильевичь Репнинъ былъ произведенъ

въ Генералъ-Аншефы и Подполковники Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка. Прочіе, участвовавшіе въ войнѣ съ Турками, получили столь же лестные знаки Монаршей милости и благоволенія. Сверхъ того память подвиговъ Задунайскаго, Чесменскаго и Графа Ѳ. Г. Орлова увѣковѣчена памятниками, воздвигнутыми въ Царскомъ селѣ.

Торжествованіе мира съ Портою продолжалось по 23 число Іюля и было ознаменовано великолѣпными празднествами и увеселеніями разнаго рода. [78]

КНИГА VI.

ПЕРВЫЙ РАЗДѢЛЪ ПОЛЬШИ.

КНИГА VI.

ГЛАВА XVIII.

Безпорядки въ Польшѣ превратились наконецъ въ междуусобную войну; Конфедерація въ Барѣ объявила междоцарствіе и Короля Станислава лишеннымъ престола, и даже покушалась было на жизнь его или по крайней мѣрѣ на свободу.[79] Франція, управляемая въ то время Герцогомъ Шуазёлемъ, не постыдилась принять сторону Польскихъ Конфедератовъ, возмутившихся противъ своего Короля и ускорявшихъ внутренними раздорами паденіе своего Отечества. Шуазёль при-

10*

слалъ въ Польшу небольшой корпусъ Французскихъ войскъ, подъ начальствомъ Генерала Дюмурье.

Мы не будемъ здѣсь говорить подробно о тѣхъ мѣрахъ, которыя по просьбѣ Короля Станислава были приняты Россіею для прекращенія безпорядковъ въ Польшѣ: скажемъ только что войска Императрицы Екатерины вездѣ поражали и Конфедератовъ и помогавшихъ имъ Французовъ. [80] Въ концѣ 1770 года Австрія, завидуя славѣ и могуществу Россіи, овладѣла Ципскимъ округомъ въ Польшѣ, подъ предлогомъ защищенія собственныхъ границъ отъ чумы. Въ тоже время братъ Короля Прусскаго, Принцъ Генрихъ, ѣздившій въ Стокгольмъ для свиданія съ сестрою, [81] былъ приглашенъ Императрицею Екатериною въ Санктпетербургъ. Свиданіе это имѣло важныя слѣдствія для Польши.

Говоря съ Принцемъ о занятіи Австрійцами Ципскаго округа, Императрица Екатерина сказала какъ-то, что »если Вѣнскій Дворъ хочетъ присвоить себѣ

Польскія провинціи, то и другія Государства могутъ послѣдовать его примѣру.« Эти слова, сказанныя, быть можетъ, мимоходомъ, безъ всякаго особеннаго предположенія, обратили на себя все вниманіе Короля Прусскаго. Въ умѣ его родилась счастливая мысль »округлить границы своего Государства со стороны Польши.« Но какъ этого нельзя было привести въ исполненіе безъ согласія Россіи и Австріи, то онъ поручилъ Министру своему, при С. Петербугскомъ Дворѣ, Графу Сольмсу развѣдать, какого мнѣнія будетъ Императрица Екатерина, если Ей представится случай разпространить границы своего Государства миролюбивымъ образомъ, и тѣмъ, въ нѣкоторой степени, вознаградить себя за войну съ Турками, возгорѣвшуюся по поводу безпокойствъ Польскихъ. Предложеніе Короля Прусскаго, по своей новости, могло казаться неудобоисполнимымъ и даже непонятнымъ, тѣмъ болѣе, что вопросъ предложенъ былъ прежде, нежели ясно сказаны были данныя, на основаніи которыхъ можно бы было сдѣлать

удовлетворительное рѣшеніе. Мнѣніе Санктпетербургскаго Двора, въ отношеніи къ предложенію Короля Прусскаго, было токово: »что если какая Держава сочтетъ себя въ правѣ присоединить провинціи отъ Польши; то безъ сомнѣнія и другія сосѣднія Государства могутъ воспользоваться тѣмъ же правомъ.«

Между тѣмъ, Графъ Панинъ, сообщившій это мнѣніе Прусскому Посланнику, замѣтилъ, что для положительнѣйшаго рѣшенія даннаго вопроса, нужно узнать намѣренія Вѣнскаго Двора въ отношеніи къ Польшѣ.

Получивъ отвѣтъ Панина, Король Прусскій сообщилъ Барону Свитену, Министру Вѣнскаго Двора, что Россія не оказываетъ ни малѣйшаго неудовольствія въ отношеніи къ тому, что Австрійцы овладѣли Цитскимъ воеводствомъ, и что онъ съ своей стороны въ доказательство своего дружескаго расположенія, совѣтуетъ Ихъ Величествамъ Императору и Императрицѣ - Королевѣ не только оста-

вить за собою занятое воеводство, но даже пріобрѣсти въ этомъ Государствѣ и другія, по собственному выбору и желанію; и что въ этомъ случаѣ не представится никакихъ затрудненій, потому что ихъ примѣру послѣдуютъ и другія сосѣдственныя Польшѣ Державы. Однако это предложеніе—toute cordiale qu'elle était, по словамъ Фридриха Великаго—было принято не такъ, какъ ожидали. Князь Кауницъ, Министръ Вѣнскаго Двора, былъ тогда занятъ планомъ совсѣмъ инаго рода: онъ болѣе расположенъ былъ заключить союзъ съ Турціею, нежели съ Россіею, которая не соглашалась отказаться отъ завоеванныхъ ею Княжествъ Молдавіи и Валлахіи, а такое сосѣдство Россіи казалось Кауницу опаснымъ для Австріи. Князь Ритбергъ сухо отвѣчалъ Королю Прусскому, что если Австрійскія войска и заняли нѣсколько Польскихъ округовъ, то совсѣмъ не въ томъ предположеніи, чтобы ихъ навсегда удержать за собою; но единственно для того, чтобы принудить Республику заплатить занятыя ею у Вѣнскаго Двора деньги; и что онъ ни-

какъ не можетъ представить, чтобы обстоятельство столь ничтожное могло возродить мысль о раздѣлѣ, сопряженномъ съ большими затрудненіями, по невозможности соблюсти совершенное равенство въ участкахъ для каждой изъ трехъ Державъ, и что наконецъ раздѣлъ Польши не можетъ способствовать возстановленію спокойствія въ Европѣ; а потому онъ не совѣтуетъ Королю Прусскому отваживаться на предпріятіе столь невыгодное. Въ заключеніе Князь Кауницъ прибавилъ, что Вѣнскій Дворъ готовъ удалить даже и войска свои изъ Польши, когда согласятся на тоже другія Державы. Это послѣднее замѣчаніе относилось на счетъ Россіи, которой войска уже нѣсколько лѣтъ занимали Польшу, и на счетъ Пруссіи, которая протянула отъ Кроссена до Вислы военный кордонъ для предохраненія себя отъ моровой язвы, свирѣпствовавшей тогда въ Польшѣ.

»Dans une affaire de cette nature il ne fallait pas se laisser de courager par des bagatelles« думалъ Король Прусскій. [32] Онъ предвидѣлъ,

что Вѣнскій Дворъ будетъ гораздо сговорчивѣе, когда Россія и Пруссія рѣшительнѣе приступятъ къ дѣлу, и былъ увѣренъ, что Австрія скорѣе согласится принять участіе въ раздѣлѣ, нежели отважится на опасности войны съ двумя Государствами, и особливо находясь въ союзѣ съ одною только Франціею. Фридрихъ не хотѣлъ упустить случая воспользоваться обстоятельствами и рѣшился какъ можно скорѣе привести къ концу свои намѣренія. Онъ не повторялъ своихъ предложеній Вѣнскому Двору, желая дать ему время для размышленія, и поручилъ Графу Сольмсу извѣстить Графа Панина, что Вѣнскій Дворъ знаетъ о предполагаемомъ раздѣлѣ, и что хотя Князь Кауницъ не объявилъ еще ничего рѣшительнаго объ этомъ предметѣ, но что по видимому онъ не будетъ противиться, если Пруссія и Россія приступятъ къ дѣлу. Всякой легко можетъ замѣтить, какъ много Король Прусскій трудился въ дѣлѣ предположеннаго раздробленія Польши, и какъ ему хотѣлось скорѣе привести это дѣло къ счастливому окончанію. Однако, не

смотря на всѣ усилія и тонкости политическихъ переговоровъ, раздѣлъ Польши могъ остаться предметомъ нерѣшенымъ, еслибы не представилось новыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, которыми никогда не пренебрегалъ Король Прусскій. Вѣнскій Дворъ всячески затруднялъ переговоры о мирѣ между Россіею и Портою и болѣе всего опровергалъ статью объ отдачѣ Молдавіи и Валахіи, которыхъ требовала Императрица Екатерина; въ Венгрію собирались войска, и Князь Кауницъ даже предложилъ Портѣ заключить субсидійный договоръ. Король Прусскій усердно увѣдомлялъ Графа Панина о всѣхъ непріязненныхъ намѣреніяхъ Австріи, искусно далъ замѣтить, что въ случаѣ разрыва съ Австріею, Россія убѣдится, какъ полезенъ для нея союзъ съ Пруссіею, и успѣлъ наконецъ достичь того, что Панинъ изъявилъ Сольмсу желаніе узнать подробнѣе планъ предполагаемаго раздѣла.

Этотъ планъ тотчасъ былъ присланъ въ Петербургъ: Россіи представлялось присоединить къ своимъ владѣніямъ ту часть Польши, которую она сочтетъ для

себя наиболѣе выгодною. Король Прусскій на свою долю предполагалъ получить воеводства Маріенбургское, Поморское, (вмѣстѣ съ Данцигомъ), Хелминское, Вармію и часть Великой Польши за рѣкою Нотецъ. Австріи предоставлялась полная свобода участвовать въ раздѣлѣ, какъ скоро она пожелаетъ. Между тѣмъ совѣщанія Берлинскаго Двора съ Санктпетербургскимъ, говоритъ Фридрихъ Великій, не мѣшали Князю Кауницу идти своимъ путемъ: онъ всѣми возможными средствами затруднялъ заключеніе мира Россіи съ Портою, и гордясь тайными предложеніями Султана, и думая что войска собранныя въ Венгріи могутъ устрашить и Пруссію и Россію, объявилъ наконецъ Королю Прусскому, »что условія мира, предложенныя Россіею Портѣ, рѣшительно несообразны съ выгодами Австріи и могутъ нарушить равновѣсіе Востока, и что если Россія не согласится умѣрить свои требованія, то Австрія сочтетъ себя вынужденною принять участіе въ войнѣ, надѣясь, что въ этомъ случаѣ Король Прусскій будетъ наблюдать

совершенный нейтралитетъ, тѣмъ болѣе, что союзъ его съ Россіею относится единственно до Польши.«

Этого только и ожидалъ Король Прусскій, Фридрихъ Великій. Онъ объявилъ Кауницу, »что война, которую думаетъ предпринять Австрія, нарушитъ лишь спокойствіе цѣлой Европы, ни мало не достигнувъ цѣли—склонить Императрицу Екатерину къ заключенію мира съ Турціею на условіяхъ болѣе умѣренныхъ и болѣе выгодныхъ и для Австріи и для Порты; что есть средства болѣе мирныя для соглашенія Санктпетербурскаго Двора, отказаться отъ требованій на Молдавію и Валлахію; но что, впрочемъ, если дойдетъ до разрыва между Австріею и Россіею, то Король Прусскій никогда не захочетъ нарушить дружественныхъ обязательствъ, торжественно заключенныхъ имъ съ Россіею, и принужденъ будетъ поступать въ случаѣ войны, какъ дѣятельный и благонамѣренный союзникъ Императрицы Екатерины.« Чтобы придать болѣе силы словамъ, Король Прусскій

повелѣлъ увеличить и ремонтировать свою кавалерію. Распоряженія такого рода, ни мало не скрываемыя, тотчасъ обратили на себя вниманіе Санктпетербургскаго и Вѣнскаго Дворовъ: Императрица Екатерина съ удовольствіемъ увидала, что Король Прусскій готовъ доказать съ оружіемъ въ рукахъ дружественное расположеніе къ Россіи, и изъявила согласіе пожертвовать требованіями Своими на Молдавію и Валлахію, если состоится планъ предположеннаго раздѣла.

Король Прусскій тотчасъ сообщилъ Вѣнскому Двору это пріятное для него извѣстіе. »Въ первый еще разъ во все продолженіе войны Россіи съ Портою, говоритъ Король Прусскій, прояснилось лице Князя Кауница; волненіе умовъ утихло, и опасенія и ревность Австріи къ огромнымъ успѣхамъ Россіи исчезли, какъ скоро Вѣнскій Дворъ увѣрился, что Россія не будетъ сосѣдкою Австріи.« Въ это же время освобожденъ былъ и нашъ Резидентъ Обресковъ. Такимъ образомъ успокоивъ Вѣнскій Дворъ увѣреніемъ,

что Россія при заключеніи мира съ Портою откажется отъ завоеванныхъ ею провинцій, Король Прусскій дѣятельно занялся выполненіемъ своихъ предложеній на счетъ Польши. Сношенія Берлинскаго Двора съ Санктпетербургскимъ не прерывались, и наконецъ, послѣ продолжительныхъ совѣщаній 5 Февраля 1772 подписанъ былъ договоръ Россіи съ Пруссіею на счетъ раздѣла Польши. [83]

Пруссія на свою часть по заключенному трактату должна была получить всѣ тѣ земли, о которыхъ было говорено выше, кромѣ Данцига и Торуня. Россія назначила старое—воеводства Двинское, Полоцкое, Могилевское, Оршанское, Рогачевское Мстиславское и Витебское. Предположено было овладѣть этими землями въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1772 года и пригласить въ тоже время Императрицу-Королеву къ участію въ раздѣлѣ. Пруссія и Россія взаимно гарантировали свои новыя пріобрѣтенія и поставили себѣ въ обязанность склонить Варшавскій Сеймъ къ добровольной уступкѣ

требуемыхъ отъ Республики Польской владѣній. Секретною статьею этого договора Король Прусскій обѣщалъ ввести въ Польшу 20000 своей арміи для поддержанія находившихся тамъ Русскихъ войскъ, и сверхъ того объявить войну Австріи, если эта Держава подниметъ оружіе противъ Россіи. Обязательства Россіи по договору съ Королемъ Прусскимъ состояли въ томъ, что она отказалась отъ субсидій, платимыхъ Пруссіею въ продолженіе Турецкой войны, и обѣщала, въ случаѣ объявленія Австріею войны Пруссіи, прислать Королю на помощь 6000 человѣкъ пѣхоты и 4000 конницы, и удвоить это число, если война со стороны Австріи будетъ объявлена послѣ заключенія мира Россіи съ Портою.

По заключеніи этого трактата Король Прусскій обратилъ все свое вниманіе на соглашеніе Вѣнскаго Двора къ раздѣлу Польши. Въ это время, говоритъ Король Прусскій, мнѣнія при Вѣнскомъ Дворѣ раздѣлились на три стороны: Императоръ непремѣнно хо-

тѣлъ возвратить провинціи, отторгнутыя отъ Венгріи по Бѣлградскому миру, Императрица - Королева желала сохранить миръ, чего бы это ни стоило. Князь Кауницъ, желавшій согласовать выгоды Государства съ волею Императрицы-Королевы, находился такимъ образомъ въ необходимости или начать войну, или согласиться на раздѣлъ Польши, и въ послѣднемъ случаѣ опасался, чтобы не разрушился родственный союзъ Австрійскаго дома съ Бурбонскимъ, союзъ, на который Кауницъ смотрѣлъ какъ на изящное изъ всѣхъ своихъ произведеній. Извѣстія полученныя изъ Пруссіи на счетъ увеличенія конницы заставляли Вѣнскаго Министра предполагать, что Король Прусскій намѣренъ дѣйствовать рѣшительно. Фридрихъ, сообщая свой планъ раздѣла Польши Ван-Свитену уполномоченному Вѣнскаго Двора, сказалъ, что »онъ поздравляетъ Императрицу-Королеву съ тѣмъ, что судьба Европы находится въ ея рукахъ и что война и миръ зависятъ отъ ея воли, и съ тѣмъ вмѣстѣ увѣренъ, судя по доказанной благо-

намѣренности Королевы, что она предпочитетъ спокойствіе Европы общей войнѣ, которой послѣдствія никто не можетъ съ точностію ни предвидѣть, ни предсказать.« Эти слова, сообщенныя Ван-Свитеномъ Вѣнскому Двору, произвели ожиданное дѣйствіе: Князь Кауницъ убѣдился, что Австріи должно было отказаться отъ союза съ Портою и всѣхъ предположеній, основанныхъ на этомъ союзѣ. Онъ увидалъ также, что надобно было или согласиться на раздѣлъ Польши, или въ противномъ случаѣ объявить войну Россіи и Пруссіи; на что Австріи, не имѣвшей близкихъ союзниковъ, опасно было отважиться. Вслѣдствіе такихъ убѣжденій, Барону Ван-Свитену поручено было отъ Вѣнскаго Двора предложить проэктъ акта, которымъ обязывались всѣ три Державы соблюсти совершенное равенство участковъ при раздѣлѣ. Этотъ актъ, вполнѣ одобренный Пруссіею и Россіею, подписанъ былъ 4 Марта 1772 года.

Послѣ этого три договаривавшіяся стороны положили уравнять свои участ-

ки: планы земель, назначенныхъ для Пруссіи и Россіи, отосланы были въ Вѣну съ нимъ, чтобы Вѣнскій Дворъ, сообразуясь съ этими планами, назначилъ и для себя равный участокъ. Но, какъ видно, Вѣнскій Дворъ не намѣренъ былъ соблюсти въ точности актъ, только что имъ подписанный: Австрія назначила для себя земли, составлявшія почти треть всего Польскаго Королевства и вдвое превосходившія удѣлы Пруссіи и Россіи. Для Дворовъ Санктпетербурскаго и Берлинскаго такія требованія показались чрезмѣрными, и Графъ Панинъ замѣтилъ Князю Лобковичу, Австрійскому Министру при нашемъ Дворѣ, что для соблюденія равенства, хотя и приближенно, Вѣнскому Двору слѣдуетъ отказаться покрайней мѣрѣ отъ Лемберга и соляныхъ копей въ Величкѣ.

Однако Вѣнскій Дворъ ни мало не былъ расположенъ къ такой уступкѣ: желая непремѣнно получить Лембергъ и Величку, онъ изъявилъ согласіе отказаться лишь отъ воеводствъ Люблинскаго, Хельминскаго и Бѣльскаго.

»Такимъ образомъ, замѣчаетъ Фридрихъ Великій, надобно было или согласиться на требованія Вѣнскаго Двора, или потерявъ время въ безполезныхъ спорахъ, увидать планъ раздѣла несостоявшимся. Многіе Европейскіе Дворы вѣроятно воспользовались бы несогласіемъ дѣлившихся и всѣ труды были бы потеряны.« Увѣренный въ истинѣ приведеннаго нами мнѣнія, Король Прусскій убѣдилъ Императрицу Екатерину согласиться на требованія Австріи. Минуты были драгоцѣнны: не теряя времени, Министры трехъ договаривавшихся сторонъ подписали актъ раздѣла Польши въ Санктпетербургѣ 25 Іюля. Участки Пруссіи и Россіи состояли изъ земель, нами уже названныхъ; на часть Австріи достались провинціи, носящія теперь имя Галиціи. Всѣ три стороны гарантировали свои новыя владѣнія и положили убѣдить Республику Польскую добровольно уступить требуемыя у ней земли. Первыя числа Сентября назначены были для приведенія раздѣла къ окончанію; [84] до того же времени положенно было сообщить Ко-

ролю Польскому договоръ трехъ Державъ съ нимъ, чтобы онъ увѣдомилъ Республику о предстоящемъ раздѣлѣ, собралъ чрезвычайный сеймъ и поставилъ ему въ обязанность безпрекословною уступчивостію охранить благоденствіе Республики. На этомъ сеймѣ Россія, Австрія и Пруссія намѣрены были объявить права свои на требуемыя ими земли.

Чтобы по возможности сократить это повѣствованіе о раздѣлѣ Польши, мы скажемъ только, что Король Прусскій основывалъ права свои на требуемый имъ участокъ на томъ, что: Поморское Воеводство и часть Великой Польши на лѣвомъ берегу Нотецъ принадлежали прежде Помераніи и Бранденбургіи и были несправедливо отторгнуты Поляками; что городъ Элбингъ былъ нѣкогда заложенъ Польшею въ знатной суммѣ предкамъ Короля Прусскаго; что Воеводства Вармія, Маріенбургское и Хелминское должны быть отданы Пруссіи въ замѣнъ Данцига, который былъ столицею Поморскаго воеводства, и признанъ Польшею вольнымъ городомъ.

Многіе изъ Депутатовъ отказались было присутствовать на сеймъ, созванномъ Королемъ Станиславомъ по случаю декларацiи трехъ союзныхъ Державъ, введшихъ войска свои въ Польшу. Но въ началѣ 1773 года споры окончаны были къ удовольствiю союзниковъ: по манифесту, изданному Королемъ Станиславомъ 13 Января и подтвержденному сеймомъ, Польша уступила требуемыя у ней земли, три тысячи девять сотъ двадцать квадратныхъ миль. [85]

Такимъ образомъ совершенъ былъ первый раздѣлъ Польши. По словамъ Фридриха Великаго, раздѣлъ этотъ *основанный на равновѣсiи*, не произвелъ никакихъ особенныхъ явленiй въ системѣ Государствъ Европейскихъ.

КНИГА VII.

ЧУМА ВЪ РОССІИ.

КНИГА VII.

ГЛАВА XIX.

ПОЯВЛЕНІЕ И РАСПРОСТРАНЕНІЕ ЧУМЫ. ЧУМА ВЪ МОСКВѢ. ЕРОПКИНЪ.

Въ то время, когда оружіе Русское пожинало неувядаемые лавры на поляхъ Молдавіи и Валлахіи, когда блистательныя побѣды Рускихъ приводили въ уныніе Порту, изумляли свѣтъ и возбуждали безсильную зависть въ тайныхъ недоброжелателяхъ Мусульманъ, появилась чума, обычная въ той сторонѣ и невѣдомая

Рускимъ. Эшошъ бичь гнѣва Божія не коснулся нашихъ войскъ; покрайней мѣрѣ шакъ должно думашь, судя по официальнымъ извѣсшіямъ шого времени, подшвержденнымъ донесеніями Военачальниковъ, обнародованнымъ уже въ позднѣйшее время. Изъ обласшей Турецкихъ чума скоро перенеслась въ сосѣднія Польскія провинціи.

Грозящая Россіи опасносшь не укрылась ошъ взоровъ Монархини, неушомимо забошившейся о благоденсшвіи своего народа. Именнымъ указомъ, даннымъ въ 27 день Авгусша 1770 года Кіевскому Генералъ-Губернашору Воейкову, Императрица предписала »на проѣзжихъ изъ обѣихъ армій и по другимъ изъ Польши дорогамъ учредишь немедленно караншинные домы, на самомъ краю границы безъ большой огласки, дабы шѣмъ безвременно не возбудишь напраснаго въ публикѣ безпокойсшва,« эшо предваришельное распоряженіе досшашочно было на первой случай для охраненія Россіи ошъ зла, непроникшаго еще въ недра Имперіи; пошому чшо качесшва грозившей заразы были извѣсшны. По опышъ

доказалъ и доказываетъ какъ смотрятъ на мѣры карантинныя, это единственное средство спасенія отъ чумы, люди, выходящіе даже изъ круга невѣжественной черни. Въ то время, новость предмета, ложная увѣренность, что чума свойственна лишь климату жаркому, были причиною, что карантинныя предосторожности были наблюдаемы исполнительными властями не во всей неукоснительной строгости.[36] Чума проникла въ Россію. Это было обнародовано Высочайшимъ Манифестомъ въ 3 день Января, 1771 года.

Правительство тотчасъ приняло необходимыя мѣры для утушенія гибельнаго пожара: было строго подтверждено наблюдать карантинныя предосторожности для всѣхъ выѣзжавшихъ изъ Польши и тогдашнихъ губерній Кіевской, Малороссійской и Новороссійской, въ которыхъ показалась уже зараза; вывозъ въ Россію изъ Польши полотенъ, льна, нитокъ, хлопчатой бумаги и бумажныхъ издѣлій, шелку и шелковыхъ товаровъ, мѣховъ, пеньки, кожъ и шерсти былъ вовсе запрещенъ

»подъ опасеніемъ сожженія товаровъ въ наказаніе ослушникамъ;« учреждены карантинныя заставы въ Серпуховѣ, Коломнѣ, Каширѣ, Боровскѣ, Алексинѣ, Калугѣ. Маломъ Ярославцѣ, Можайскѣ, Крапивнѣ, Лихвинѣ, Дорогобужѣ и на Гжатской пристани. 9 Января издано было отъ Сената »наставленіе о предосторожностяхъ, которыя принимать должно въ такомъ мѣстѣ, гдѣ находится моровая язва.« Но не смотря на всѣ предосторожности, принятыя быть можетъ и во время, не смотря на суровость зимы 1771 года, чума, какъ бурный потокъ, разнеслась въ скоромъ времени по Югозападнымъ провинціямъ Россіи. Войска отвсюду отвлечены были въ Турцію и Польшу; не было средствъ оцѣплять зараженныя селенія. Только въ городахъ заколачивали домы, въ которыхъ появлялась чума; отдѣливъ здоровыхъ, оставляли тамъ больныхъ, подавали имъ »казенную« пищу въ окна, со всѣми ужасающими предосторожностями, и когда пищи подавать уже было не кому—разламывали сосѣднія строенія и зачумлеенные домы жгли со всею въ

нихъ утварью... Вопли, уныніе, ужасъ поселились въ мѣстахъ не задолго полныхъ жизни и дѣятельности.

Наконецъ, Московскій Главнокомандующій, Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ Петръ Семеновичь Салтыковъ донесъ Императрицѣ (21 Марта 1772), что зараза появилась и начинаетъ разпространяться въ Москвѣ. Въ старой столицѣ чума впервые показалась на большомъ суконномъ дворѣ, близъ Каменнаго Москворѣцкаго моста; и прежде нежели полиція успѣла принять нужныя мѣры для пресѣченія зла, фабричные разбѣжались и разнесли заразу по городу. Императрица тотчасъ по полученіи донесенія изъ Москвы повелѣла Графу Салтыкову принять нужныя мѣры предосторожности, и въ помощь заслуженному воину назначила Генералъ-Поручика, Сенатора Петра Дмитріевича Еропкина. [87]

Еропкинъ, которому Императрица подчинила всѣхъ наличныхъ въ Москвѣ Докторовъ и Лекарей, учредилъ нѣсколько карантиновъ (главный былъ въ Симоновомъ монастырѣ), предоставилъ нѣ-

скольким чиновникам попечительство надъ частями города. Дѣятельный, неутомимый Еропкинъ не щадилъ жизни, въ полномъ смыслѣ этого слова, при исполненіи возложенныхъ на него Императрицею обязанностей; не терялъ присутствія духа, какъ нѣжный, кроткій отецъ заботился о жителяхъ Московскихъ; чернь платила ему за это неблагодарностію, противилась мѣрамъ принимаемымъ для сохраненія здоровья и безопасности въ городѣ. Не смотря на то, что бдительная стража поспѣшно доносила Еропкину о скоропостижно умершихъ, и даже о тѣхъ, которые имѣли припадки, походившіе на признаки чумы; но выше силъ человѣческихъ было заставить непросвѣщеныхъ вѣрить благоразумію тѣхъ распоряженій, которыя Правительство по духу человѣколюбія и сострадапія предписывало какъ единственныя и вѣрныя средства противъ свирѣпствовавшаго зла. Народъ толковалъ *»что появившаяся болѣзнь не моровая зараза, а горячка съ пятнами, что лѣкаря напрасно морятъ людей въ карантинахъ.«*. Преди-

санныя Правительствомъ предосторожности казались Москвичамъ мѣлочами; а мѣры принимаемыя для уменьшенія и пресѣченія заразы — напраснымъ угнѣтеніемъ. Заразившихся таили, боясь чтобы въ карантинахъ не сдѣлались они неминуемою жертвою смерти—а смерть неминуемо поражала ихъ въ домахъ. Послѣ этого, изъ новой боязни, чтобы не пришли въ домъ умершаго *»окуривать и жечь напрасно вещи,«* будто бы только по неосновательному мнѣнію докторовъ могшія распространить заразу, и чтобы не обвинили хозяина дома въ утайкѣ заболѣвшаго чумою, тѣла умершихъ скрывали въ погребахъ, колодцахъ, зарывали въ садахъ или ночью выкидывали на улицы. [88] Попечительное Правительство употребляло и кроткія и строгія мѣры къ образумленію черни; а упрямая чернь тайно противилась благимъ мѣрамъ — и гибла сотнями.

Въ Іюлѣ и Августѣ мѣсяцѣ чума, почти прекратившаяся въ провинціяхъ, появилась въ Москвѣ со всѣми своими ужасами: въ иные дни умирало по тысячѣ человѣкъ.

Побѣдитель Фридриха, Фельдмаршалъ Салтыковъ оставилъ ввѣренную ему столицу и удалился въ свою деревню! [89] Одинъ Еропкинъ остался въ Москвѣ для надзора за порядкомъ и тишиною, и видя распространеніе заразы, убѣдился, что невозможно было управиться въ трудныхъ обстоятельствахъ тѣми средствами, которыя были въ его распоряженіи. Императрица повелѣла присоединить къ наличной Московской полицейской командѣ сто рядовыхъ Великолуцкаго полка съ шестью Офицерами и дозволила набрать »изъ вольныхъ людей въ Москвѣ живущихъ и шатающихся, охотниковъ для составленія полицейскаго баталіона« [90] съ жалованьемъ до полутора рубля въ мѣсяцъ и съ солдатскимъ провіантомъ. Однако охотниковъ къ Еропкину явилось не много, и къ концу Августа всѣхъ солдатъ въ его вѣденіи считалась только 436 человѣкъ! 19 Августа присутственныя мѣста были закрыты, лавки заперты, [91] работы прекратились; праздный и унылый народъ началъ роптать. По улицамъ ходили колодники, въ длинныхъ смоленыхъ рубахахъ

въ дегтярныхъ шапкахъ и рукавицахъ, крючьями вытаскивали изъ домовъ умершихъ отъ чумы, толпами отводили заразившихся въ карантинные домы; огромныя фуры тянулись за заставы съ тѣлами умершихъ, наваленными на возъ, коекакъ; гробовщики не успѣвали приготовлять гробовъ и для тѣхъ, которые заказывали ихъ за большую цѣну! По всѣмъ перекресткамъ, по всѣмъ площадямъ дымились кучи хвороста. Страхъ, уныніе, отчаяніе увеличивали ужасы свирѣпствовавшей заразы. Народъ началъ волноваться; мятежъ готовъ былъ вспыхнуть, недоставало только искры. Искра заронилась, и къ жертвамъ чумы присоединились еще жертвы буйнаго, остервенѣлаго невѣжества!

КНИГА VII.

ГЛАВА XX.

МЯТЕЖЪ ВЪ МОСКВѢ. УБІЕНІЕ АРХІЕПИСКОПА АМВРОСІЯ. ОРЛОВЪ. ПРЕКРАЩЕНІЕ ЗАРАЗЫ.

Въ началѣ Сентября 1771 года разнеслась въ Москвѣ молва, что какая-то женщина видѣла во снѣ икону Богоматери Боголюбскія, и что отслуживши Ей на другой день молебенъ, изцѣлилась отъ чумы. Всѣ разпространяли этотъ слухъ, хотя никто не видалъ и не зналъ исцѣлившейся женщины... Народъ толпами

хлынулъ къ Варварскимъ воротамъ; съ утра до поздней ночи тѣснился тамъ и старый и малый, и больный, и здоровый, и богатый и неимущій. Богатые шли туда съ деньгами, а бѣдные несли по силь-по-мочи, кто конецъ холста, кто ленть, кто тальку нитокъ, кто платокъ. Всѣ эти »добровольныя приношенія« благочестивыхъ молельщиковъ складывались въ палатку близь Воротъ и тутъ же продавались. Мѣсто освященное ликомъ Богоматери, корыстолюбіемъ превращено было въ мѣсто торжища!

Въ то время Московскою Епархіею управлялъ Архіепископъ Амвросій, твердый въ благочестіи Христіанскомъ, недреманный наблюдатель и исправитель своей паствы; ревностный исполнитель Высочайшихъ повелѣній; просвѣщенный покровитель наукъ и учащихся. Во время свирѣпствовавшей заразы онъ не оставилъ своей паствы, не удалился даже изъ столицы, оставленной и Градоначальникомъ; не страшился язвы, ежедневно пожиравшей несмытныя жертвы, но какъ усердный слуга Царскій

употреблялъ всѣ средства, отъ него зависѣвшія, къ содѣйствію благимъ мѣрамъ Правительства. Первый предложилъ запретить похороны на церковныхъ погостахъ внутри столицы; увѣщевалъ священниковъ отказываться отъ ходовъ съ иконами, опасныхъ и для служителей церкви и для богомольцевъ. Но попеченія, заботы и истинно Христіанская любовь Архипастыря возбуждали лишь негодованіе глупой черни и ропотъ духовенства. [91] Какъ скоро Амвросій узналъ о сходбищѣ близь Варварскихъ воротъ, въ тоже время принялъ рѣшительныя мѣры къ уничтоженію пагубнаго стеченія народа, велѣлъ запечатать кружки съ деньгами и полатку, въ которую складывалось все приносимое богомольцами. Намѣревался снять икону Богоматери, и за свое попеченіе о благѣ неразумныхъ, сдѣлался жертвой суевѣрнаго народа.

Въ то время (15 Сентября) какъ исполнялось приказаніе Архипастыря, въ толпѣ, собравшейся у Варварскихъ воротъ, былъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго

нолка отставной солдатъ Савелій Бяковъ. Ему показалось приказаніе Амвросія дѣломъ слишкомъ насильственнымъ, и онъ громко выразилъ свое неудовольствіе, сказавъ »что только безбожникъ можетъ рѣшиться на такое святотатство, отнять у Божіей Матери казну Ея; что Амвросій хочетъ отнять у бѣднаго народа послѣднее утѣшеніе въ напасти — молиться Богу; что вѣрно и онъ сговорился съ докторами морить народъ.« Глупая мысль была поддержана многими, и какой-то фабричный, Илья Афонасьевъ, прибавилъ, что »вольно православнымъ терпѣть неправду отъ начальниковъ; когда бы не было курева по улицамъ да больницъ, такъ давно бы моръ прошелъ.« Каждый убѣжденъ былъ въ велемудрой истинѣ, сказанной двумя невѣждами; но, потолковали, потолковали, да и хотѣли разойтись по домамъ. Между тѣмъ видно было, что народъ остервенѣлъ, скрежеталъ, считая себя безотвѣтной жертвой докторскихъ выдумокъ! Вдругъ, раздались звуки набата при церкви Всѣхъ Святыхъ, у Варварскихъ воротъ;

скоро послышался необычный звонъ и на другихъ сосѣднихъ колокольняхъ; чернь начала сбѣгаться, сама не зная за чѣмъ. Площадь и улицы близь Варварскихъ воротъ запрудились народомъ. Все взволновалось; раздался яростный вой—одинъ кричалъ: »въ Кремль, въ Кремль! спросимъ Амвросія, за чѣмъ онъ не велитъ молиться Божіей Матери?« другіе—»лекаря морятъ народъ, кидаютъ отраву въ колодцы; ихъ надо допросить, за чѣмъ морятъ людей?« Еропкинъ, врачи, Дворянство, карантинные домы, все подверглось опалѣ безумной черни. Бунтъ вспыхнулъ; толпы народа, скрежеща зубами, кинулись въ Кремль, ворвались въ Чудовъ монастырь, въ кельи Архіерейскія. Амвросія тамъ не было. Ярость злодѣевъ разразилась надъ утварьми Архипастыря: все—книги, рукописи, превосходная библіотека, подаренная Амвросію Императрицею Елизаветою Петровною, все было изорвано, изтоптано, развѣяно по воздуху! Между тѣмъ толпы бѣсновавшихся умножались: Кремль былъ въ ихъ рукахъ.

Еропкинъ наскоро собралъ свою

команду, всего сто тридцать человѣкъ; послалъ увѣдомить Салтыкова, взялъ нѣсколько пушекъ и пошелъ къ Кремлю, хотѣлъ образумить бунтовщиковъ увѣщаніями. Но потокъ самыхъ выразительнѣйшихъ ругательствъ и градъ камней и кольевъ, пущенныхъ въ Сенатора, были отвѣтомъ на слова его. Еропкинъ приказалъ выпалить изъ орудій, но бунтовщики лишь болѣе освирѣпѣли, замѣтивъ, что залпъ произведенъ былъ холостыми зарядами. Воздухъ опять огласился новыми ругательствами и проклятіями; опять посыпались каменья и колья; Еропкинъ былъ раненъ два раза; увидавъ, что умѣренными средствами нельзя унять разъяренныхъ бунтовщиковъ, приказалъ стрѣлять картечью. Съ перваго залпа всѣ подались назадъ, огласивъ воздухъ криками, вызывая другъ друга впередъ. Раздался другой, третій залпъ—и всѣ побѣжали, толкая, давя другъ друга... Часть мятежниковъ была взята солдатами; многіе разбѣжались.

Между тѣмъ, какъ все это происходило въ Кремлѣ, часть бунтовщиковъ,

ненашедшихъ въ Чудовъ монастырь обреченной на смерть жертвы, ринулись въ Донской монастырь. Ворота обители, крѣпко запертые, остановили на нѣсколько времени напоръ бунтовщиковъ. Пушечные выстрѣлы, раздававшіеся въ Кремлѣ, заставили ихъ разойтись. Но предаваясь буйству въ кабакахъ, они не выпускали изъ виду монастыря и на другой день возобновили приступъ, отбили запоры у воротъ, ворвались во внутренность монастырской ограды... Когда убійцы вламывались въ церковь, Амвросій предъ жертвенникомъ молился Богу; »Господи!« вѣщалъ онъ, воздѣвъ руки, проливая горячія слезы, »отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ! не введи ихъ въ напасть, но отврати стремленіе ихъ! и яко-же смертію Іоны укротилось волненіе моря, тако смертію моею да укротится нынѣ волненіе сего свирѣпѣющаго народа!« Два Архимандрита—Кіево-Никольскій Епифаній и Донской Варламъ—увлекли, почти насильно, Амвросія на хоры, позади иконостаса и тамъ скрыли. Но эта предосторожность дружбы

не спасла обреченнаго на мученическую смерть: какой-то мальчишка увидалъ край платья на хорахъ, показалъ его бунтовщикамъ. Амвросій былъ выведенъ за монастырскую ограду, съ твердостію отвѣчалъ мятежникамъ на всѣ сдѣланные ему вопросы; увѣщевалъ ихъ безропотно повиноваться Властямъ, дѣйствующимъ безкорыстно, изъ единаго человѣколюбія, съ терпѣніемъ сносить гнѣвъ Божій и уповать на Его милосердіе; говорилъ столь краснорѣчиво, столь убѣдительно, что злѣйшіе изъ убійцъ были тронуты до глубины сердца, готовы были оставить свое ужасное кровавое намѣреніе. Въ это время прибѣжали пьяные дворовый человѣкъ Г. Раевскаго, Василій Андреевъ, и какой-то купецъ Иванъ Дмитріевъ, и видя нерѣшимость убійцъ, кинулись на Архипастыря »чего глядите вы, вскричалъ Андреевъ, развѣ не знаете, что онъ колдунъ и васъ морочитъ;«— и ударилъ Амвросія коломъ въ високъ. Изверги, забывъ свое раскаяніе, довершили начатое. Ни санъ Архіерейскій, ни сѣдины, ни добродѣтельная жизнь страдальца не могли

удержать убійцъ отъ кровопролитія. Четверть часа терзали они невинную жертву своей ярости. [92]

Мятежники, выгнанные Еропкинымъ изъ Кремля, думали было на другой день возобновить свои неистовства. Ночью, на 16 число, подъ окнами многихъ домовъ слышался тихій стукъ и слова »завтра, чѣмъ свѣтъ, идите въ Кремль, а не то худо будетъ.« Мятежники намѣревались зажечь Москву и въ общей смутѣ, освободить своихъ товарищей, убить Еропкина, врачей, Дворянъ, разрушить все, что было устроено для прекращенія заразы. Но неутомимый Еропкинъ предупредилъ всѣ умыслы злодѣевъ: разставленные пикеты (ночью, на 16 Сентября) въ разныхъ мѣстахъ Кремля и Китая-города забирали всѣхъ, кто только казался подозрительнымъ. На другой день, 16 Сентября, Еропкинъ, не смотря на свои раны, объѣхалъ по улицамъ весь городъ съ отрядомъ Гусаръ, и не успѣвши отвратить убійства Амвросія, переловилъ по крайней мѣрѣ, почти всѣхъ бунтовщиковъ, открывшихъ пребываніе и имена остальныхъ своихъ

товарищей. Тогда только вступилъ въ столицу Великолуцкій полкъ, расположенный въ окрестностяхъ города, и пріѣхалъ изъ своей подмосковной Графъ Петръ Семеновичь Салтыковъ. Получивъ донесеніе о случившемся событіи, Императрица повелѣла составить особую Слѣдственную Коммиссію изъ особъ первыхъ пяти классовъ, для суда надъ бунтовщиками и отправила въ Москву Своего Генералъ-Адъютанта, Графа Григорія Григорьевича Орлова. [93] Съ быстротою молніи перенесся Орловъ въ древнюю столицу, привелъ въ порядокъ дѣла и неусыпно трудился о благѣ общемъ. Мѣры, принятыя Орловымъ, для прекращенія заразы были увѣнчаны желаемымъ успѣхомъ.

Между тѣмъ Слѣдственная Коммиссія составила приговоръ надъ бунтовщиками: убійцы Амвросія, подавшіе собою »ужаснѣйшій примѣръ звѣрства« Московскій купецъ Иванъ Дмитріевъ и дворовый человѣкъ Василій Андреевъ были повѣшены близь Донскаго монастыря. Главные зачинщики бунта, человѣкъ шестьдесятъ, приговорены были тоже къ висѣ-

лицъ: но казнь совершилась только надъ двумя изъ нихъ, по жеребью; прочіе, вмѣсто висѣлицы, наказаны были кнутомъ и сосланы въ каторжную работу. Остальные мятежники, увлеченные примѣромъ другихъ и менѣе виновные, были наказаны снисходительнѣе. И зачинщики бунта и всѣ участвовавшіе въ смятеніи принадлежали къ самому низшему классу людей. Одинъ отставной Прапорщикъ, нѣсколько человѣкъ духовнаго званія и купцовъ составляли, такъ сказать »высшій кругъ« всей возмутившейся сволочи.

Велики были подвиги Еропкина, жертвовавшаго собою для блага общаго; но зависть покушалась представить ихъ въ иномъ видѣ: Еропкинъ принужденъ былъ просить Государыню (22 Октября) объ увольненіи въ отставку, »по причинѣ совершенно разстроеннаго здоровья.« Екатерина, великая во всѣхъ дѣяніяхъ своихъ, 5 Ноября изъявила согласіе на просьбу заслуженнаго Сановника; но къ нему самому препроводила Указъ объ отставкѣ и выдачѣ при увольненіи *за истинное усердіе и неутомимые труды* двадцати

тысячь рублей. Сверхъ этого, собственноручнымъ Рескриптомъ Императрица предоставила Еропкину воспользоваться отставкою, »*когда заблагоразсудитъ*, прибавивъ, *что всегда будетъ для службы рано*« и препроводила къ нему знаки Ордена Св. Апостола Андрея »*за патріотическую ревность и мужественный духъ, съ которыми онъ столь храбро и благоразумно защитилъ древнюю столицу отъ возмущенія.*« Въ засвидътельствованіе своей благодарности Еропкинъ остался на службѣ, не взирая на разстройство своего здоровья, и Екатерина, всегда великодушная, повелѣла выдать ему назначенную при отставкѣ сумму![94]

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ смертность отъ заразы уменьшилась. Черный народъ, какъ упрямое дитя, которое не обжегшись не вѣритъ, что огонь можетъ обжечь, убѣдился наконецъ, что заразы не было въ воздухѣ, но что она сообщалась именно прикосновеніемъ, оставилъ свое упорство, началъ внимать гласу Правительства и соблюдать всѣ его предписанія.

Тѣ, которые прежде таили больныхъ, сами начали отвозить зачумѣвшихъ въ карантинные домы; и уже не полиція доносила Коммиссіи, учрежденной по случаю заразы, о умершихъ внезапно или имѣвшихъ на себѣ признаки чумы, но всякой, кто только узнавалъ объ опасности. Мало по малу уныніе, страхъ и ужасъ миновались. Со дня на день жертвы чумы уменьшались. 1 Декабря открыты были всѣ Присутственныя Мѣста; лавки съ шерстяными, шелковыми, нитяными и хлопчато-бумажными товарами, запечатанныя при появленіи чумы, были отданы, по соблюденіи надлежащихъ предосторожностей, въ распоряженіе хозяевъ. Карантинные домы опустѣли, и впредь до Указа, оставленъ былъ одинъ только, въ Симоновомъ монастырѣ. Въ Январѣ мѣсяцѣ 1772 года объявлено было Высочайшимъ Манифестомъ о прекращеніи въ Москвѣ заразы, и во всѣхъ Соборахъ и Церквахъ принесено благодарственное молебствіе Всевышнему за избавленіе древней столицы отъ постигшей напасти.

Москва обязана полною, неограниченною благодарностію Графу Григорію Григорьевичу Орлову за свое избавленіе отъ заразы. Этотъ просвѣщенный, сострадательный, человѣколюбивый Вельможа вполнѣ умѣлъ оправдать выборъ Екатерины Великой, и съ отличнымъ искуствомъ, ревностію и самопожертвованіемъ исполнилъ Высочайшую волю Монархини. Прибывъ въ Москву, Орловъ увидалъ, что ему приходится имѣть дѣло лишь съ чернымъ народомъ: людей, хоть нѣсколько просвѣщеныхъ, не нужно было принуждать къ тѣмъ предосторожностямъ, которыя необходимы для отвращенія заразы; и умѣлъ поставить себя въ уровень съ понятіями черни. Прежде всего онъ велѣлъ составить описаніе признаковъ чумы [95] и средствъ, могущихъ отвратить заразу, и не приказывалъ, а убѣждалъ народъ воспользоваться предписаніями врачей, указывалъ на семейства, соблюдавшія всѣ предосторожности, и оттого пощаженныя чумою. Твердилъ безпрестанно простому народу, что чума сообщается прикосновеніемъ къ ве-

щамъ зараженнымъ. Бѣднымъ выдавалъ новое платье вмѣсто того, которое необходимо было сжечь. И кротостію, нелицемѣрнымъ попеченіемъ о благѣ Москвы, возбудилъ къ себѣ любовь жителей и пріобрѣлъ ихъ полную довѣренность. Императрица, признательная къ заслугамъ Графа Орлова повелѣла соорудить тріумфальныя ворота въ Царскомъ селѣ съ надписью »Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва,« и сверхъ того увѣковѣчила память его подвиговъ медалью, на которой, съ одной стороны изображенъ портретъ избавителя Москвы отъ заразы, а на другой представленъ Курцій, бросающійся въ пропасть. Внизу изображенія героя, жертвующаго собою пользѣ общественной, надпись »и Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ.«

КНИГА VIII.

ПУГАЧЕВСКІЙ БУНТЪ.

КНИГА VIII.

ГЛАВА XXI.

СМУТЫ ЯИЦКИХЪ КАЗАКОВЪ. ПОЯВЛЕНІЕ ПУГАЧЕВА. ОНЪ ОВЛАДѢВАЕТЪ ИЛЕЦКИМЪ И САКМАРСКИМЪ ГОРОДКАМИ И КРѢПОСТЯМИ: РАЗСЫПНОЮ, НИЖНЕОЗЕРНОЮ, ТАТИЩЕВОЮ, ЧЕРНОРѢЧЕНСКОЮ И ПРЕЧИСТЕНСКОЮ.

Еще до вступленія на Престолъ Императрицы Екатерины возникли неудовольствія между казаками, которые обитали по берегамъ рѣки, носившей тогда названіе Яика. Казаки жаловались на притѣсненія со стороны Воинской канцеляріи, учрежденной у нихъ Правительствомъ: на удержаніе опредѣленнаго жалованья, самовольные

налоги и нарушеніе старинныхъ обычаевъ рыбной ловли. Чиновники, посылаемые къ казакамъ для разсмотрѣнія ихъ жалобъ, не могли или не хотѣли ихъ удовлетворить. Казаки возмутились. Надобно было прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ. Въ Яицкомъ городкѣ учреждена была Слѣдственная Комиссія: возмутившіеся казаки присуждены были къ различнымъ наказаніямъ. Не оправдались и члены Воинской канцеляріи: ихъ приговорили уплатить войску, сверхъ удержанныхъ денегъ, значительную пеню. Однако приговоры исполнены были лишь надъ одними казаками; члены же Воинской канцеляріи успѣли какъ-то избѣгнуть отъ уплаты денегъ.

Нарушеніе правосудія усилило неудовольствія казаковъ; имъ осталась одна только надежда — довести справедливыя свои жалобы до свѣденія Самой Императрицы. Нѣсколько казаковъ тайно отправились въ Петербургъ; но прежде нежели успѣли они повергнуть къ стопамъ правосудной и милостивой Монархини свое прошеніе, Вице-Президентъ Воен-

ной Коллегіи Графъ Захаръ Григорьевичь Чернышевъ узналъ о присланныхъ съ Яика людяхъ, велѣлъ схватить ихъ, заключить въ оковы и наказать какъ бунтовщиковъ. Между тѣмъ велѣно было нарядить нѣсколько сотъ казаковъ на службу въ Кизляръ; кромѣ того казаки узнали, что Правительство намѣрено составить изъ нихъ нѣсколько гусарскихъ эскадроновъ, и что уже приказано имъ брить бороды. Генералъ-Маіоръ Траубенбергъ, присланный въ Яицкъ для исполненія повелѣній Правительства, навлекъ на себя народное негодованіе, и наконецъ въ 1771 году вспыхнулъ мятежъ во всей силѣ... [97]

13 Января, казаки собрались на площади, взяли изъ церкви иконы и пошли подъ предводительствомъ казака Кирпичникова въ домъ Гвардіи Капитана Дурнова: они требовали выдачи задержаннаго жалованья и отрѣшенія Членовъ Канцеляріи. Траубенбергъ пошелъ на встрѣчу казакамъ съ войскомъ и пушками, приказывая разойтись: но бунтовщики бросились на пушки, овладѣли ими. Траубенбергъ былъ убитъ: обнаженное тѣло

его было брошено на улицѣ; носъ, ротъ, уши наполнены табакомъ, изъ табакерки убитаго. Члены Канцеляріи посажены подъ стражу; учреждено новое начальство. Мятежники торжествовали; они отправили отъ себя выборныхъ въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы объяснить причину самоуправства и оправдать кровавое событіе. Казаки считали себя правыми, не отказывались нести службу, но желали единственно расправы и суда по своимъ стариннымъ обычаямъ. [98] Мятежники успокоились и думали, что справедливое наказаніе минуетъ ихъ.

Однако Оренбургскій Губернаторъ донесъ Военной Коллегіи о казацкомъ мятежѣ. Генералъ-Маіоръ Фрейманъ съ пятитысячнымъ войскомъ отправленъ былъ на Яикъ. 2 Іюня, въ семидесяти верстахъ отъ города оба войска сошлись. 3 и 4 Іюня произошли жаркія сраженія. Фрейманъ картечью открылъ себѣ дорогу и успѣлъ покорить возмутившихся. Вскорѣ необходимо строгія мѣры возстановили прежній порядокъ. Казацкое правленіе было уничтожено. Начальство по-

ручено Коменданту, присланному въ Яицкъ. Однако спокойствіе было ненадежно: пламя таилось подъ пепломъ и каждую минуту могло вспыхнуть...

1772 годъ прошелъ спокойно; въ исходѣ 1773 года разнеслись въ Яицкомъ войскѣ странные слухи: казакъ Иванъ Зарубинъ пріѣхалъ на хуторъ (въ началѣ Сентября) къ товарищу своему Михайлѣ Кожевникову и объявилъ ему за тайну, что въ краю ихъ находится великая особа, убѣждалъ Кожевникова скрыть ее на своёмъ хуторѣ. Кожевниковъ согласился. Зарубинъ уѣхалъ и возвратился на разсвѣтѣ другаго дня съ Тимофеемъ Мясниковымъ и какимъ-то неизвѣстнымъ. Этотъ незнакомецъ былъ средняго роста, широкоплечь и худощавъ, черная борода его начинала сѣдѣть; верблюжій армякъ и голубая калмыцкая шапка составляли его одежду. Онъ былъ вооруженъ винтовкой. Зарубинъ съ Мясниковымъ поѣхали въ Яицкъ »для повѣстки народу,« а незнакомецъ оставшись у Кожевникова, объявилъ ему, »что онъ Императоръ Петръ III, что слухи о смерти его были ложны,

что онъ при помощи караульнаго Офицера ушелъ въ Кіевъ, потомъ былъ въ Царьградѣ и тайно находился въ Русскомъ войскѣ во время тогдашней Турецкой войны; что въ 1772 году явился онъ на Дону, былъ схваченъ въ Царицынѣ, вскорѣ освобожденъ вѣрными казаками и отправился въ Яицкъ; тамъ опять былъ пойманъ и отвезенъ въ Казань, гдѣ часовой, подкупленный за семь сотъ рублей однимъ купцомъ, освободилъ его снова; что послѣ подъѣзжалъ онъ къ Яицку, но узнавъ, что тамъ строго осматриваютъ паспорты, воротился на Сызранскую дорогу и тамъ, на Таловицкомъ уметѣ, открылся Зарубину и Мясникову.« Послѣ этого Самозванецъ объяснилъ Кожевникову свои предположенія, и пробывъ у него три дня на хуторѣ, уѣхалъ съ Зарубинымъ и Мясниковымъ на Усихину Розсашь.

Между тѣмъ изъ Военной Коллегіи получено было въ разныхъ мѣстахъ Оренбургской и Казанской Губерній предписаніе о сыскѣ и поимкѣ колодника Емельяна Иванова, по прозванію Пугачева, бѣжавшаго изъ Казани и присужденнаго къ на-

казнію плетьми и ссылкѣ въ Сибирь на каторгу »за подговоръ въ 1772 году многихъ Яицкихъ казаковъ къ побѣгу въ Турцію.« [99] Это предписаніе получено было и въ Яицкѣ; Комендантъ Подполковникъ Симоновъ узналъ, что бѣглеца видѣли на хуторахъ около ввѣреннаго его начальству города. Нѣсколько казаковъ были взяты по подозрѣнію въ пристанодержательствѣ. Въ числѣ ихъ былъ и Кожевниковъ, вынужденный пыткою признаться въ томъ, что у него точно скрывался какой-то незнакомецъ и говорилъ ему слова приведенныя нами выше. Сообразивъ обстоятельства этаго показанія, начальство убѣдилось, что у Кожевникова былъ никто другой, какъ бѣглый Казанскій колодникъ. Дѣло приняло особенно важный видъ; взяты были строжайшія мѣры къ поимкѣ бѣглеца.

Однако взятіе подъ стражу Кожевникова и другихъ казаковъ, замѣшанныхъ въ его показаніи, заставило мятежниковъ дѣйствовать рѣшительнѣе. 18 Сентября, въ числѣ трехъ сотъ, подъ предводительствомъ самозванца, явились они подъ

Яицкимъ городкомъ и остановились въ трехъ верстахъ отъ города, за рѣкой Чаганомъ. Въ городѣ жители пришли въ смятеніе и, недавно усмиренные, начали перебѣгать на сторону новыхъ возмутителей. Комендантъ немедленно выслалъ противъ мятежниковъ Преміеръ-Маіора Наумова, давъ ему двѣсти пять егерей и мушкетеровъ, шестьдесятъ драгунъ, сорокъ Оренбургскихъ казаковъ и три пушки. Наумовъ легко могъ бы уничтожить нестройную толпу почти безоружныхъ злодѣевъ. Однимъ ударомъ могъ бы онъ пресѣчь зло, отъ котораго потомъ цѣлый годъ страдала значительная часть Россіи. Но важность минуты оцѣнивается почти всегда суммою послѣдствій.

Вмѣсто того, чтобы идти на встрѣчу бунтовщикамъ со всѣмъ ввѣреннымъ ему отрядомъ, Наумовъ остановился подъ рѣкою Чаганомъ и поручилъ Капитану Крылову перейти рѣку съ драгунами, тридцатью Оренбургскими и нѣсколькими сотнями Яицкихъ казаковъ, въ то время присоединившихся къ войску

и явно ненадежныхъ. Едва Крыловъ переправился съ отрядомъ чрезъ рѣку, какъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу казакъ, держа надъ головою письмо отъ самозванца. Казаки потребовали, чтобы письмо было прочтено; Крыловъ не хотѣлъ этого; произошелъ шумъ, и почти всѣ казаки перебѣжали къ самозванцу. Крыловъ поспѣшилъ перейти назадъ за рѣку и возвратился съ Наумовымъ въ городъ. Первый успѣхъ увеличилъ дерзость самозванца. На другой день онъ опять подступилъ къ городу; однако на этотъ разъ, при видѣ выходящаго противъ него войска, началъ отступать, разсыпавъ по степи свою шайку. Симоновъ не преслѣдовалъ его, (вѣроятно опасаясь вторичной измѣны казаковъ и не смѣя отдалить пѣхоту отъ города, котораго жители готовы были взбунтоваться) — а донесъ обо всемъ Оренбургскому Губернатору, Генералъ-Поручику Рейнсдорпу, требуя отъ него войска для преслѣдованія Пугачева.

Между тѣмъ бунтовщики подошли къ Илецкому городку, находящемуся въ полу-

тороста верстахъ отъ Яицка. Тамошній Атаманъ, вѣрный своему долгу, думалъ сопротивляться: но казаки связали его, встрѣтили Пугачева съ хлѣбомъ-солью и колокольнымъ звономъ. Самозванецъ повѣсивъ Атамана, взявъ съ собою Илецкихъ казаковъ (300 челов.) и городскія пушки, пошелъ на крѣпость Разсыпную. 24 Сентября взята была и эта крѣпость; казаки тоже измѣнили. Комендантъ Маіоръ Веловскій, нѣсколько Офицеровъ и Священникъ были повѣшены. Гарнизонная рота и полтораста казаковъ присоединились къ мятежникамъ. [100]

Изъ Разсыпной Пугачевъ пошелъ на Нижнеозерную, на дорогѣ встрѣтилъ Капитана Сурина, съ ротою мушкетеръ, высланнаго было изъ Нижнеозерной на помощь Веловскому, повѣсилъ его, а роту присоединилъ къ своей толпѣ. 26 числа Сентября Пугачевъ явился предъ крѣпостью Нижнеозерной и, вспомоществуемый тамошними казаками, взялъ ее. 27 числа Самозванецъ занялъ крѣпость Татищеву, 29, Чернорѣченскую, пошелъ къ Сакмарскому городку, овладѣлъ имъ 1

Октября, а на другой день приближился къ крѣпости Пречистенской. Офицеры и гарнизонъ вышли на встрѣчу мятежникамъ. Самозванецъ причислилъ ихъ къ своему войску и въ первый разъ оказалъ позорную милость Офицерамъ.[101] 3 Октября мятежники потянулись къ Оренбургу. Такъ быстро дѣйствовалъ самозванецъ: въ двѣ недѣли онъ взялъ или получилъ измѣною семь крѣпостей и овладѣлъ слишкомъ двадцатью пушками. Войско его умножалось ежечасно: у него было уже до трехъ тысячь пѣхоты и конницы.

Оренбургскій Губернаторъ Рейнсдорпъ получилъ донесеніе Симонова не прежде, какъ чрезъ недѣлю, потому что прямое сообщеніе съ Оренбургомъ было уже пресѣчено. Рейнсдорпъ поспѣшилъ принять мѣры къ прекращенію возникшаго зла: онъ предписалъ Бригадиру Барону Билову выступить изъ Оренбурга съ четырьмя стами пѣхоты и конницы, съ шестью орудіями и идти къ Яицку, забирая по дорогѣ людей съ форпостовъ и изъ крѣпостей; Бригадиру Барону

Корфу велѣлъ какъ можно скорѣе идти изъ Верхнеозерной дистанціи къ Оренбургу. Подполковнику Симонову, Коменданту Яицка, предписалъ отрядить Маіора Наумова съ полевой командой и съ казаками для соединенія съ Биловымъ. Ставропольской канцеляріи предписано было выслать къ Симонову пять сотъ вооруженныхъ Калмыковъ, а ближайшимъ Башкирцамъ и Татарамъ, въ числѣ тысячи человѣкъ, отправиться на встрѣчу Наумову. Но ни одно изъ этихъ распоряженій не было исполнено. Биловъ занялъ Татищеву и двинулся было на Озерную, но услыхавъ пушечные выстрѣлы, [102] отступилъ, полагая, что крѣпость уже взята самозванцемъ. Рейнсдорпъ вторично приказалъ ему спѣшить на пораженіе бунтовщиковъ: Биловъ не послушался. Корфъ отговаривался отъ похода подъ различными предлогами. Вмѣсто пяти сотъ, Калмыковъ не собралось и трехъ сотъ, да и тѣ разбѣжались на пути къ своему назначенію. Башкирцы и Татары оказались ослушниками. Маіоръ же Наумовъ и Войсковой

Старшина Бородинъ хотя и выступили изъ Яицка, но шли издали за самозванцемъ и прибыли въ Оренбургъ степною дорогою, не видавъ непріятеля. [103]

Такимъ образомъ дѣла въ Оренбургскомъ краю становились часъ отъ часу хуже; опасались общаго возмущенія Яицкихъ казаковъ; Башкирцы, обольщенные подарками и обѣщаніями самозванца, начали нападать на Русскія селенія и толпами присоединяться къ бунтовщикамъ. Служивые Калмыки бѣжали съ форпостовъ. Мордва, Чуваши, Черемисы перестали повиноваться Русскому Начальству. Господскіе крестьяне явно оказывали свою готовность передаться самозванцу. Тогдашнія обстоятельства благопріятствовали безпорядкамъ: войска были отвлечены въ Турцію, Польшу, къ Шведскимъ границамъ; въ 1771 году свирѣпствовала въ Россіи чума, и благоразумно строгія мѣры, принятыя Правительствомъ для пресѣченія заразы, казались простому народу чѣмъ-то похожимъ на притѣсненія. Молва представляла событія въ преувеличенномъ видѣ, и ужасъ, производимый злодѣйствами бунтовщиковъ, достигъ даже до Москвы.

Когда мятежники завладѣли уже почти всѣми мѣстами отъ Яицка вверхъ по рѣкѣ Яику до крѣпости Верхнеозерной и подступили уже къ Оренбургу, когда опасное волненіе распространилось уже и въ сосѣдственныхъ съ Оренбургскою Губерніяхъ, тогда только Рейнсдорпъ, а за нимъ и Губернаторы Казанскій и Астраханскій извѣстили Государственную Военную Коллегію о бунтѣ Яицкихъ казаковъ, представивъ его во всей истинѣ. Императрица съ безпокойствомъ обратила вниманіе на возникающее бѣдствіе: повелѣвъ нѣсколькимъ ротамъ и экскадронамъ изъ Москвы, Петербурга, Новгорода и Бахмута, какъ наивозможно скорѣе отправиться въ Казань, Государыня поручила надъ ними начальство Генералъ-Маіору Кару, присоединивъ къ нему Генералъ-Маіора Фреймана, усмирявшаго Яицкое войско въ 1772 году. Каръ получилъ собственноручный Указъ Императрицы о своемъ назначеніи 14 Октября 1773 года, и наскоро отправился изъ Петербурга къ ввѣренной ему командѣ.

КНИГА VIII.

ГЛАВА XXII.

ОСАДА ОРЕНБУРГА. ОТСТАВКА ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА КАРА. ВЗЯТІЕ ИЛЬИНСКОЙ КРѢПОСТИ. УСПѢХИ МЯТЕЖНИКОВЪ. ГЕНЕРАЛЪ-АНШЕФЪ БИБИКОВЪ.

Нѣсколько дней появленіе Пугачева было тайною для Оренбургскихъ жителей; но молва о взятіи крѣпостей вскорѣ разошлась по городу и выступленіе войскъ подъ начальствомъ Билова подтвердило слухи. Въ Оренбургѣ оказалось волненіе... Въ селеніяхъ около города начали показываться возмутители. Рейнс-

доръ, испуганный быстрыми дѣйствіями самозванца, собралъ совѣтъ изъ главныхъ Оренбургскихъ чиновниковъ и съ общаго согласія распорядился на счетъ безопасности города: приказано было Оберъ-Коменданту Валленштерну исправить городскія укрѣпленія и привести въ оборонительное состояніе; гарнизонамъ малыхъ крѣпостей, не взятыхъ еще Пугачевымъ, велѣно было собраться въ Оренбургъ; у Польскихъ Конфедератовъ, содержавшихся въ городѣ, отобрано оружіе и всѣ они отправлены въ Троицкую крѣпость; артиллерія отдана въ распоряженіе Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Старову-Милюкову, и проч. Въ Оренбургѣ находилось до трехъ тысячь войска и до семидесяти орудій. Только между военными начальниками не было ни одного знавшаго свое дѣло: [104] дѣйствуя слишкомъ осторожно, они дали время Пугачеву усилиться, лишили себя средствъ къ наступательнымъ движеніямъ, и Оренбургъ принужденъ былъ выдержать шестимѣсячную, бѣдственную осаду. Распоряженія даже самаго Губер-

натора, казалось, обращались во вредъ. Первою мѣрою, не оказавшею никакой пользы и даже послужившею, такъ сказать, въ пользу самозванцу, было объявленіе о Пугачевѣ, обнародованное 30 Сентября 1773 года, написанное безъ надлежащей точности и осмотрительности. Въ этомъ объявленіи сказанно было, »что о злодѣйствующемъ съ Яицкой стороны въ здѣшнихъ обывателяхъ, по легкомыслію нѣкоторыхъ разгласителей, носится слухъ, яко бы онъ другаго состоянія, нежели какъ есть: но онъ злодѣйствующій въ самомъ дѣлѣ бѣглый Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, который за его злодѣйство наказанъ кнутомъ съ поставленіемъ на лицѣ его знаковъ; но что бы онъ въ томъ познанъ не былъ, для того предъ предводительствуемыми имъ никогда шапки не снимаетъ.« И, хотя въ подтвержденіе этихъ строкъ и было прибавлено »что солдатъ Демидъ Куликовъ точно о томъ засвидѣтельствовать можетъ.« Но показаніе это было не совсѣмъ справедливо; покрайней мѣрѣ у Пугачева на лицѣ не было знаковъ торго-

вой казни. Мятежники, которымъ досталось въ руки это объявленіе, торжествовали, укоряя Губернатора въ клеветѣ. [105]

Другимъ ошибочнымъ поступкомъ Рейнсдорпа было слишкомъ необдуманное средство переслать въ мятежническую шайку увѣщательные Манифесты: тогда въ Оренбургскомъ острогѣ содержался злодѣй, двадцать лѣтъ управлявшій разбойничьей шайкой, три раза сосланный въ Сибирь и всякій разъ умѣвшій уходить оттуда, Афанасій Хлопуша. Рейнсдорпъ вздумалъ употребить смышленаго каторжника въ дѣло: освободилъ его, далъ нѣсколько экземпляровъ печатныхъ Манифестовъ, обѣщалъ прощеніе и сто рублей въ награду за усердное выполненіе порученія. Хлопуша поклялся не только тайно раздать Манифесты въ толпѣ мятежниковъ, но даже привести въ Оренбургъ и самаго самозванца, связаннаго, посредствомъ плѣнныхъ солдатъ. Рейнсдорпъ повѣрилъ всему этому, а Хлопуша отправился прямо къ Пугачеву и вручилъ ему всѣ Губернаторскія бумаги.

Самозванецъ »за вѣрность,« наименовалъ его Полковникомъ и поручилъ грабежъ и возмущеніе заводовъ. Канторжникъ оправдалъ выборъ злодѣя: зная подробно всѣ мѣста Оренбургской Губерніи, онъ взбунтовалъ Башкирцевъ, разорилъ Илецкую крѣпость, множество заводовъ, присоединилъ болѣе тридцати тысячь подъ знамена Пугачева, доставлялъ ему пушки, ядра, мортиры, бомбы и порохъ. По обратимся къ повѣствованію о дѣйствіяхъ самозванца.

5 Октября онъ расположился со всѣми своими силами лагеремъ, на казачьихъ лугахъ, въ пяти верстахъ отъ Оренбурга. Поутру, часу въ одиннадцатомъ, подъ пушечными выстрѣлами, мятежники поставили одну баттарею въ Георгіевской казачьей слободѣ, въ предмѣстіи города, на церковной паперти, а другую въ загородномъ губернаторскомъ домѣ. Пушечные выстрѣлы съ городской стѣны принудили мятежниковъ удалиться; однако ночью вокругъ всего города запылали скирды сѣна, котораго не успѣли пере-

везти въ городъ. На другой день утромъ противъ зажигателей выступилъ Маіоръ Наумовъ съ 1500 чел. конницы и пѣхоты; но послѣ двухъ-часовой перестрѣлки »якобы увидя въ подчиненныхъ своихъ робость и страхъ, принужденъ былъ ретироваться въ городъ,« безъ всякаго урона. [106]

Рейнсдорпъ собралъ опять совѣтъ изъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и требовалъ отъ нихъ писменнаго мнѣнія—выступить ли еще противъ злодѣя или дожидаться подъ защитой городскихъ укрѣпленій прибытія новыхъ войскъ. Одинъ только Старовъ-Милюковъ, которому поручена была артиллерія, объявилъ — идти противъ бунтовщиковъ. Прочіе боялись новою неудачею привести жителей въ уныніе и только думали защищаться, на что согласился и Губернаторъ. Однако въ скоромъ времени признана была необходимость производить, по крайней мѣрѣ, вылазки изъ города. Не проходило дня безъ перестрѣлокъ, и хотя не было большаго вреда осажденнымъ, однако не много терпѣли

урона и мятежники, толпами разъѣжавшіе около городскаго вала. Пугачевъ нѣсколько разъ подступалъ къ Оренбургу со всѣми силами. Но онъ не имѣлъ намѣренія взять его приступомъ; »не стану тратить людей, а выморю городъ моромъ,« говорилъ онъ Сакмарскимъ казакамъ. 18 Октября Пугачевъ зажегши свой лагерь, со всѣми тяжестями пошелъ обратно отъ Яика къ Сакмарѣ и расположился подъ Бердскою слободою, въ семи верстахъ отъ Оренбурга. Однако разъѣзды его не переставали тревожить городъ и держали гарнизонъ во всегдашнемъ опасеніи. 2 Ноября Пугачевъ со всѣми силами опять подступилъ къ Оренбургу и поставивъ около всего города батареи, открылъ ужасный огонь, продолжавшійся съ утра до самой ночи; изъ города отвѣчали тѣмъ же. Къ вечеру на другой день Пугачевъ отступилъ, претерпѣвъ незначительный уронъ и не сдѣлавъ вреда осажденнымъ.

Разъѣзды, нападенія и перестрѣлки не прекращались; силы мятежниковъ увеличивались ежедневно: ихъ было болѣе двад-

цати пяти тысячь. Главное войско составляли Яицкіе Казаки и захваченные по крѣпостямъ солдаты; но около ихъ скоплялось множество Татаръ, Башкирцевъ, Калмыковъ, бунтующихъ крестьянъ, бѣглыхъ каторжниковъ и проч. Все, чѣмъ только можно убить человѣка, составляло вооруженіе этой сволочи. Въ числѣ главныхъ мятежниковъ отличались Зарубинъ или Чика, Перфильевъ, Овчинниковъ, Шигаевъ, Лысовъ и Чумаковъ, предводительствовавшіе войсками Пугачева. Отставной артиллерійскій Капралъ Бѣлобородовъ и казацкій Сотникъ Падуровъ завѣдывали письменными дѣлами безграмотнаго самозванца; Хлопуша былъ лучшимъ его собесѣдникомъ и любимцемъ. [107]

Въ исходѣ Октября Каръ прибылъ на границу Оренбургской Губерніи и предписалъ Симбирскому Коменданту Полковнику Чернышеву, шедшему было на помощь къ Оренбургу, занять какъ можно скорѣе Татищеву. Генералъ Фрейманъ тотчасъ по своемъ прибытіи долженъ былъ идти на помощь Чернышеву. Меж-

ду тѣмъ самъ Каръ, не дождавшись ни артиллеріи, ни ста семидесяти гренадеръ, высланныхъ къ нему изъ Симбирска, ни Башкирцевъ и Мещеряковъ, собранныхъ въ Уфѣ, пошелъ къ Оренбургу. На дорогѣ узналъ онъ, что Хлопуша, выливъ пушки на Овзяно-Петровскомъ заводѣ и возмутивъ окрестныхъ Башкирцевъ, возвращается для соединенія съ Пугачевымъ. Каръ поспѣшилъ пресѣчь ему дорогу и 7 Ноября послалъ Секундъ-Маіора Шишкина съ отрядомъ изъ 400 чел. и двумя пушками, въ деревню Юзееву, а самъ съ Генералъ-Маіоромъ Фрейманомъ приготовился подкрѣпить передовой отрядъ, въ случаѣ нужды. Шишкинъ разсѣялъ 600 мятежниковъ и занялъ Юзееву, куда ночью прибыли и Каръ съ Фрейманомъ. На другой день утромъ явились опять мятежники, ихъ разогнали было; но въ тоже время Каръ услышалъ у себя въ тылу четыре пушечныхъ выстрѣла. Полагая себя отрѣзаннымъ отъ Казани, онъ началъ поспѣшно отступать; въ это время болѣе двухъ тысячь мятежниковъ подъ предводительствомъ

самаго Пугачева наскакали со всѣхъ сторонъ и открыли пальбу изъ девяти орудій. Каръ, бросл свой обозъ, принужденъ былъ отступать цѣлыя семнадцать верстъ, подъ огнемъ мятежниковъ. [108] Конница его была утомлена и малочисленна; солдаты по большой части престарѣлые и рекруты, громко роптали и каждую минуту готовы были сдаться.

Каръ, прибывшій на Оренбургскую границу въ полной увѣренности уничтожить мятежниковъ, боявшійся одного только, чтобы »разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились бы въ бѣгъ, не допустя до себя оныхъ,« вдругъ потерялъ всю самонадѣянность, не зналъ что предпринять и въ донесеніи Военной Коллегіи о своемъ уронѣ, писалъ, что »для пораженія Пугачева нужны не слабые отряды, а цѣлые полки, надежная конница и сильная артиллерія.«

Каръ, послѣ отступленія послалъ было къ Чернышеву предписаніе не выходить изъ Переволоцкой крѣпости къ Татищевой; но укрѣпясь по мѣрѣ возможности, ожидать дальнѣйшихъ распоряженій.

Однако посланный не заспалъ уже отряда въ Переволоцкой, и, возвращаясь назадъ, узналъ на дорогѣ, что Чернышевъ выступя оттуда 11 Ноября, попалъ въ руки мятежниковъ, потерялъ всю свою команду и былъ повѣшенъ Пугачевымъ, Получивъ это горестное извѣстіе, Каръ совершенно упалъ духомъ, самовольно, подъ предлогомъ болѣзни, отказался отъ начальства, сдалъ свою команду Фрейману и уѣхалъ въ Москву. Императрица повелѣла исключить его изъ службы. [109]

Разбитіе Кара, погибель Чернышева и неудачныя вылазки изъ Оренбурга увеличивали въ мятежникахъ дерзость и самонадѣянность: они кинулись во всѣ стороны, разоряя селенія, города и возмущая народъ. Одинъ отрядъ Пугачева взбунтовалъ и ограбилъ всю Нагайбацкую область, другой, предводимый Чикою, осадилъ въ концѣ Ноября Уфу. Хлопуша взялъ крѣпость Ильинскую. Пугачевъ почти нигдѣ не находилъ сильнаго сопротивленія.

Между тѣмъ Оренбургъ находился въ ужасномъ положеніи. Оказался недоста-

токъ въ съѣстныхъ припасахъ. У жителей обобрали муку и крупу и начали производить ежедневную раздачу. Стали даже жарить бычачьи и лошадиныя кожи и мѣлко изрубивъ ихъ, мѣшать въ хлѣбы. Голодъ произвелъ болѣзни. Жители роптали и готовы были взволноваться. [110] Рейнсдорпъ, отрѣзанный отвсюду, кромѣ Сибири и Киргиз-Кайсацкихъ степей, тщетно ожидалъ подкрѣпленія. Вылазки изъ города неудавались; плѣнныхъ мятежниковъ не было; для поимки языка Губернаторъ высылалъ иногда по тысячѣ человѣкъ и то не рѣдко безъ успѣха. Наконецъ видя, что ничто не удается, Рейнсдорпъ рѣшился на военную хитрость: велѣлъ разставить вокругъ городскаго вала капканы, и какъ волковъ, ловить мятежниковъ. Но и это неудалось, возбудивъ лишь язвительныя насмѣшки въ бунтовщикахъ. [111]

13 Января 1774 года, Рейнсдорпъ рѣшился еще разъ попробовать счастья; всѣ войска, находившіяся въ Оренбургѣ, выступили рано поутру изъ города тремя колоннами, подъ предводительствомъ

Валленштерна, Корфа и Наумова. По темнотѣ зимняго утра и изнуреніе лошадей препятствовали дружному дѣйствію колоннъ, которыя мгновенно были окружены мятежниками, поставлены между двухъ огней. Все войско бѣжало въ безпорядкѣ до самаго Оренбурга, потерявъ до четырехъ сотъ убитыми и лишившись пятнадцати орудій, отбитыхъ толпами Пугачева. Послѣ этаго Рейнсдорпъ отказался отъ наступательныхъ дѣйствій и подъ защитою стѣнъ и пушекъ рѣшился ожидать своего освобожденія.

Мятежъ быстро распространялся въ Заволжскомъ краю. Отряды Пугачева опустошали всѣ мѣста отъ Уфы до Яицка и отъ границъ Казанской Губерніи до самой Сибири. Императрица видѣла необходимость взять сильныя мѣры противъ возрастающаго зла, искала надежнаго военачальника; выборъ палъ на Генералъ-Аншефа Александра Ильича Бибикова. 29 Ноября состоялось назначеніе и 9 Декабря Бибиковъ отправился изъ Петербурга. [112]

КНИГА VIII.

ГЛАВА XXIII.

РАСПОРЯЖЕНІЯ БИБИКОВА. КНЯЗЬ ГОЛИЦЫНЪ. МИХЕЛЬСОНЪ. ПОВЕРХНОСТЬ НАДЪ БУНТОВЩИКАМИ.

Бибиковъ прибылъ въ Казань въ день Рождества Христова: въ городѣ не нашелъ онъ ни Губернатора, ни главныхъ Чиновниковъ. Большая часть дворянъ и купцовъ перебралась въ губерніи еще безопасныя. Пріѣздъ Александра Ильича ободрилъ малодушныхъ. Въ день Новаго года, послѣ молебствія, Бибиковъ собралъ

къ себѣ дворянъ, произнесъ сильную, убѣдительную рѣчь, въ которой изобразивъ настоящее бѣдствіе и попеченія Государыни о пресѣченіи зла, предложилъ Дворянству, что оно по долгу чести и присяги должно всѣми мѣрами содѣйствовать Правительству въ утушеніи крамолы. Рѣчь эта произвела глубокое впечатлѣніе: члены собранія единогласно изъявили готовность составить и вооружить конное войско, поставя съ двухъ сотъ душъ по одному рекруту. Дворянство Симбирское, Свіяжское и Пензенское послѣдовало примѣру Казанскаго. Даже Магистратъ Казанскій изъявилъ желаніе сформировать на своемъ иждивеніи эскадронъ Гусаръ. Бибиковъ ободрялъ, утѣшалъ унывшихъ, казался веселымъ и между тѣмъ самъ терзался безпокойствомъ, видя затруднительность своего положенія: »навѣдавшись о всѣхъ обстоятельствахъ,« писалъ онъ къ своимъ родственникамъ въ Петербургъ, »дѣла здѣсь нашелъ прескверны, такъ что и описать буде бъ хотѣлъ не могу.«

Въ самомъ дѣлѣ обстоятельства были ужасны: общее возмущеніе Башкирцевъ, Калмыковъ и другихъ народовъ, разсѣянныхъ по тамошнему краю, отвсюду пресѣкало сообщеніе. Селенія были пусты, главные города въ осадѣ или заняты мятежниками; чернь вездѣ волновалась и злодѣйствовала. Киргизъ-Кайсаки, пользуясь общимъ смятеніемъ, начали переходить чрезъ открытую границу, отгонять скотъ, захватывать жителей. Закубанскіе Татары начали волноваться, возбуждаемые Турціею.

Между тѣмъ войска, посланные противъ бунтовщиковъ со всѣхъ концевъ Россіи, мало по малу начали собираться къ цѣли своего назначенія. Бибиковъ устремилъ часть ихъ къ Оренбургу; Генералъ-Маіору Князю Голицыну поручилъ охранять Московскую сторону, дѣйствуя отъ Казани до Оренбурга; Генералъ-Маіоръ Мансуровъ получилъ начальство надъ правымъ крыломъ, для прикрытія Самарской линіи; Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ съ Казанскимъ легіономъ посланъ былъ къ Уфѣ и Екатеринбургу.

Генералъ-Поручикъ Де-Калонгъ охранялъ Сибирь. Гвардіи Поручикъ Державинъ [113] назначенъ былъ для прикрытія Пензы и Саратова. Такимъ образомъ мятежники были окружены почти со всѣхъ сторонъ. Успѣхъ оправдалъ всѣ эти распоряженія.

Пугачевъ зналъ о приближеніи войскъ; но судя по прежнимъ примѣрамъ объ оплошности начальниковъ и надѣясь на измѣну солдатъ, мало о томъ заботился. »Сами попадутся намъ въ руки« говорилъ онъ своимъ подчиненнымъ, когда они настойчиво звали его на встрѣчу приближавшимся отрядамъ, и отправился изъ подъ Оренбурга къ Яицку. Однако распоряженія Бибикова грозили карою самозванцу. Еще до прибытія на границу Оренбургской губерніи войскъ, ввѣренныхъ Бибикову, Маіоръ Муфель съ полевою командою приблизился 29 Декабря къ Самарѣ, занятой бунтовщиками, выгналъ ихъ оттуда, овладѣлъ шестью пушками и двумя стами плѣнныхъ. Полковникъ Бибиковъ, отряженный изъ Казани въ подкрѣпленіе Генералъ-Маіору Фрейману, стоявшему безъ всякаго дѣй-

ствія въ Бугульмъ, пошелъ на Заинскъ, отнялъ его у бунтовщиковъ, привелъ въ повиновеніе двадцать пять деревень. Державинъ, начальствовавшій тремя фузелерными ротами, усмирилъ раскольничьи селенія на берегахъ Иргиза и орды племенъ, кочующихъ между Яикомъ и Волгою.

Генералъ-Маіоры Ларіоновъ, [114] начальникъ Казанскаго легіона, отряженный подъ Уфу, и Фрейманъ не оправдали общей довъренности. По распоряженію Александра Ильича Бибикова начальство надъ войсками перваго Генерала получилъ Подполковникъ Михельсонъ, а другаго— Князь Петръ Михайловичь Голицынъ. Михельсонъ принявъ начальство 18 Марта двинулся къ Уфъ; противъ него Чика выслалъ двъ тысячи человъкъ съ четырьмя пушками. Михельсонъ оставя ихъ у себя въ тылу, въ деревнъ Жуковой, пошелъ на Чесноковку и 26 Марта у деревни Зубовки встрътилъ десять тысячь мятежниковъ. Завязался отчаянный бой: бунтовщики дрались съ остервененіемъ, но не могли устоять противу незна-

чительнаго числа воиновъ, предводимыхъ искуснымъ и храбрымъ начальникомъ. Три тысячи мятежниковъ и двадцать пять пушекъ достались побѣдителю. Уфа была освобождена. Михельсонъ, не останавливаясь, пошелъ на Табинскъ, куда послѣ разбитія убѣжали Ульяновъ и Чика. Тамъ они были схвачены Казаками и выданы побѣдителю, который сковавъ ихъ, отослалъ въ Уфу. Пугачевъ, потерявшій Чику, потерялъ въ немъ правую свою руку. Новые успѣхи засвидѣтельствовали вскорѣ объ усердіи и ревности къ службѣ Михельсона.

Въ тоже время Голицынъ двинулся къ Оренбургу, соединился съ Мансуровымъ и подъ Татищевой встрѣтился съ мятежниками. Крѣпость, взятая въ прошедшемъ году бунтовщиками, была уже ими исправлена. Сгорѣвшія деревянныя укрѣпленія замѣнены были снѣговыми. Въ крѣпости находился самъ Пугачевъ съ главнѣйшими своими силами. Голицынъ раздѣлилъ войска свои на двѣ колонны, сталъ приближаться, открылъ огонь, на который сильно отвѣчали изъ крѣпости,

и послѣ трехъ часовой пальбы убѣдился, что невозможно было одолѣть мятежниковъ одними пушками. Генералъ Фрейманъ получилъ приказаніе идти съ лѣвою колонною на приступъ. Пугачевъ выставилъ было противъ него семь пушекъ; но онѣ были взяты. Солдаты Фреймана бросились на ледяной валъ; тутъ произошло ужасное кровопролитіе.

Мятежники должны были уступить силѣ оружія, управляемаго искуснымъ начальникомъ, кинулись во всѣ стороны. Конница, не бывшая дотолѣ въ дѣлѣ, пустилась по всѣмъ дорогамъ за бѣгущими. Побѣда была рѣшительная. Тридцать шесть пушекъ и болѣе трехъ тысячь плѣнныхъ достались побѣдителю, лишившемуся до четырехъ сотъ убитыми. Мятежниковъ убито было въ одной крѣпости до тысячи трехъ сотъ человѣкъ; на пространствѣ двадцати верстъ вокругъ Татищевой лежали тѣла ихъ. Пугачевъ спасся только съ шестидесятью казаками, пробившись сквозь войска Фреймана; самъ-пятъ прискакалъ въ Берд-

скую слободу (въ семи верстахъ отъ Оренбурга) съ извѣстіемъ о своемъ пораженіи. Бунтовщики испугались; начали удаляться отъ осажденнаго ими города. Все пришло въ смятеніе. Пугачевъ, взявъ изъ подъ Оренбурга десять пушекъ и заграбленную добычу, бѣжалъ изъ Бердской слободы съ двумя тысячами; Хлопуша заѣхалъ было по дорогѣ въ Каргале, чтобы спасти жену и сына; но Татары схватили его и привезли въ Оренбургъ.

Оренбургъ былъ освобожденъ; бѣдственная осада миновалась; настало изобиліе. Жители благословляли своего избавителя, Князя Голицына, прибывшаго въ городъ на другой день праздника Благовѣщенія.[115] Между тѣмъ Пугачевъ, полагая что Голицынъ пойдетъ къ Яицку, опять воротился къ Бердской слободѣ, думая врасплохъ овладѣть Оренбургомъ. Голицынъ предупредилъ самозванца и встрѣтилъ его въ Каргалѣ. Пугачевъ увидя свою ошибку началъ отступать, устремясь къ рѣкѣ Сакмарѣ, завязалась опять перестрѣлка и Пугачевъ опять былъ

разбитъ, потерялъ последнія свои пушки, четыреста убитыми и три тысячи пять сотъ взятыми въ пленъ. Въ числе пленныхъ находилось много предводителей-разбойниковъ: Шигаевъ, Почиталинъ, Падуровъ и другіе. Пугачевъ ускакалъ только съ четырьмя заводскими мужиками на Уральскіе заводы. После этой решительной победы Голицынъ возвратился въ Оренбургъ, отрядивъ Фреймана для усмиренія Башкиріи, Полковника Аршеневскаго для очищенія Ново-Московской дороги, и Мансурова на освобожденіе Яицка.

Илецкій городокъ и крепости Озерная и Разсыпная, были уже оставлены мятежниками. 6 и 7 Апреля Мансуровъ занялъ эти места (въ Илецкомъ городке нашелъ онъ четырнадцать пушекъ) и пошелъ къ Яицку. Крепость въ этомъ городе съ самаго начала 1774 года находилась въ осаде, столь же бедственной и ужасной для гарнизона, какъ и Оренбургская.[116] Съестные припасы въ крепости истощились; голодъ явился со всеми

ужасами: лошадинаго мяса, раздававшагося на вѣсъ, уже не было; стали употреблять въ пищу кошекъ и собакъ. Скоро и этотъ запасъ истощился; надобно было изобрѣтать новые способы къ пропитанію. Нашли родъ глины, отмѣнно мягкой и безъ примѣси песку. Стали варить изъ глины кисель и употреблять въ пищу. Солдаты совсемъ обезсилили; многіе не могли ходить. Ожидаемой помощи не приходило; пятнадцатый день осажденные питались глиною, однако никто не хотѣлъ умереть съ голоду. Рѣшились всѣ до одного идти на послѣднюю вылазку. Не надѣялись побѣдить, хотѣли только умереть славною смертію. Но обстоятельства перемѣнились въ пользу осажденныхъ, и самымъ нечаяннымъ образомъ.

Во Вторникъ на Страстной недѣлѣ, въ день назначенный къ вылазкѣ, часовые, поставленные на кровлѣ Соборной церкви, примѣтили, что бунтовщики въ смятеніи бѣгали по городу, толпами выѣзжали въ степь. Вдругъ въ пятомъ часу по-

полудни жители Яицка собрались на главной площади и кучею пошли къ крѣпости: гарнизонъ приготовился ихъ отразить, но увидалъ, что они ведутъ связанныхъ предводителей мятежа, атамановъ Каргина и Толмачева. Бунтовщики шли съ повинною; Симоновъ принялъ ихъ, не вѣря столь внезапному избавленію. Причиною столь неожиданной перемѣны было взятіе Оренбурга и приближеніе Мансурова. Полчища Пугачева дали знать отряду, стоявшему подъ Яицкомъ, о своемъ пораженіи. Бунтовщики разбѣжались и жители города, возмущенные ими, видя себя оставленными, схватили главныхъ зачинщиковъ бунта въ городѣ и предались въ руки Комменданта. 17 Апрѣля прибылъ Мансуровъ и принялъ начальство надъ городомъ.

Таковъ былъ успѣхъ распоряженій искуснаго Военачальника. Императрица по полученіи радостныхъ извѣстій изъ Оренбургскаго края, произвела Александра Ильича въ Подполковники Гвардіи, пожаловала въ званіе Сенатора и послала ему Орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Но

награды эти не застали въ живыхъ Бибикова. 9 Апрѣля 1774 года смерть прекратила для Россіи жизнь его. [117] Молва приписала кончину Александра Ильича дѣйствію яда, даннаго будто бы ему однимъ Конфедератомъ. Бибиковъ, умирая сдалъ начальство Генералъ-Поручику Щербатову, старшему по немъ.

КНИГА VIII.

ГЛАВА XXIV.

ПУГАЧЕВЪ ОПЯТЬ ПОЯВЛЯЕТСЯ. МИХЕЛЬСОНЪ. ВЗЯТІЕ ОСЫ. ПРИСТУПЪ И СОЖЖЕНІЕ КАЗАНИ. ГРАФЪ П. И. ПАНИНЪ.

Пугачевъ,—котораго считали уже совершенно разбитымъ, о которомъ думали, что онъ, боясь заслуженнаго наказанія, скрылся навсегда въ степяхъ—явился опять на Авзяно Петровскихъ заводахъ. Овчинниковъ и Перфильевъ успѣли собрать нѣсколько разбѣжавшихся бунтовщиковъ, присоединить новыхъ и Пуга-

чевъ, съ горстью людей, началъ быстро переходить съ одного мѣста на другое. Чернь по прежнему стала сходиться къ нему; Башкирцы, усмиренные было, опять взволновались и сильнѣе прежняго. Фрейманъ, Михельсонъ, Де-Калонгъ, Маіоры Гагринъ и Жолобовъ преслѣдовали самозванца и не могли его настигнуть. Пугачевъ, неувѣренный еще въ новыхъ силахъ своихъ, не хотѣлъ отважиться на сраженіе съ регулярными войсками; но какъ губительный ураганъ, переносился съ мѣста на мѣсто, обманывалъ преслѣдователей, разорялъ селенія, набиралъ новую сволочь, и съ нею, какъ въ началѣ своего грознаго появленія, сталъ переходить отъ крѣпости къ крѣпости, вверхъ по Оренбургской линіи. Вся Башкирія возстала и бѣдствіе разгорѣлось съ вящшею силою.

Фрейманъ долженъ былъ преслѣдовать Пугачева: Михельсонъ усиливался пресѣчь ему дорогу. Но разпутица спасала самозванца: дороги были непроходимы отъ грязи, рѣки разливались на версты, ручьи становились широкими рѣками. Фрей-

манъ принужденъ былъ остановиться въ Стерлитамацкѣ; но Михельсонъ успѣлъ переправиться чрезъ Вятку еще по льду, а чрезъ Уфу на лодкахъ и продолжалъ путь, не смотря ни на какія препятствія. 5 Маія у Симскаго завода Михельсонъ настигъ толпу Башкирцевъ, прогналъ ихъ, освободилъ заводъ и на пути къ Уйскому заводу встрѣтилъ опять толпу бунтовщиковъ, въ числѣ двухъ тысячь, съ восьмью пушками; опять разбилъ ихъ, отнялъ пушки и узналъ, что Пугачевъ находится уже на Бѣлорѣцкихъ заводахъ. Михельсонъ кинулся было туда, на дорогѣ разбилъ еще толпу мятежниковъ и получилъ извѣстіе, что самозванецъ сжегъ уже Бѣлорѣцкіе заводы и подступилъ къ крѣпости Магнитной. Михельсонъ рѣшился углубиться въ Уральскія горы.

Де-Калонгъ двинулся между тѣмъ къ Верхо-Яицкой крѣпости и услыхавъ о взятіи Магнитной, поворотилъ вправо къ Кизильской. Но пройдя пятнадцать верстъ узналъ отъ пойманнаго Башкирца, что Пугачевъ отъ Кизильской крѣпости

пошелъ на Карагайскую. Де-Калонгъ воротился назадъ—и вмѣсто Карагайской крѣпости нашелъ однѣ дымившіяся развалины. Онъ надѣялся настигнуть самозванца въ Петро-Заводской — но и тутъ нашелъ одно пожарище: Пугачевъ ушелъ. Де-Калонгъ думалъ нагнать бунтовщика въ Степной, но и эта крѣпость была взята; пошелъ къ Троицкой усиленнымъ маршемъ и 21 Маія, утромъ увидѣлъ полчища бунтовщиковъ, расположившіяся лагеремъ подъ крѣпостью Троицкою, взятою ими наканунѣ. Завязалось сраженіе, продолжавшееся болѣе четырехъ часовъ. У Пугачева было болѣе десяти тысячь народа и до тридцати пушекъ. Послѣ упорной защиты мятежники разстроились, показали тылъ. Пугачевъ съ одною пушкою побѣжалъ по Челябинской дорогѣ. Утомленнымъ войскамъ Де-Калонга невозможно было преслѣдовать бѣглецовъ; но крѣпость была спасена отъ пожара и грабежа.

Михельсонъ шелъ Уральскими горами по малоизвѣстнымъ дорогамъ. Отрядъ его, нуждавшійся въ продовольствіи—де-

ревни были пусты и припасовъ взять было негдѣ — находился въ ежечасной опасности: шайки бунтовщиковъ кружились около него, какъ коршуны надъ добычею. Михельсонъ услыхавъ о приближеніи Пугачева къ Троицкой, пошелъ туда, узналъ о побѣдѣ Де-Колонга и поворотилъ на Варламово, надѣясь пресѣчь дорогу бунтовщикамъ—и 22 Мая встрѣтилъ ихъ передовые отряды. »Трудно было повѣрить,« писалъ Михельсонъ въ своемъ донесеніи о встрѣчѣ съ Пугачевымъ »чтобы это былъ остатокъ сволочи, разбитой наканунѣ.« Такъ скоро умѣлъ самозванецъ пополнять и поправлять свои толпы! Пугачевъ двинулся было на Михельсона и вдругъ поворотилъ на Чербакульскую крѣпость. Михельсонъ перебѣжалъ черезъ лѣсъ, бывшій у него въ тылу и — перерѣзалъ дорогу мятежникамъ. Пугачевъ принужденъ былъ сразиться съ тѣмъ, кто впослѣдствіи нанесъ ему много гибельныхъ ударовъ и положилъ конецъ кровавому его поприщу. Самозванецъ потерялъ послѣднюю свою пушку, оставшуюся у него послѣ

разбитія подъ Троицкой, лишился до шести сотъ убитыхъ и болѣе пяти сотъ взятыхъ въ плѣнъ и рѣшился искать спасенія въ бѣгствѣ. Михельсонъ ночевалъ на полѣ сраженія, и на другой день пошелъ по слѣдамъ бунтовщиковъ, не давалъ имъ покоя, и самъ не зналъ усталости.

Но, между тѣмъ какъ Михельсонъ бросаясь во всѣ стороны, вездѣ поражалъ мятежниковъ, прочіе начальники оставались неподвижны. Де-Калонгъ отозвавшій къ себѣ Жолобова и Гагрина, какъ будто изъ зависти не хотѣлъ содѣйствовать Михельсону. Фрейманъ стоялъ въ Кизильской крѣпости. Генералъ-Маіоръ Станиславскій узнавъ, что Пугачевъ близь Верхояицкой крѣпости собралъ значительную толпу, отказался отъ службы и скрылся въ Орскую крѣпость. Полковники Якубовичь и Обернибѣсовъ и Маіоръ Дуве находились около Уфы и спокойно смотрѣли, какъ вокругъ ихъ бунтовали и грабили Башкирцы, переходили съ мѣста на мѣсто, избѣгая опасности. Войска Голицына, по распо-

ряженію Бибикова преемника, оставались безъ всякой пользы около Оренбурга и Яицка, въ то время какъ край, снова пожираемый пламенемъ бунта, оставался беззащитенъ. Такимъ образомъ преслѣдованіе Пугачева предоставлено было одному неутомимому и неустрашимому Михельсону. Но при всѣхъ своихъ успѣхахъ этотъ Генералъ увидѣлъ необходимость прекратить на время преслѣдованіе злодѣя. У него истощились всѣ запасы; осталось только по два заряда на человѣка. Михельсонъ пошелъ на Уфу, чтобы тамъ запастись всѣмъ нужнымъ. Въ тоже время Пугачевъ сталъ подвигаться къ Казани. . .

18 Іюня толпы бунтовщиковъ, предводимыя своимъ атаманомъ, показались предъ Осою. Казанскій Губернаторъ Брантъ немедленно послалъ туда Маіора Скрипицына съ гарнизоннымъ отрядомъ и съ вооруженными крестьянами, а самъ писалъ Князю Щербатову, требуя отъ него помощи. Щербатовъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій. Скрипицынъ выступилъ противъ Пугачева—и въ самомъ

началъ сраженія потерявъ три пушки — поспѣшилъ въ крѣпость. Мятежники вошли въ пригородъ Осу, выжгли его; но отъ крѣпости были отражены. На другой день Пугачевъ рѣшился сжечь деревянныя стѣны крѣпости. Скрипицынъ, уже колебавшійся, сдался, принялъ самозванца на колѣнахъ, съ иконами и хлѣбомъ-солью; и думая со временемъ оправдаться, написалъ письмо къ Бранту, заставилъ Капитана Смирнова и Подпоручика Минеева подписаться. Минеевъ измѣнилъ и донесъ Пугачеву на своего начальника. Письмо было схвачено, Скрипицынъ и Смирновъ повѣшены, а доносчикъ сдѣлался любимцемъ Пугачева и былъ имъ произведенъ въ Полковники. Гнусный измѣнникъ побратался съ разбойникомъ, сдѣлался его наушникомъ, вызвался вести на Казань и ручался головою за успѣхъ. Пугачевъ его послушался и 11 Іюля на разсвѣтѣ привелъ свои полчища на Арское поле, устроилъ баттареи и готовился на приступъ.

Въ Казани было только полторы тысячи войска и до шести тысячь вооружен-

ныхъ жителей. Губернаторъ Брантъ, Коммендантъ Баннеръ и Генералъ Маіоръ Павелъ Сергѣевичь Потемкинъ приготовились къ оборонѣ. Генералъ-Маіоръ Ларіоновъ, бывшій начальникъ Казанскаго легіона, наскоро уѣхалъ съ своимъ семействомъ въ Нижній Новгородъ. [118] 12 Іюля, на зарѣ, Пугачевъ отрядилъ измѣнника Минеева съ толпою заводскихъ крестьянъ къ предмѣстію Казани со стороны Арскаго поля, влѣво. Это опасное мѣсто защищали гимназисты. Съ другой стороны лѣвое крыло Пугачева бросилось къ Суконной слободѣ, защищаемой суконщиками. Но ни гимназисты, ни суконщики не устояли противъ бунтовщиковъ: слобода, по приказанію Пугачева были зажжена, караулы и рогатки сбиты и разбойники ворвались въ городъ. Жители и городское войско, увидя пламя убѣжали въ крѣпость. Сволочь Пугачева кинулась грабить домы, лавки, церкви; между тѣмъ Пугачевъ, поставя батареи въ трактирѣ Гостиннаго двора, и Минеевъ втащивъ пушку на врата Казанскаго монастыря, начали стрѣлять въ крѣ-

пость, но неудачно. Пугачевъ велѣлъ зажечь еще нѣсколько домовъ.... Огненное море тотчасъ разлилось по всему городу. Искры и головни летѣли въ крѣпость, зажгли нѣсколько кровель; онѣ были скоро потушены; но въ то же время съ ужаснымъ трескомъ обрушилась часть крѣпостной стѣны, подавила нѣсколько человѣкъ. Жители думали, что настала послѣдняя ихъ минута, что злодѣй ворвался въ крѣпость, съ воплемъ прощались съ своими ближними. Но Пугачевъ отложилъ приступъ къ крѣпости до окончанія пожара.

Преосвященный Веніаминъ [119] во время приступа находился въ крѣпости въ Благовѣщенскомъ Соборѣ и молился со всѣмъ духовенствомъ о спасеніи осажденныхъ. Едва умолкла пальба, онъ поднялъ чудотворныя иконы, и не смотря на зной пожара, на падающія бревна, соборне обошелъ снутри крѣпость, при молебномъ пѣніи, окропилъ всѣхъ Св. водою. Ввечеру пожаръ утихъ... дымились лишь обгорѣлыя бревна — остатки Казани.

Жители провели ночь безъ сна, въ отчаяніи отъ увѣренности въ своей неминуемой погибели. На другой день, едва начало свѣтать, многіе взобрались на крѣпостныя стѣны, чтобы вовремя приготовиться къ отпору новаго приступа—и вмѣсто Пугачевскихъ полчищь увидали гусаръ, скакавшихъ къ городу. Это былъ отрядъ Михельсона, посланный отъ него къ Губернатору.

Михельсонъ оставя въ Уфѣ больныхъ и раненыхъ, присоединилъ къ своему отряду роту Маіора Дуве и 21 Іюня разбилъ три тысячи мятежниковъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бирска. 27 Іюня онъ разсѣялъ еще толпу Татаръ и Башкирцевъ и узналъ отъ нихъ о взятіи Осы и движенія мятежниковъ къ Камѣ. 11 Іюля, вечеромъ, Михельсонъ былъ уже въ пятнадцати верстахъ отъ Казани. На другой день поутру онъ услышалъ пушечные выстрѣлы, пошелъ къ Казани; густой, багровый дымъ возвѣстилъ ему еще издали объ участи города Михельсонъ встрѣтилъ толпу мятежниковъ, взялъ четыреста изъ нихъ

въ плѣнъ; остальные разбѣжались и извѣстили Пугачева о приближеніи войскъ. Пугачевъ отступилъ отъ осажденной имъ крѣпости и выстроился въ семи верстахъ отъ Казани. Михельсонъ, узнавшій о движеніи бунтовщиковъ, пошелъ къ ихъ лагерю скорымъ маршемъ, отрядилъ Маіоровъ Харина противъ лѣваго крыла, Дуве противъ праваго, а самъ пошелъ на главную баттарею мятежниковъ. Послѣ пяти часоваго упорнаго боя почти всѣ баттареи Пугачева достались Михельсону. Мятежники были разбиты, потерявъ восемь сотъ человѣкъ убитыми и множество плѣнными. Потеря Михельсона была незначительна; но утомленные побѣдами войска не могли преслѣдовать разбойниковъ. Михельсонъ, проведя ночь на мѣстѣ сраженія, на другой день пошелъ было къ Казани, но едва выступилъ на Арское поле, какъ увидалъ стремившіеся на него отряды мятежниковъ, думавшихъ предупредить соединеніе его съ городскимъ войскомъ; онъ приказалъ встрѣтить ихъ сначала ядрами, потомъ картечью и обратилъ въ бѣгство. Пугачевъ

перешелъ черезъ Казанку и расположился лагеремъ, въ пятнадцати верстахъ отъ города. Михельсонъ не могъ его преслѣдовать за недостаткомъ конницы. Казань была освобождена. [120]

Однако Пугачевъ не терялъ надежды одолѣть Михельсона: набиралъ отвсюду новую сволочь, присоединялъ къ себѣ отдѣльные свои отряды и 15 Іюля утромъ велѣвъ прочитать манифестъ, въ которомъ призывалъ свои толпы идти на Москву, устремился въ третій разъ и уже съ двадцатью пятью тысячами мятежниковъ на войска, освободившіе Казань. Михельсонъ зналъ намѣренія самозванца и, оставаясь въ занятомъ лагерѣ, приготовился отразить нападеніе; многочисленныя толпы мятежниковъ двинулись на него тою же дорогою, по которой, разбитые, два раза бѣжали. Михельсонъ пошелъ къ нимъ на встрѣчу съ осьмью стами карабинеръ, гусаръ и Чугуевскихъ казаковъ. Онъ занялъ позицію близь Царицына, раздѣливъ войска на три колонны. Бунтовщики начали сраженіе. Михельсонъ и Харинъ ударили на

нихъ съ двухъ сторонъ, опрокинули ихъ и погнали. Напрасно Пугачевъ старался удержать разсыпавшіяся толпы, приказывалъ казакамъ колоть своихъ бѣглецовъ: все было кончено въ одинъ часъ, и побѣдителямъ досталось пять тысячь плѣнныхъ и девять пушекъ. Мятежниковъ убито до трехъ тысячь человѣкъ, большею частію Татаръ и Башкирцевъ. Потеря Михельсона ограничивалась сотнею убитыхъ и тяжело раненыхъ. Отрядивъ Харина для преслѣдованія Пугачева, самъ Михельсонъ вошелъ въ Казань, для ремонтированія своей конницы и для заготовленія припасовъ.

Императрица не много получала отъ Главнокомандующаго войсками противъ Пугачева радостныхъ извѣстій и недовольная медлительностью Князя Щербатова, еще въ началѣ Іюля мѣсяца намѣревалась было смѣнить его Княземъ Голицынымъ.[121] Когда же она узнала о разореніи Казани, повелѣла созвать чрезвычайный Военный Совѣтъ, и присудствуя въ немъ объявила *»что приметъ сама начальство надъ войсками для спасенія*

Москвы и Имперіи« всѣ безмолвствовали, исключая перваго Министра, Графа Никиты Ивановича Панина; онъ неоспоримо доказалъ Монархинѣ, »что волненіе презрѣнной черни не заслуживаетъ столь рѣшительныхъ мѣръ,« вызвался самъ идти противъ Пугачева и ручался за брата своего, покорителя Бендеръ, увѣряя, »что Графъ Петръ Ивановичь при всей дряхлости своей не откажется спасать Отечество, велитъ нести себя на носилкахъ, если только Государыня пожелаетъ ввѣрить ему начальство надъ войсками, не имѣя въ виду другаго Полководца, способнѣе его.« Императрица одобрила эту мысль и сказала *»никто лучше Графа Петра Ивановича не можетъ спасти Россіи; Я съ прискорбіемъ отпустила его отъ службы и не отважилась призвать къ настоящему дѣлу потому только, что онъ находился въ отставкѣ.«* Въ тоже время Графъ Никита Ивановичь получилъ повелѣніе пригласить брата своего на службу.

Покоритель Бендеръ жилъ въ это время въ Москвѣ; ничего не зналъ о происходив-

шемъ въ Петербургъ. Старая столица унывала, получая извѣстіе за извѣстіемъ объ ужасномъ мятежѣ Пугачева; наконецъ пронеслись слухи, что Пугачевъ идетъ по Московской дорогѣ. Страхъ, ожиданіе бѣдствій отъ нашествія самозванца приводили всѣхъ въ отчаяніе; никто не зналъ что предпринять, на что рѣшиться. Одинъ только Графъ Петръ Ивановичь сохранилъ обычную твердость духа и явилъ себя достойнымъ сыномъ Россіи. Разъ какъ-то нѣсколько Вельможъ собрались къ нему; сѣтовали, спрашивали, что предпринять, что имъ дѣлать въ столь близкой, очевидной опасности? »Сдѣлайте то, что я намѣренъ сдѣлать,« сказалъ Панинъ. Многіе желали узнать на что онъ рѣшился—и посѣдѣлый на полѣ чести воинъ отвѣчалъ имъ—*умереть!*

Въ самомъ дѣлѣ, Графъ Петръ Ивановичь вооружилъ своихъ дворовыхъ людей и расторопнѣйшихъ крестьянъ, намѣревался идти съ ними на встрѣчу бунтовщикамъ и подчинить себя начальнику первой дѣйствующей воинской команды,

которая попадется ему на встрѣчу! Черта преданности къ Престолу Монаршему и Отечеству—выходящая изъ круга обыкновенности. Похвалы человѣческія могутъ лишь оскорбить память великихъ дѣяній!

Однако опытному воину готовился лучшій жребій доказать любовь свою къ Отечеству. Въ то время, какъ Панинъ писалъ просьбу о дозволеніи выступить въ походъ противъ самозванца съ вооруженными людьми, онъ получилъ письмо отъ брата, извѣщавшаго его о волѣ Императрицы. Графъ Петръ Ивановичь въ туже минуту отвѣчалъ ему, »что съ радостію готовъ посвятить остальные дни живота своего для славы Ея Императорскаго Величества и сохраненія цѣлости врученной Ей Имперіи.«

Вслѣдъ за этимъ, Графъ Петръ Ивановичь получилъ Высочайшій рескриптъ отъ 29 Іюля 1774 года, которымъ Императрица увѣдомляла его, что Указомъ данымъ Военной Коллегіи, »поручила ему начальство надъ войсками, высланными противъ Пугачева и надъ Губер-

ніями Казанскою, Оренбургскою и Нижегородскою, уполномочивъ неограниченною довѣренностію къ изысканію и употребленію всякихъ средствъ и мѣръ, необходимыхъ въ возлагаемомъ на него важномъ Государственномъ дѣлѣ.« и прибавила, что поручаетъ ему начальство »какъ истинному патріоту, коего усердіе къ особѣ Ея, любовь и вѣрность къ Отечеству, ревность, отличныя качества, способности и дарованія были испытаны Ею во многихъ случаяхъ.« Графъ Петръ Ивановичь въ тотъ же день отправился къ ввѣреннымъ ему войскамъ.

КНИГА VIII.

ГЛАВА XXV.

ПУГАЧЕВЪ ЗА ВОЛГОЮ. ЕЩЕ ДВА САМОЗВАНЦА. ВЗЯТІЕ ПЕНЗЫ И САРАТОВА. РАСПОРЯЖЕНІЯ ГРАФА ПАНИНА. ПОСЛѢДНЕЕ СРАЖЕНІЕ ПУГАЧЕВА. ОНЪ ВЫДАНЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУ. СУВОРОВЪ.

Пугачевъ, разбитый подъ Казанью, бѣжалъ по Кокшайской дорогѣ, на перемѣнныхъ лошадяхъ съ тремя стами Яицкихъ и Илецкихъ казаковъ. Остальную сволочь свою бросилъ онъ въ добычу Харину, преслѣдовавшему бунтовщиковъ болѣе тридцати верстъ. Для дальнѣйшаго

преслѣдованія самозванца Михельсонъ выслалъ Подполковника Графа Меллина. Но Пугачевъ бродилъ два дня, то въ ту, то въ другую сторону и успѣвъ обмануть высланную погоню, вдругъ бросился на Кокшайской перевозъ съ пятью стами лучшаго своего войска и 18 Іюля переправился на правой берегъ Волги.

Переправа Пугачева произвела общее смятеніе на западной сторонѣ Волги: господскіе крестьяне взбунтовались, иновѣрцы и раскольники начали убивать священниковъ. Воеводы бѣжали изъ городовъ, дворяне изъ помѣстій; чернь ловила ихъ и приводила къ самозванцу, объявившему народу вольность, истребленіе дворянскаго рода, отмѣненіе повинностей и безденежную раздачу соли. Пугачевъ пошелъ на Цивильскъ, ограбилъ городъ, повѣсилъ воеводу и раздѣливъ свою сволочь на отряды, пустился въ разныя стороны. Никогда мятежъ не свирѣпствовалъ съ такою силою. Возмущеніе переходило отъ деревни до деревни, отъ провинціи до провинціи.

Всѣ отряды, находившіеся въ Губерніяхъ Казанской и Оренбургской, пришли въ движеніе и устремлены были противъ Пугачева. Щербатовъ изъ Бугульмы, а Князь Голицынъ изъ Мензелинска пошли въ Казань; Меллинъ пошелъ 19 Іюля изъ Свіяжка по Кокшайской дорогѣ; Мансуровъ двинулся къ Сызрани; Муфель пошелъ къ Симбирску, а Михельсонъ къ Арзамасу. Но слишкомъ трудно было пресѣчь зло, свирѣпствовавшее съ неимовѣрною силою: отряды устремлялись въ одну сторону по слѣдамъ Пугачева и получали извѣстіе, что онъ грабитъ въ другой. Въ одинъ день самозванецъ являлся въ трехъ мѣстахъ, удаленныхъ одно отъ другаго верстъ на полтораста. Невозможно было, сначала, повѣрить этимъ слухамъ; но дѣйствительность подтверждала ихъ. Трудно было разгадать, что бы значила эта невѣроятная быстрота; но, наконецъ, разгадали: двое самозванцевъ еще явилось въ придачу къ первому. Бѣглый холопъ Евсигнеевъ и разбойникъ Фирска тоже назвались Петромъ III. Евсигнеевъ взялъ Инсару,

Троицкъ, Наровчатъ и Керенскъ, вѣшалъ вездѣ дворянъ и воеводъ, учредилъ свое правленіе. Фирска подступилъ подъ Симбирскъ и отраженный Полковникомъ Обернибѣсовымъ, разорилъ окрестности и тоже истреблялъ дворянъ.

20 Іюля, Пугачевъ подъ Курмышемъ переправился чрезъ Суру, былъ встрѣченъ чернью на берегу съ образами и хлѣбомъ · солью. Повѣсилъ Маіора Юрлова и одного унтеръ-офицера не хотѣвшихъ присягнуть. 27, вошелъ въ Саранскъ, былъ встрѣченъ Духовенствомъ и Купечествомъ, повѣсилъ триста дворянъ и на другой день пошелъ къ Пензѣ. Михельсонъ изъ Арзамаза, Муфель изъ Симбирска и Мелинъ изъ Свіяжска, шли по пятамъ самозванца и не могли настичь его: онъ скакалъ проселочными дорогами, забирая вездѣ свѣжихъ лошадей, пополняя свои шайки.

Пугачевъ приближался къ Пензѣ. Воевода Всеволожскій держалъ нѣсколько времени чернь въ повиновеніи, велѣлъ дворя·

намъ удалиться. Пугачевъ явился передъ городомъ: жители вышли къ нему на встрѣчу съ иконами. Самозванецъ торжественно въѣхалъ въ Пензу, сжегъ домъ, въ которомъ заперся Всеволожскій съ двѣнадцатью дворянами, ограбилъ казенные и дворянскіе домы и пошелъ къ Саратову, предъ которымъ явился 5 Августа, съ тринадцатью пушками, тремя стами Яицкихъ козаковъ, двумя стами Донскихъ и по крайней мѣрѣ десятью тысячами Калмыковъ, Башкирцевъ, Татаръ и господскихъ крестьянъ.

Саратовскій Комендантъ Бошнякъ [122] отрядилъ нѣсколько казаковъ для поимки языка; но они передались самозванцу. Между тѣмъ обыватели, готовые измѣнить, послали къ Пугачеву съ предложеніями купца Кобякова. Бунтовщики подъѣхали къ городской стѣнѣ: Бошнякъ велѣлъ стрѣлять. Въ это время, жители предводимые городскимъ головою Протопоповымъ явно возмутились; требовали чтобы онъ не начиналъ сраженія, не дождавшись Кобякова. Купецъ явился изъ

мятежническаго стана, принесъ возмутительное письмо. Бошнякъ выхватилъ письмо изъ рукъ измѣнника, разорвалъ и развѣялъ по воздуху, а Кобякова велѣлъ взять подъ караулъ; но принужденъ былъ уступить просьбамъ и угрозамъ купцовъ, требовавшихъ освобожденія своего товарища-измѣнника. [123]

Пугачевъ между тѣмъ занялъ Соколову гору, подъ Саратовымъ, поставилъ батарею и началъ стрѣлять по городу. По первому выстрѣлу казаки и обыватели разбѣжались; триста артиллеристовъ, выхватя изъ подъ пушекъ клинья и погасивъ фитили, выбѣжали изъ крѣпости и передались самозванцу. Маіоръ Солмановъ съ своею командою тоже измѣнилъ. [124] Бошнякъ остался лишь съ шестидесятью человѣками офицеровъ и солдатъ, неизмѣнившими долгу присяги и чести, и рѣшился съ ними пробиться сквозь толпы мятежниковъ, ворвавшихся въ крѣпость. Шесть часовъ храбрые воины прокладывали себѣ дорогу оружіемъ и нако-

нецъ, съ незначительною потерею, успѣли достигнуть береговъ Волги.

Пугачевъ вошелъ въ Саратовъ, выпустилъ колодниковъ, отворилъ хлѣбные и соляные амбары, разбилъ кабаки, перевѣшалъ дворянъ и разорилъ ихъ домы, посадилъ въ воеводы казака Уфимцева и 9 Августа пошелъ внизъ по теченію Волги. Шайки его грабили Губерніи Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую.

Между тѣмъ Графъ Петръ Ивановичь прибылъ въ Керенскъ, немедленно занялся обезпеченіемъ народнаго продовольствія, по случаю неурожая хлѣба, исходатайствовалъ у Императрицы нужную сумму на учрежденіе хлѣбныхъ казенныхъ магазиновъ и издалъ таксу для продажи жизненныхъ припасовъ, строжайше запретивъ возвышать ее.[125] Убѣждалъ, посредствомъ нѣсколькихъ воззваній, присоединившихся къ Пугачеву возвратиться съ повинною; обнадеживалъ ихъ прощеніемъ; доказывалъ обманъ

самозванца; обѣщалъ большія награды тѣмъ, кто поймавъ злодѣя, представитъ его Начальству живаго или мертваго. Послѣдній Манифестъ оканчивался такъ: »По данной мнѣ отъ Монархини моей полной мочи, власти, силъ и довѣренности, все объявляемое мною въ семъ Манифестѣ во всенародное извѣстіе, непреложно, ненарушимо и свято сохраню и исполню, то есть: пощада, помилованіе и награжденіе отстающимъ отъ него, окаяннаго; а неизбѣжная, скорая, лютая смерть и погибель ослушникамъ сего послѣдняго моего увѣщанія.« Воззванія, обнародованныя Панинымъ, и мѣры, принятыя имъ для прекращенія мятежныхъ волненій во ввѣренномъ ему краю, произвели желаемое дѣйствіе. Самозванецъ не потерялъ своей дерзости и отваги; но лишился довѣрія черни, которую ему приходилось наконецъ собирать уже насильно. Всѣ убѣдились, что Пугачевъ не болѣе какъ безчеловѣчный злодѣй; [126] крестьяне завидовали казакамъ и были недовольны Пугачевымъ за то, что онъ дѣля добычу между казаками, про-

стой народъ водилъ только, такъ сказать, на убой: начиная сраженіе, онъ высылалъ впередъ свою сволочь, а самъ съ казаками защищался за нею, какъ за стѣною; въ случаѣ опасности бѣжалъ опять съ казаками, а простой народъ оставлялъ въ добычу побѣдителямъ.

Но какъ бы то ни было, Пугачевъ все еще находилъ себѣ сообщниковъ и слугъ; болѣе всего поддерживала его молва, разпущенная его сообщниками и приводившая чернь въ сомнѣніе на счетъ объявленій и манифестовъ о самозванствѣ Пугачева: мятежники говорили, »что точно между ними былъ какой-то измѣнникъ Пугачевъ, подосланный дворянами, но что Императоръ Петръ III велѣлъ схватить его и казнить какъ самозванца« легковѣрные недоразумѣвали, не знали которую сторону избрать имъ, какъ безопаснѣйшую.

Изъ Саратова Пугачевъ пошелъ къ Царицыну и послѣ неудачнаго приступа удалился къ Сарептѣ. Тутъ онъ про-

былъ цѣлыя сутки и услышавъ о приближеніи командъ, пустился внизъ по Волгѣ къ Черному Яру. Михельсонъ быстро преслѣдовалъ самозванца и наконецъ 25 Августа нагналъ его въ стапяти верстахъ отъ Царицына: Пугачевъ стоялъ на высотѣ между двумя дорогами. Михельсонъ ночью обошелъ его и сталъ въ тылу: утромъ Пугачевъ увидалъ своего грознаго преслѣдователя и рѣшился, во что бы то ни стало, проложить себѣ дорогу—въ степи. Ринулся на Михельсона, но нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разсѣяли мятежниковъ; вся сволочь Пугачева побѣжала и самъ онъ долженъ былъ искать спасенія въ быстротѣ ногъ своего коня. Семдесятъ верстъ гнались за Пугачевымъ и на пространствѣ сорока верстъ гнали мятежниковъ, положивъ ихъ на мѣстѣ болѣе четырехъ тысячь и взявши въ плѣнъ около семи тысячь. Пугачевъ выигралъ четверть часа и успѣлъ съ тридцатью казаками убѣжать въ степь, переправясь чрезъ Волгу около Черноярска.

Кровавое поприще самозванца кончилось: Михельсонъ нанесъ ему послѣдній и рѣшительный ударъ.

Пугачевъ скитался въ степи; войска окружали его. Меллинъ и Муфель отрѣзывали ему дорогу къ Сѣверу; легкій полевой отрядъ, высланный изъ Астрахани, преграждалъ ему возвращеніе къ Волгѣ; отъ Гурьева до Сарапова и отъ Чернаго до Краснаго Яра учреждены были разъѣзды. Князь Дундуковъ съ Калмыками гонялся за самозванцемъ по степи и готовъ былъ перехватить дорогу бѣглецу въ Киргизъ-Кайсацкія степи. Сверхъ того Суворовъ принялъ начальство надъ Михельсоновымъ отрядомъ и пошелъ въ степь, по которой бродилъ Пугачевъ. [127] Клевреты злодья, видя неминуемую гибель, согласились между собою выдать своего предводителя Правительству. Заманили его на Узени и 14 Сентября, въ одномъ раскольничьемъ селеніи, связали его, повезли въ Яицкъ и отдали Члену Слѣдственной Коммиссіи Капитанъ-Поручику Маврину.[128] Съ Яицка на-

чалъ злодѣй свой кровавый пиръ; въ Яицкѣ надѣлъ и оковы, снятыя съ него лишь предъ минутою позорной казни.

Суворовъ узналъ на Узеняхъ о поимкѣ Пугачева и поспѣшилъ въ Яицкъ. Тамъ Комендантъ Симоновъ сдалъ ему самозванца. Суворовъ повезъ его въ Симбирскъ, куда долженъ былъ пріѣхать и Графъ Панинъ. [129] Пугачевъ сидѣлъ въ деревянной клѣткѣ, на двуколесной телегѣ. Изъ Симбирска его перевезли въ Москву, гдѣ должна была рѣшиться его участь. Во всю дорогу онъ былъ веселъ и спокоенъ. Казалось онъ былъ увѣренъ, что торжественная встрѣча и всеобщее удивленіе его геройскимъ подвигамъ ожидаютъ его въ Москвѣ, а не топоръ палача! Дерзко, презрительно отвѣчалъ на вопросы конвоировавшихъ его офицеровъ. Въ Москвѣ, скованный по рукамъ и ногамъ и посаженный на цѣпь, онъ все еще, по видимому, не терялъ надежды на помилованіе. [130] Любопытные, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ толпились на Монетномъ дворѣ (въ Охотномъ ряду), гдѣ со-

держался злодѣй: грозный голосъ, огненный взоръ его удивлялъ мущинъ и пугалъ женщинъ. Такъ былъ и въ безсиліи страшенъ презрѣнный колодникъ, изумившій свѣтъ своими злодѣяніями!

КНИГА VIII.

ГЛАВА XXVI.

ПРЕКРАЩЕНІЕ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА. КАЗНЬ САМОЗВАНЦА И ЕГО СООБЩНИКОВЪ.

Злодѣй былъ уже въ оковахъ, но мятежъ, возженный имъ еще не прекратился. Воинскія команды, находившіяся въ возмущенномъ краю, должны были употребить болѣе двухъ мѣсяцевъ на искорененіе мятежническихъ шаекъ, на усмиреніе крестьянъ, неповиновавшихся своимъ помѣщикамъ. — Графъ Петръ Ива-

новичъ Панинъ прибылъ во ввѣренный ему край почти уже въ то время, когда злодѣй былъ въ послѣдній разъ разбитъ Михельсономъ; но не смотря на это, много трудовъ, много заботъ предстояло Графу: города были разорены, сожжены; селенія опустѣли; поля или не были засѣяны хлѣбомъ, или посѣянный хлѣбъ истребленъ былъ незрѣлый. Обширному краю грозилъ голодъ. Богатые обѣднѣли; бѣдные вдругъ разбогатѣли. Суда и расправы не существовало. Все это надобно было поправить, возстановить прежній порядокъ, обезпечить продовольствіе жителей, доставить средства къ воздѣланію полей на будущій годъ. Даровавъ спокойствіе и тишину Государству Графъ Панинъ снова устранился отъ всѣхъ дѣлъ. Императрица удостоила его милостивымъ рескриптомъ и въ день торжествованія мира съ Портою, пожаловала ему знаки Ордена Св. Апостола Андрея и шпагу, украшенные алмазами и сверхъ того »на поправленіе домашней экономіи« шестьдесятъ тысячь рублей. Дворянство избавленныхъ

отъ Пугачева Губерній наряжало отъ себя особыхъ депутатовъ для изъявленія живѣйшей благодарности Графу; всѣ называли его »честью, славою и украшеніемъ Россійскаго Дворянства, достойнымъ орудіемъ промысла Екатерины Великой.« [131]

Между тѣмъ Тайная Слѣдственная Коммиссія, учрежденная по дѣламъ бунтовщика и его сообщниковъ, окончила все, что ей поручено было. [132] Манифестомъ отъ 19 Декабря 1774 года Императрица повелѣла передать дѣло Пугачева на судъ Сенату, въ которомъ для произнесенія приговора должны были также присутствовать находившіеся тогда въ Москвѣ Члены Сѵнода, особы первыхъ трехъ классовъ и Президенты Коллегій. 30 и 31 Декабря 1774 года судъ произнесъ приговоръ злодѣямъ и 10 Января 1775 этотъ приговоръ былъ исполненъ.

Пугачева и Перфильева приговорили четвертовать, головы воткнуть на колъ, части тѣла разнести по четыремъ частямъ города, положить на ко-

леса и потомъ сжечь.[133] Чику (Зарубину) —отсѣчь голову въ Уфѣ. Шигаева, Падурова и Тарнова, повѣсить. Яицкихъ казаковъ Василья Плотникова, Дениса Караваева, Григорья Закладнова, Ивана Почиталина, Горшкова, Ульянова, Мясникова, Кожевникова, Кочурова, Толкачева, Харчева, Скачкова, Горшенина, Ягунова, Мещерякскаго сотника Усаева и купца Долгополова — наказать кнутомъ, вырвавъ ноздри и поставивъ знаки, сослать въ каторжную работу, а Долгополова, сверхъ того содержать въ оковахъ. Прочіе участники бунта (шестнадцать человѣкъ) были наказаны, или кнутомъ, или плетьми, какъ менѣе виновные, и сосланы на поселеніе. [134]

»Илецкаго казака Ивана Творогова, да Яицкихъ Ѳедора Чумакова, Василья Коновалова, Ивана Бурнова, Ивана Ѳедулова, Петра Пустобаева, Козьму Кочурова, Якова Почиталина и Семена Шелудякова« судъ приговорилъ въ силу Высочайшаго милостиваго Манифеста »отъ всякаго наказанія освободить, первыхъ пять человѣкъ за то, что не только пришли сами

съ повинною, но и виновника пагубы ихъ предали законной власти. Послѣднихъ за то, что они успѣвъ усмирить нѣсколько шаекъ, явились съ повинною и сами предали себя во власть Правительства.«

11 Января помилованные казаки приведены были въ оковахъ предъ Красное Крыльцо и тамъ, въ присутствіи Членовъ Сѵнода, Сената, первокласныхъ особъ и Президентовъ Коллегій, Генералъ-Прокуроръ Князь Вяземскій объявилъ имъ всенародно Всемилостивѣйшее прощеніе, забвеніе винъ ихъ, повелѣлъ снять съ нихъ оковы и даровать свободу. [5]

Обѣ жены самозванца, Софья и Устинья[136] и малолѣтные дѣти отъ первой жены сынъ и двѣ дочери, какъ неучаствовавшіе въ преступленіяхъ Пугачева, были освобождены отъ всякаго наказанія. Назначеніе мѣста для ихъ жительства и обезпеченіе ихъ содержанія предоставлено было благоусмотрѣнію Правительствующаго Сената.

Милостивымъ Манифестомъ, изданнымъ 17 Марта 1775 года »всѣмъ въ бун-

тѣ, возмущеніи и неустройствъ въ 1773 и 1774 годахъ участвовавшимъ по большой части отъ ослѣпленія, глупости, невѣжества или суевѣрія, даровано Всемилостивѣйшее прощеніе« и всѣ вины ихъ преданы вѣчному забвенію и глубокому молчанію.

Въ исходѣ 1775 года войско Яицкое, удостоенное Всемилостивѣйшаго помилованія, прислало отъ себя къ Императрицѣ депутатовъ со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ — перемѣнить названіе войска и главнаго города, въ которомъ созрѣлъ заговоръ мятежа. Екатерина II воззрѣла милостивымъ окомъ на раскаявшихся и повелѣла называть прежде бывшее Яицкое войско Уральскимъ; а городъ Яицкъ получилъ названіе Уральска. Зимовѣйская станица еще во время бунта названа Потемкинскою.[137]

Такъ кончился ужасный мятежъ, начатый горстью недовольныхъ казаковъ, распространенный ничтожнымъ колодникомъ и опустошившій цѣлыя области. Мудры были мѣры, принятыя Милости-

вою Монархинею для возстановленія спокойствія въ возмутившемся краю, велико было Ея милосердіе и заботы о возобновленіи благосостоянія гражданъ; но долго, долго не изгладились еще слѣды страшнаго бунта. Воспоминаніе о кровавой эпохѣ не истребилось еще и теперь; имя Пугачева служитъ еще до сихъ поръ символомъ всего ужаснаго и безчеловѣчнаго.

КНИГА IX.

ВНУТРЕННІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

КНИГА IX.

ГЛАВА XXVII.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ДОМЪ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ. УЧРЕЖДЕНІЕ ПРИ МОСКОВСКОМЪ ВОСПИТАТЕЛЬНОМЪ ДОМѢ ВДОВЬЕЙ, ССУДНОЙ И СОХРАННОЙ КАЗНЫ. АССИГНАЦІИ. УЧРЕЖДЕНІЕ О ГУБЕРНІЯХЪ.

Воспитательныя заведенія, учрежденныя по планамъ Бецкаго, обратили на себя особенное вниманіе Мудрой Монархини. Она поручила просвѣщенному сановнику заботиться о ихъ усовершенствованіи и разпространеніи

Въ Мартѣ мѣсяцѣ, 1770 года, Бецкій поднесъ Императрицѣ всеподданнѣйшій докладъ объ учрежденіи и построеніи въ Санктпетербургѣ отдѣленія Московскаго Воспитательнаго Дома и испрашивалъ назначить для этого мѣсто, на берегу Невы, на пустомъ запасномъ Смольномъ дворѣ, принадлежавшемъ Воскресенскому Новодѣвичьему монастырю. Императрица, въ 15-й день Марта, соизволила конфирмовать докладъ Бецкаго и »на доброе начинаніе« повелѣла выдать изъ Кабинета пять тысячь рублей серебромъ. Сентября 6, въ томъ же году, послѣдовало открытіе Отдѣленія и начались въ немъ засѣданія. Новое Богоугодное заведеніе подобно Московскому приняло подъ кровъ свой бѣдныхъ невинныхъ сиротъ, и новый, блестящій алмазъ присоединился къ украшеніямъ Вѣнца Екатерины Великой, Матери Отечества. [138]

Бецкій, основывая Воспитательный Домъ въ Санктпетербургѣ, заботился и объ обезпеченіи на будущее время капиталовъ Московскаго. Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ

1772 года Императрица утвердила доклад Бецкаго объ учрежденіи при Воспитательномъ Домѣ Вдовьей, Ссудной и Сохранной Казны.

»Вдовья казна« назначалась для вспомоществованія вдовамъ всякаго званія, Русскимъ и иностраннымъ, и раздѣлена была на четыре класса: въ первый классъ мужъ долженъ былъ внести единовременно, безъ всякихъ наддачь въ послѣдствіи, 240 руб. Вдовѣ по смерти его, Воспитательный Домъ обязывался выдавать ежегодной пенсіи по 100 руб. Во второй классъ мужъ вносилъ 180 руб, и вдова получала пенсіи 75 руб. Въ третьемъ классѣ вкладъ былъ во 120 руб., и пенсія 50 руб. Въ четвертомъ классѣ вкладчики единовременно вносили 60 руб., и вдовы ихъ ежегодно, по смерть получали 25 руб. Это раздѣленіе на четыре класса было главнымъ основаніемъ учрежденія Вдовьей казны. Вклады незначительно измѣнялись, сообразно лѣтамъ вкладчика и особы, долженствовавшей получать пенсіонъ, который оставался неизмѣняемымъ во всякомъ случаѣ, то

есть былъ не болѣе 100 руб. и не менѣе 25 руб. [139] »Такъ какъ Опекунскій Совѣтъ, подъ которымъ сія казна состоитъ« сказано въ учрежденіи Бецкаго »вѣчнымъ и ненарушимымъ предписалъ себѣ закономъ, чтобы всѣ дѣйствія его основаны были на человѣколюбіи,« то Вдовья казна обязывалась помогать и въ тѣхъ случаяхъ, когда мужъ лишится за какое либо преступленіе имѣнія, или надолго посаженъ будетъ въ тюрьму или сосланъ въ ссылку, а жена, неучаствовавшая въ преступленіи, пріидетъ въ бѣдность. Вкладчикъ въ случаѣ смерти особы, долженствовавшей получать пенсіонъ, могъ обратно взять три четверти своего вклада, оставляя четвертую въ пользу Дома.

Ссудная казна, и теперь существующая, предназначена была для вспомоществованія нуждавшимся въ наличныхъ деньгахъ всякаго званія людямъ. Ссуды отъ 10 до 1000 руб. производились подъ залогъ золотыхъ, серебряныхъ вещей, дрогоцѣнныхъ камней, разныхъ матерій, платья и проч., срокомъ на 3, 6, 9 и 12

мѣсяцевъ, съ вычетомъ при займѣ суммы по 6 процентовъ на годъ.[140]

Сохранная казна за ввѣренные ей на сохраненіе капиталы получала по одному проценту; тѣмъ же, которые вносили свои деньги на извѣстное время, но не менье года, выдавала проценты, количество которыхъ зависѣло отъ условій съ вкладчикомъ.[141] Впослѣдствіи, постановленія о Казнахъ измѣнились; но и въ то время Воспитательный Домъ находилъ въ нихъ средства для своихъ благотвореній.

Въ 1769 году введены были въ Россіи въ употребленіе бумажныя деньги или ассигнаціи. Манифестъ объ этомъ изданъ былъ 29 Декабря 1768 года. При самомъ началѣ ассигнацій выпущено было на сорокъ милліоновъ рублей, четырехъ достоинствъ: во 100, 75, 50 и 25 рублей. Средняя цѣна ассигнаціоннаго рубля на серебряную монету, въ 1769 году, была— 99 копѣекъ.[142] Новость предмета и появленіе фальшивыхъ ассигнацій, затрудняли въ началѣ обращеніе бумажныхъ денегъ.

Въ 1786 году Императрица повелѣла уничтожить 75 рублевыя ассигнаціи, и прежде-выпущенныя обмѣнить на новыя другаго вида и пяти достоинствъ — во 100, 50, 25, 10 и 5 рублей. Въ то же время число выпущенныхъ ассигнацій увеличено было еще шестидесятью милліонами рублей. Въ 1796 году количество ассигнацій простиралось уже до ста пятидесяти семи милліоновъ рублей. О вліяніи ассигнацій на промышленность вообще, на цѣнность товаровъ и проч. сказано будетъ въ пятой части этого сочиненія.

1775 годъ достопамятенъ для Россіи обнародованіемъ »Учрежденія для управленія Губерній.«

Во второй части нашего сочиненія предложено повѣствованіе о дѣйствіяхъ Коммиссіи, составленной для сочиненія Проэкта Новаго Уложенія. Труды Коммиссіи не были успѣшны, и въ началѣ Турецкой войны она была закрыта. Славный миръ Россіи съ Портою и возстановленіе внутренней тишины, доста-

вили Императрицѣ Екатеринѣ возможность обратить особенное вниманіе на благоустройство внутренняго управленія и утвержденіе суда и расправы на твердыхъ основаніяхъ. Монархиня прозорливымъ окомъ Своимъ видѣла, что »по великой обширности нѣкоторыхъ Губерній оныя недостаточно снабдены, какъ Правительствами, такъ и надобными для управленія людьми; что въ одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣдомо правленіе Губерніи, и казенные доходы, и счеты обще съ благочиніемъ или полиціею, и сверхъ того еще уголовныя дѣла и гражданскіе суды отправляются.« [143]

Въ провинціяхъ и уѣздахъ былъ тотъ же порядокъ: воеводская канцелярія завѣдывала дѣлами всякаго рода. Власть судебная, полицейская и внутреннее управленіе, части столь несовмѣстныя, сосредоточивались въ одномъ мѣстѣ. Кромѣ запутанности и медленности въ судопроизводствѣ, оттого происходившей, ходъ правосудія затруднялся еще излишествомъ инстанцій для переноса дѣлъ апелляціоннымъ поряд-

комъ. Напримѣръ, по дѣламъ тяжебнымъ, недовольный рѣшеніемъ Словеснаго суда могъ просить въ Городовомъ магистратѣ, изъ Городоваго магистрата, въ случаѣ неудовольствія, перенести дѣло въ Магистратъ провинціальный; изъ Магистрата Провинціальнаго дѣло поступало въ Губенскій магистратъ; если и тутъ дѣло рѣшено было, по мнѣнію котораго либо изъ тяжущихся, неправильно, то онъ просилъ разсмотрѣнія дѣла въ Главномъ магистратѣ и наконецъ, оттуда, могъ перенести дѣло въ Сенатъ.

Императрица, для устраненія столь явнаго неудобства, вознамѣрилась отдѣлить судебныя мѣста отъ правленій губернскихъ, судопроизводство гражданское отъ уголовнаго и вѣдѣніе дѣлами губернскихъ финансовъ предоставить особымъ мѣстамъ. Кромѣ этого важнаго раздѣленія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ по роду дѣлъ, и самое судопроизводство, по значительности дѣла, ограничивалось тремя инстанціями: одно дѣло могло перейти изъ первой инстанціи во вторую и потомъ въ

третью; другое изъ первой лишь во вторую; иное дѣло рѣшительно оканчивалось въ первой инстанціи. [144]

Сверхъ того, судебныя и правительственныя мѣста по »учрежденію« раздѣлялись на губернскія и уѣздныя; къ губернскимъ принадлежали: Губернское Правленіе, Палаты Гражданская, Уголовная и Казенная; Верхній земскій судъ, Верхняя Расправа, Губернскій магистратъ и Приказъ общественнаго призрѣнія. Къ уѣзднымъ: Уѣздный Судъ съ Дворянскою опекою и Уѣзднымъ казначействомъ, Нижній земскій судъ, Городовой магистратъ съ Сиротскимъ судомъ, Совѣстный судъ и Нижняя расправа. [145]

Въ 1780 году, Января 4, издано было дополненіе къ Учрежденію о Губерніяхъ или правила: »о томъ, какъ Правленіе Губернское, Палаты и Судебныя Верхнія и Нижнія мѣста между собою поступать имѣютъ.« Въ этомъ же дополненіи изложены права и обязанности надворныхъ судовъ, Верхняго и Нижняго, тогда же учрежденныхъ въ Столицахъ, для раз-

смотрѣнія дѣлъ, жалобъ и тяжебъ между пребывавшими въ столицѣ (или по службѣ военной, придворной и гражданской, или по собственнымъ промысламъ) и не имѣвшими въ той Губерніи, гдѣ Судъ учрежденъ, недвижимыхъ имѣній, по которымъ бы они подлежали вѣдомству Уѣздныхъ и Земскихъ судовъ, Расправъ или Магистратовъ. [146]

Съ перваго взгляда на »Учрежденіе для управленія Губерній« всякій видѣть можетъ, какимъ благодѣяніемъ было оно для Россіи. »Многолѣтнее искусство,« говоря языкомъ того времени, доказало его пользу. Сущность »Учрежденія« не измѣнилась до сихъ поръ, хотя нѣкоторыя статьи и потребовали улучшенія.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. См. Рескриптъ Императрицы Екатерины II къ Генералъ-Фельдмаршалу Графу Петру Семеновичу Салтыкову, помѣщенный въ *Словарѣ достопамятныхъ людей, въ Біографіи Г. П. С. Салтыкова.*

2. Въ этомъ Манифестѣ предложено объясненіе причинъ, побудившихъ Императрицу Екатерину принять участіе въ дѣлахъ Польской республики; исчислены благодѣянія, оказанныя Россіею Польшѣ, и потомъ сказано: »Порта чрезъ довольное время взирала на дѣла Россійскія въ Польшѣ спокойнымъ окомъ и со внутреннимъ удостовѣреніемъ, что они собственнымъ ея интерессамъ столько же выгодны, сколько и Ея Величеству. Конечно сіе ея благоразумное поведеніе продолжалось бы долѣе, до самаго окончанія Польской сумятицы, еслибъ только ненавистники Россійскаго съ нею мира не предъуспѣли нынѣ непозволенными своими клеветами и ухватками раздражить Турецкую армію, а зараженіе ея распространить далѣе по ступенямъ и до самаго правленія, и естьлибъ еще Польскіе въ границы Порты укрывшіеся мятежники не обольстили суетною надеждою самаго Султана, что они, а съ ними вся Подолія и вся Польская Украйна охотно поддадутся въ вѣчныя вре-

мена державѣ его на основанiи Княжествъ Волошскаго и Молдавскаго. Сродная Портѣ высокомѣрность не дозволила ей пренебречь сего обманчиваго предложенiя тѣмъ болѣе, что и законъ Магомета оправдываетъ всякое у Христiанъ похищенiе, и для того, безъ дальнихъ размышленiй о справедливости, рѣшилась она скоро употребить себѣ помянутое предложенiе въ пользу.«

При объявленiи Портою войны Россiи, Россiйскiй Резидентъ въ Константинополѣ, Тайный Совѣтникъ А. М. Обресковъ былъ заключенъ въ Семибашенный зáмокъ. Нѣсколько мѣсяцовъ содержали его тамъ подъ строгимъ карауломъ. Когда возгорѣлась война, Обресковъ принужденъ былъ слѣдовать за Визиремъ. Много терпѣлъ онъ отъ ненастной погоды, не имѣя экипажа; потомъ жилъ среди болотъ, въ тѣсной палаткѣ, только съ двумя служителями, (остальная прислуга находилась въ оковахъ) окруженный стражею; не могъ выходить на чистый воздухъ; задыхался отъ сильныхъ жаровъ, слышалъ разныя ругательства отъ Турокъ. Одинъ изъ его служителей былъ казненъ. Когда успѣхи Русскаго оружiя начали поселять опасенiя въ Туркахъ, Визирь требовалъ отъ Обрескова, чтобы онъ заключилъ миръ съ Портою. Резидентъ отвѣчалъ, что не былъ уполномоченъ на это и просилъ отправить его въ Отечество. Отказъ и просьба лишь раздражили предводителя Мусульманъ. Когда Молдавiя и Валлахiя были завоеваны Русскими, Обресковъ обратился опять съ просьбою къ новому Визирю, о возвращенiи его на родину. Но вмѣсто удовлетворенiя законныхъ требованiй его заключили въ полуразвалившiйся зáмокъ, построенный на высокой горѣ въ двадцати пяти

верстахъ отъ Адріанополя. Тамъ пробылъ онъ до 1772 года. Не смотря на сильный караулъ, на угрозы Визиря казнить смертію того, кто приметъ письмо отъ плѣнника, Обресковъ успѣлъ извѣстить Графа Панина о своей горькой участи. 10 Апрѣля 1770 года онъ написалъ цифрами слѣдующее письмо: »Я заперть въ замкѣ, въ которомъ пустаго мѣста не болѣе сажень пять, и долженъ толочься тутъ, какъ въ берлогѣ медвѣдь; если еще живъ, то сіе единственно приписываю отрадѣ, часто внушаемой по случаю счастливыхъ успѣховъ нашего оружія; утѣшаетъ меня также крайнее разстройство и страхъ здѣшнихъ варваровъ. Изъ Исакчи меня повезли въ то самое время, какъ Подполковникъ Фабриціанъ атаковалъ подъ Галацами трехъ бунчужныхъ Пашей. Я имѣлъ удовольствіе слышать не токмо пушечную пальбу чрезъ все время сраженія, но и залпы одержанной побѣды.«

Императрица щедро наградила Обрескова по его освобожденіи: пожаловала ему орденъ Св. Александра Невскаго, двѣсти тысячь рублей и повелѣла быть Членомъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Впослѣдствіи видно будетъ, что Обресковъ производилъ переговоры на Конгрессахъ Фокшанскомъ и Бухарестскомъ.

3. *См. Журналъ Военныхъ Дѣйствій 1769 года, мѣсяцъ Апрѣль.*

4. *См. Словарь достопамятныхъ людей Русской земли Г. Д. Бантышъ-Каменскаго, Т. V. стр. 18.*

5. *Журналъ Военныхъ Дѣйствій 1769 года мѣсяцъ Апрѣль, 17-е число.* Въ этомъ Журналѣ, напечатан-

номъ въ С. Петербургѣ при Государственной Военной Коллегіи, страницы не отмѣчены цифрами.

6. Точныхъ свѣдѣній о числѣ войскъ назначенныхъ въ походъ противъ Турокъ, во время войны открывшейся въ 1769 году, мы не могли получить. Показанія же писателей, что оно простиралось до 70,000 человѣкъ, едва ли достовѣрно. Главныя силы сосредоточены были въ первой арміи; потеря въ людяхъ этой арміи въ продолженіи первыхъ двухъ походовъ (1769 и 1770 гг.) была незначительна, и не смотря на это Румянцовъ, при Кагулѣ, противъ двухъ сотъ пятидесяти тысячь Мусульманъ имѣлъ подъ ружьемъ только семнадцать тысячь! За Дунаемъ и по возвращеніи оттуда (1773) войска ввѣренныя Румянцову ограничивались тринадцатью тысячами. Должно также обратить вниманіе на малый комплектъ тогдашнихъ полковъ: изъ Журнала Военныхъ дѣйствій 1769 года можно видѣть, что въ иныхъ полкахъ было не болѣе 200 человѣкъ.

7. »Въ плѣнъ взято нами при семъ случаѣ Турокъ только 14, Волоховъ 8, Поляковъ 2, и одинъ Армянинъ; непріятелей побито весьма не малое число. Въ предмѣстіи Хотинскомъ раненъ предводительствовавшій гренадерскіе баталіоны храбрый Генералъ-Маіоръ Долгоруковъ не токмо тяжело, но и опасно.« *Ж. В. Д. 1769 года, Апрѣля 19.* Князь Петръ Сергѣевичь Долгоруковъ скончался отъ этой раны, въ лагерѣ при селѣ Конустяны, 29 Апрѣля 1769 года.

8. *Тамъ же, Апрѣля 21.*

9. Генералъ - Маіоръ Прозоровскій 21 Апрѣля преслѣдовалъ пяти-тысячный Турецкій корпусъ, бѣжавшій отъ Хотина, куда онъ шелъ было на помощь;

Турокъ было побито болѣе трехъ сотъ; Русскіе не потеряли ни одного человѣка. Побѣдители взяли въ этотъ день три знамя, булаву серебряную, двѣ литавры »пятдесятъ навьюченныхъ верблюдовъ, до ста мулъ съ разнымъ багажемъ, не малое число лошадей, палатокъ, конскихъ уборовъ, всякаго платья, денегъ и всякихъ съѣстныхъ припасовъ.« 2 Маія Князь Прозоровскій имѣлъ дѣло съ Турками, противъ Польскаго мѣстечка Черной Долины, въ одной милѣ отъ Днѣстра, и отбилъ 300 воловъ.

10. Турецкій корпусъ, намѣревавшійся переправиться на лѣвый берегъ Днѣстра, гдѣ стояли Русскіе, находился подъ командою Абазы Паши. Турки потеряли болѣе четырехъ сотъ человѣкъ. Убитыхъ и раненыхъ съ нашей стороны было восемдесятъ человѣкъ.

11. »При продолжающейся блокадѣ и бомбардирадѣ изъ-за Днѣстра непріятельской крѣпости Хотина произошло важнаго только то, что запершееся въ сіе гнѣздо немалочисленное непріятельское войско, будучи сильно притѣснено и ища уже спастися оттуда бѣгствомъ, предпріяло было въ самомъ дѣлѣ 12 Іюня, вышедъ изъ крѣпости, сквозь наши окружающія войска, въ немаломъ числѣ конницы и пѣхоты пробиваться, и потому принудя отступить передніе наши изъ егерей состоявшіе посты, неоднократно усиливался атаковать лѣвый флангъ ретраншамента, гдѣ тогда Генералъ-Маіоръ Замятнинъ командовалъ; но будучи всегда съ урономъ отбитъ, принужденъ былъ паки въ Хотинъ спасаться и егерямъ прежніе ихъ посты уступить.«

»Между тѣмъ ушедшіе къ намъ изъ сей непріятельской крѣпости разнаго званія Христіане единогласно подтверждаютъ, что по великому числу держащагося тамъ непріятеля, наши изъ-за Днѣстра бомбы и ядра безпрестанной превеликой уронъ въ людяхъ и лошадяхъ причиняютъ, что отъ множества валяющихся убитыхъ мертвыхъ тѣлъ, которыя едва успѣваютъ за палисадъ въ предмѣстіе въ вырытыя ямы таскать и бросать, происходитъ въ замкѣ и въ самомъ предмѣстіи нестерпимый смрадъ и духота, и что между тѣмъ доходитъ уже непріятель въ своемъ пропитаніи и въ самой водѣ до крайняго оскудѣнія.« *Журналъ военныхъ дѣйствій 1769 года, мѣсяцъ Іюль.*

12. »22 Іюля, около полудня явился непріятель ввиду всей арміи, производя перестрѣливаніе съ передовыми нашими легкими войсками, а во второмъ часу по полудни вытянувшись совсѣмъ предъ арміею, разсыпался по полю, съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ насъ окружа, вдругъ съ разныхъ сторонъ нападеніе сдѣлать, особливо же стремяся на стоящій впереди арміи корпусъ нашихъ легкихъ войскъ.«

»И хотя отъ высланнаго противъ него навстрѣчу нѣкотораго числа сихъ нашихъ легкихъ войскъ, при подкрѣпленіи съ зади поставленной тяжелой конницы, непріятель по безпрерывномъ съ обѣихъ сторонъ жестокомъ перестрѣливаніи нѣсколькократно и съ немалымъ урономъ прогоняемъ былъ; но какъ иногда и наши совокупляющимся противъ нихъ превосходнымъ силамъ уступать припуждены находились; то непріятель пользуясь тѣмъ, въ большихъ кучахъ бросался съ превеликимъ жаромъ и опрометью, не токмо на главный корпусъ нашихъ легкихъ войскъ, но въ раз-

ныхъ мѣстахъ противу праваго фланга арміи и противу самыхъ тутъ въ переди сдѣланныхъ редутовъ; однакожъ учиненными по немъ во всѣхъ мѣстахъ съ батарей нѣсколькими пушечными выстрѣлами съ бомбами, каждый разъ съ немалымъ же урономъ тотчасъ отбиваемъ, а легкими нашими войсками и далѣе прогоняемъ былъ. Наконецъ часовъ въ восемь по полудни, непріятель видя свои чрезъ немалое время возобновляемыя покушенія тщетными, не токмо отъ арміи удаляться сталъ, но и совсѣмъ въ бѣгство назадъ обратился, съ такою скоропостижностію, что наши за нимъ нѣсколько верстъ гнавшіеся легкіе войска достичь не могли.« *См. тамъ же.*

13. Безполезность блокады Хотина, столь долго продолжавшейся, можно также видѣть изъ *Журнала Военныхъ Дѣйствій 1769 года.* Тамъ записано (26 число Іюля) »по соединеніи отдѣленныхъ корпусовъ съ арміею, натурально не могла Хотинская крѣпость построившеюся къ сраженію арміею такъ окружена быть, какъ окружена была во время блокады разставленными всюду отъ арміи корпусами, то берегъ Днѣстра ниже крѣпости на великое разстояніе непріятельскою артиллеріею очищаемый остался непріятелю свободенъ, не только съ сею крѣпостію свободное сообщеніе имѣть, но и расположиться на ономъ, тѣмъ надежнѣе, что между нашею арміею и гдѣ стоялъ корпусъ Князя Прозоровскаго, а теперь сталъ непріятель въ такіе превеликіе буераки, что Князь Прозоровскій для того паче оттуда и взятъ, что въ случаѣ нападенія на его корпусъ, ни ему помощь скоро подана, ни онъ порядочно оттуда отступить не могъ бы.«

14. См. *Журналъ Военныхъ Дѣйствій 1769 г., Іюля 27.*

15. См. *Словарь достопамят. людей Русской земли, Т. II., стр. 47.*

16. »На разсвѣтѣ (29 числа Августа) непріятель не токмо въ великихъ силахъ на здѣшнемъ берегу усмотрѣнъ, но вскорѣ потомъ всходя отъ берега на здѣшнюю сторону, началъ немедленно строиться въ колонны противу лѣсу и противу самаго праваго крыла арміи, а часу въ седьмомъ учиня изо всѣхъ своихъ на томъ берегу Днѣстра стоящихъ пушекъ пальбу, которая безсомнѣнія сигналомъ служила, повелъ и дѣйствительно свою противъ насъ атаку, а имянно: во первыхъ стоявшая противу праваго нашего крыла конница во всю силу поскакала на оной, но произведеннымъ съ главной артиллеріи Полковника Мелиссино баттареи, и прочихъ двухъ редутовъ огнемъ, не токмо въ продолженіи своей атаки воспрепятствована, но и прочь бѣжать принуждена, такъ что и приготовленная непріятелемъ на подкрѣпленіе сей конницы пѣхота, которая уже въ движеніе приходила, на томъ же мѣстѣ остановилась.

По сей неудачѣ обратился тотчасъ непріятель великимъ числомъ пѣхоты и конницы противу вышепомянутаго нашего въ лѣсу Генералъ Поручикомъ Графомъ Брюсомъ занятаго поста, на которой съ такимъ стремленіемъ со всѣхъ сторонъ напалъ, что какъ введенные туда наши три полка, а имянно: четвертой гренадерской, Санктпетербургской и Куринской съ частію егерей, весьма великое пространство охранять и слѣдовательно рѣдко стоять при-

нуждены были; что ему удалось сквозь ихъ прорваться, между четвертымъ гренадерскимъ и Санктпетербургскимъ полкомъ; почему оные полки принуждены были отступать въ назначенную имъ засѣку, дабы не быть во флангъ и въ тылъ атакованнымъ. Санктпетербургскому и Куринскому полкамъ и удалось оное сдѣлать, и сильное непріятельское стремленіе остановить; но четвертой гренадерской полкъ будучи отъ засѣки оторванъ ускорившимъ непріятелемъ, ударилъ въ штыки и опрокинувъ непріятеля, къ первымъ двумъ полкамъ соединился. Генералъ-Поручикъ Графъ Брюсъ получа между тѣмъ вспоможеніе, какъ отъ главной арміи, такъ и отъ Генералъ-Поручика Салтыкова, употребилъ всѣ свои силы къ совершенному прогнанію непріятеля, которой разъ до пяти отъ засѣки былъ отбитъ, и столькожъ разъ покушался вновь атаковать; но наконецъ благоразумнымъ Графа Брюса предводительствомъ и непремѣняющимся нашего войска мужествомъ, не токмо отъ засѣки, но и изъ всѣхъ прежнихъ нашихъ постовъ такъ непріятель выбитъ, что наши войска и часовыхъ своихъ паки тамъ разставили, гдѣ до сраженія стояли, подобно какъ бы не бывало онаго.

Во время сего самаго жаркаго отъ осьмаго часа утра до двухъ за полудни продолжавшагося сраженія, непріятель усмотря, что напереди наши легкія войска, а за ними вышепоказанные конные полки въ лѣвой сторонѣ сего же лѣса стояли, бросился на нихъ особо отдѣленною и тысячахъ въ двадцати состоящею толпою конницы Турецкой и Татарской съ равномѣрнымъ жесточайшимъ стремленіемъ. Сія малая часть нашей конницы, не токмо первой непріятельской

ударъ съ непоколебимою твердостію выдержала; но потомъ и сама его съ отмѣнною храбростію атаковавъ, на знатное разстояніе прогнала. Но непріятель получа новыя подкрѣпленія, и не смотря на чувствительной свой уронъ, предпріялъ было вновь жесточайшее на нашу конницу нападеніе, но тогда оная отступила подъ защищеніе своихъ баттарей къ лѣвому крылу арміи, и тѣмъ самымъ открывшіяся баттареи скоропоспѣшною стрѣльбою великой въ сей непріятельской конницѣ уронъ причинили.

Когда такимъ образомъ непріятелю не удалось ни одного изъ нашихъ отдѣленныхъ постовъ сорвать, то силился онъ окружая главную армію, гдѣ ни есть ворваться; но какъ сіи покушенія не дѣлая и самаго малѣйшаго намъ вреда, подводили токмо всюду непріятеля подъ нестерпимое дѣйство нашей артиллеріи, то еще весьма удивляться надобно, что непріятель покушенія свои, или прямѣе сказать уронъ, до седьмаго часа продолжать могъ, подлинно, что тогда и бѣжалъ онъ съ удивительноюжъ скоростію: ибо очень скоро никого на здѣшнемъ берегу не осталось, такъ что погоня наша на краткомъ до берегу разстояніи ни трудною, ни важною быть не могла. Уронъ непріятельской долженъ быть весьма великъ, разсуждая не токмо по ужасному дѣйствію нашей артиллеріи, но и по самому ружейному предъ непріятельскимъ превосходному огню, который такъ великъ былъ, что нѣкоторые изъ команды Генералъ-Поручика Графа Брюса полки, до ста патроновъ выстрѣлили, однако въ точности того урона означить не можно, потому, что непріятель и при семъ случаѣ сохранилъ свое обыкновеніе убитыхъ большею

частію съ собою увезти, къ чему и близкое разстояніе находящейся позадь его рѣки и моста не мало ему способствовало; но совсѣмъ тѣмъ при отправленіи ко Двору Ея Императорскаго Величества Полковника Князя Голицына, набиралось по разнымъ мѣстамъ сраженія мертвыхъ непріятельскихъ тѣлъ до трехъ тысячь, съ великимъ числомъ лошадей; а въ плѣнъ невозможно было получить знатнаго числа, потому что сражавшіеся полки будучи въ великой запальчивости, не дѣлали пощады непріятелю, взятые же въ полонъ нѣсколько человѣкъ согласно показали, что всѣ непріятельскія войска на здѣшнюю сторону переходили, что предводительствовалъ ими самъ Верховной Визирь Молдаванжи Паша, а при немъ были Ханъ Крымской, Сераскиръ Абаза, и другіе многіе Паши, съ Польскимъ мятежникомъ Потоцкимъ.

17. »Взято нами у непріятеля сто пятдесятъ обыкновенныхъ знаменъ, да одно большое, чаятельно главному ихъ командиру принадлежавшее, съ тремя булавами такъ же воинскихъ начальниковъ; сверхъ того полученъ нами весь непріятельскій лагерь съ двумя пушками, но взято нашими войсками въ добычу только малая часть съ нѣсколькими лошадьми, а прочія вещи съ самыми палатками не токмо по темнотѣ ночи въ грязь затоптаны, но сверхъ того и везти было не на чемъ, за которымъ обстоятельствомъ и вышепомянутыя пушки, равномѣрно также на мѣстѣ загвозженныя брошены, а особливо, что по чрезвычайной ихъ величинѣ изъ ретраншамента чрезъ валъ и ровъ при бывшей тогда грязи перетащить способа не было, сколько о томъ старанія ни прилагалось.«

Предводитель Турецкаго отряда,-двухъ бунчужный Паша Орай-Оглу, былъ убитъ въ этомъ сраженіи. *См. Журналъ Военныхъ Дѣйствій* 1769 г.

18. *См. тамъ же, Октября 1.*

19. »Прежде всѣхъ Гавріилъ Митрополитъ, приложась къ Евангелію и ко Кресту, во весь голосъ говорилъ предстоящимъ, что онъ данною ему отъ Спасителя нашего властію, повелѣваетъ всѣмъ православнымъ Христіанамъ въ вѣрности и подданствѣ къ Ея Императорскому Величеству и къ Его Высочеству Государю Цесаревичу, слѣдовать его примѣру и учинить не одну торжественную, но истинным сердцемъ и душею присягу, прибавляя къ тому, что если кто противное сему помыслитъ, того онъ какъ изверга отъ Христіанства, предастъ вѣчно анафемѣ; едва слова сіи были выговорены, какъ всѣ кучами начали метаться къ цѣлованію креста и Евангелія, такъ что наконецъ надлежало опредѣлить людей для соблюденія должнаго порядка.« *См. тамъ же.*

20. Маврокордато вскорѣ (23 Ноября) умеръ отъ ранъ. Церемоніалъ его погребенія записанъ въ *Журналѣ Военныхъ Дѣйствій*, служившемъ намъ главнѣйшимъ источникомъ при описаніи первой Турецкой войны въ Царствованіе Императрицы Екатерины II. Этотъ церемоніалъ можетъ обратить на себя вниманіе любопытныхъ. Мы выписываемъ его слово въ слово: »Напередъ ѣхали два городскіе трубача, играющіе на трубахъ.

Нѣсколько служивыхъ людей его (Маврокордато) съ факелами.

Порожней гробъ, обитый богатою парчею, несенъ знатными купцами.

За онымъ несли на серебряныхъ большихъ блюдахъ,

на одномъ варспое сорочинское пшено съ изюмомъ, на другомъ разные сахарные конфекты, а на третьемъ изъ пшеничнаго тѣста большой каравай вызолоченъ.

Отъ каждаго мастероваго цѣху несли въ два ряда свѣчи восковыя золоченыя въ четверть аршина толщины, а въ полтора аршина длины.

Нѣсколько знатныхъ бояръ.

Въ два ряда священники, Игумены, Архіепископы и Молдавскій Митрополитъ Гавріилъ съ пѣніемъ.

За онымъ тѣло умершаго Господаря сѣдящее въ обитыхъ богатою золотою парчею крѣслахъ и одѣтое въ соболью шубу и шапку, которыми пожалованъ онъ былъ отъ Султана при учрежденіи его Господаремъ Молдавскимъ. Несли оное придворные его, а около шли знатные бояре.

За ними слѣдовала военная его музыка: яко то сиповики, трубы, тулумбасы, тазы и барабаны, играя печальные стихи.

По принесеніи его предъ врата Соборной церкви, отпѣвали его по тамошнему обычаю внѣ церкви и при семъ случаѣ одинъ Игуменъ говорилъ рѣчь на Греческомъ языкѣ.

Послѣ того внесенъ онъ былъ въ церковь, и тамъ съ него сняты соболья шуба и шапка, положенъ въ саванѣ во гробъ и опущенъ въ пріуготовленное ему мѣсто.«

21. 6 числа Декабря Полковникъ Фабриціенъ, находившійся въ Галацахъ, имѣлъ дѣло съ пятитысячнымъ Турецкимъ отрядомъ, отбилъ у него двѣ пушки и взялъ нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ. 23 Декабря, Полковникъ Зоричъ (впослѣдствіи Флигель-Адъютантъ Императрицы, основатель существующаго нынѣ въ Москвѣ

Кадетскаго корпуса), сразился близъ Каушанъ съ четырьмя тысячами Татаръ, обратилъ ихъ въ бѣгство, гнался за ними до рѣки Элтухъ, разорилъ тамъ до трехъ тысячь Татарскихъ дворовъ и получилъ въ добычу 400 головъ рогатаго скота и 200 лошадей.

22. Императрица Екатерина повелѣла, возстановивъ эти два города, населить ихъ купцами и разнаго рода ремесленниками изъ тогдашнихъ Губерній Слободской, Воронежской и Новороссійской.

23. *См. Переписку Императрицы Екатерины II съ Вольтеромъ, часть I, письмо XXI.*

24. О назначеніи корпусовъ Берга и Медема см. сей части стр. 4.

25. Графъ Петръ Ивановичь Панинъ, родной братъ знаменитаго Министра и воспитателя Великаго Князя Цесаревича Павла Петровича, Графа Никиты Ивановича Панина.

26. *См. Журналъ Военныхъ Дѣйствій второй арміи, 1769 года.*

27. »Генералъ-Поручикъ Бергъ продолжалъ путь свой дорогою къ Сивашу, нашелъ невозможность идти далѣе съ войскомъ, по причинѣ, что степь была выжжена, корму для лошадей достать было не можно, а притомъ не было иной воды, кромѣ колодезной гнилой, вонючей и горькой, да и той недоставало для всѣхъ, что хотѣлъ было онъ однакожъ переправить чрезъ Сивашъ Калмыковъ; но что не можно было и того произвесть въ дѣйство за великими около топями и укрѣпленіемъ въ семъ мѣстѣ Крымскаго берега палисадомъ и батареею; и что онъ разсудилъ отступить оттуда опять къ Молочнымъ Водамъ, оставивъ при Сивашѣ Полковника Горбикова для разъѣздовъ и

отправивъ къ Перекопу однихъ только Калмыкъ и одъ предводительствомъ Владимірскаго полка Подполковника Борзова съ шестью орудіями.«

»Хотя корпусъ Генерала Берга и остановленъ невозможностью въ продолженіи своихъ дѣйствій; но одно приближеніе его къ Крыму произвело многія для насъ выгоды. Крымцы стѣснивъ отъ безкормицы весь скотъ ихъ въ своемъ полуостровѣ, причинили въ ономъ великой падежъ и недостатокъ. Земледѣльцы ихъ ушли въ горы и оставили хлѣбъ безъ присмотру, а отъ того и претерпѣваютъ тамъ великой голодъ.«

30. »Едва только настоящая война (1769) открылась, многіе изъ Кабардинскихъ владѣльцевъ не оставили засвидѣтельствовать о своемъ къ Ея Императорскому Величеству усердіи и просить чтобы приняты были со всѣмъ народомъ въ Высочайшее Ея Императорскаго Величества покровительство.«

»Генералъ-Маіоръ де Медемъ получилъ прошеніе отъ Абазинцевъ, называемыхъ Алты-кесекъ (шестиродные; собственно по Русски—шесть кусковъ) и живущихъ въ горахъ при вершинахъ рѣки Кубани о принятіи ихъ въ подданство Ея Императорскаго Величества. Потомъ слѣдуя Генералъ-Маіоръ къ рѣкѣ Кубани, встрѣтилъ отправленныхъ къ нему и отъ другаго Горскаго Народа, называемаго Башлыбайскаго и живущаго въ сосѣдствѣ съ Абазинцами, съ подобнымъ Абазинскому представленіемъ.« См. *Извѣстіе о командуемомъ Генералъ-Маіоромъ де Медемомъ корпусѣ и соединенномъ съ нимъ Калмыцкомъ войскѣ, 1769 года.*

31. См. *Санктпетербургскія Вѣдомости 1770 года, No 39-й.*

32. См. *Санктпетербург. Вѣдом. 1770 года, No 28.*

33. *Тамъ же No 46.*

34. »3 числа Января 1770 года, въ полдень началъ непріятель приближаться къ поставленнымъ отъ Генералъ-Маіора Подгоричани передовымъ пикетамъ, гдѣ скоро и перестрѣлка началась, что онъ усмотря, переправился тотчасъ съ тремя Гусарскими полками чрезъ рѣку Милку въ право, чтобы непріятеля аттаковать, или отрѣзать отъ рѣки Рыбны; а Генералъ-Маіоръ Потемкинъ съ двумя баталіонами пѣхоты и нѣсколькими пушками маршировалъ за нимъ вслѣдъ, но по весьма трудной переправѣ чрезъ ту рѣку не могъ довольно ускорить. Почему Г. Подгоричани пошелъ съ Гусарскимъ полкомъ къ рѣкѣ Рыбнѣ: ибо тамъ непріятель находился со всею своею силою; и хотя тутъ намѣренъ былъ обождать въ подкрѣпленіе пѣхоты: но увидя, что напротивъ того нѣкоторая часть конницы непріятельской перебравшись мимо его лѣваго фланга чрезъ рѣку Милку, начала съ той стороны перестрѣлку съ волонтерами и стала ихъ тѣснить даже до сдѣланныхъ баттарей подъ мѣстечкомъ Фокшанами, чрезъ что онъ со всѣми своими людьми могъ бы запертъ быть между двухъ рѣкъ, приказалъ гусарамъ, коихъ за многимъ въ разныя мѣста разкомандированіемъ не больше шести сотъ человѣкъ во фронтѣ находилось, аттаковать всю на сей сторонѣ рѣкѣ Рыбны бывшую Турецкую толпу, въ коей больше сорока знаменъ большихъ видно было. Едва увидѣлъ непріятель сію на себя аттаку, то вдругъ и обратился отъ Фокшанъ въ бѣгство подъ препровожденіемъ волонтеровъ, кои его до самой рѣки Рыбны гнали. У сей рѣки получилъ непріятель въ сикурсъ не

малое число конницы и пѣхоты, то и возобновилось тутъ опять великое сраженіе, которое до самой ночи продолжалось, и кончилось прогнаніемъ непріятеля.

»На другой день 4 числа поувѣдомленіи о переправѣ на сю сторону рѣки Милки непріятельской пѣхоты и конницы, Господа Генералъ-Маіоры Подгоричани и Потемкинъ согласились между собою перепустить его чрезъ оную и выступивъ въ тоже время изъ Фокшанъ, къ сдѣланнымъ впереди батгареямъ, первый съ гусарами, а второй со всею пѣхотою, построили тамъ три каре изъ послѣдней. Гусарскіе полки раздѣлены были по эскадронамъ и поставлены между каре и на обоихъ флангахъ; пѣхоты было 1550 чел., гусаръ до 700, да волонтеровъ и козаковъ 300; на баттареяхъ артиллеріею управлялъ Капитанъ Тищевъ. Непріятель, переправившись чрезъ рѣку, сдѣлалъ также на двухъ высотахъ баттареи и оставя ихъ на срединѣ фронта, протянулъ конницу на знатное разстояніе по обѣ стороны, а пѣхоту поставилъ позади оной. Увидѣвъ его движенія, пошли наши къ нему на встрѣчу; а подошедъ подъ выстрѣлы его баттарей, стали его атаковать. Непріятельская конница пустилась тогда съ великимъ стремленіемъ на стоящіе между кареями гусарскіе эскадроны и ихъ поворотила; однако перекрестными картечными выстрѣлами, по знатномъ уронѣ обращена въ бѣгство. Часть оной заѣхала позадь средняго каре и обступила задній его фасъ; а двѣ тысячи Янычаръ и Лазовъ весьма густою кучею и сильно напали въ тожъ время на передній и на правой, и такъ окружили было его со всѣхъ сторонъ; но пушечною и ружейною стрѣльбою были отбиты.

Въ тожъ самое время почти вся остальная непріятельская конница атаковала Ширванской полкъ, составляющій лѣвый каре, а поворотившіеся отъ середняго каре Янычары бросились на баталіонъ Полковника Удама, который составлялъ правый каре, и въ обоихъ мѣстахъ отбиты были. Потомъ Янычары атаковали еще средній каре, ворвались было въ оный и захватили одну пушку и ящикъ съ снарядами; но будучи встрѣчены штыками, артиллеріею и гусарами, принуждены были оныя оставить и отступить, наконецъ начали было они стрѣлять, подползывая иногда на брюхѣ. Господинъ Потемкинъ приказалъ тогда своему каре итти впередъ, производя пушечную пальбу. Другіе каре тоже сдѣлавъ совершили симъ движеніемъ побѣду, и непріятель побѣжалъ въ великою торопливостію за рѣку Милку.« — *См. Журналъ Военныхъ Дѣйствій первой арміи, 1770 года.*

35. *См. тамъ же.*

36. Съ сожалѣніемъ должно замѣтить, что Генералъ Христофоръ Ѳедоровичь Штофельнъ, прославившій имя свое примѣрнымъ мужествомъ, безкорыстіемъ и правотою, не щадилъ враговъ имъ побѣжденныхъ, обращалъ въ пепелъ селенія, имъ проходимыя. Это переходило даже границы общеупотребительнаго тогда образа войны. 26 Марта 1770 года, Императрица писала къ Румянцову »пожалуйте, уймите Штофельна. Истребленіе всѣхъ тамошнихъ мѣстъ ни ему лавръ не принесетъ, ни намъ барыша; наипаче, если то суть Христіанскія жилища.«

37. Въ Бухарестѣ, Бояре Волохскіе, обласканные Штофельномъ, »въ знакъ своего къ нему Г. Штофельну признанія, подносили ему тысячу червонныхъ; но

онъ ихъ, поблагодаря за сей подарокъ, отказался отъ принятія онаго и совѣтовалъ, чтобы тѣ деньги обратили они на гошпиталь, а наче для пользы раненыхъ при сраженіяхъ подъ Бухарестомъ и Журжею; и что онъ удовольствуется тѣмъ, какъ бы самъ ихъ принялъ.« — См. *Журналъ Военныхъ Дѣйствій первой арміи, 1770 года, мѣсяцъ Февраль.*

38. *См. Журналъ Военныхъ Дѣйствій 1770 года.*

39. *Тамъ же:* »Знаменъ только досталось восемь, и великое число оныхъ въ лоскутки изорвали грабившіе лагерь всякая сволочь и барскіе холопи, которымъ было время тѣмъ воспользоваться, какъ войски устремились гнать непріятеля и внѣ его лагеря. Безчетное множество палатокъ, провизіи, посуды, скота и разныхъ вещей, напослѣдокъ раздѣляли по себѣ войски до самой ночи.«

40. Графъ Румянцовъ за Ларгскую битву получилъ Орденъ Св. Великомученика Георгія, 11 числа Августа. Въ тотъ же день получили знаки этого ордена, второй степени: Генералъ-Поручики Племянниковъ, Князь Репнинъ и Боуръ; третьей: Генералъ-Маіоры Вейсманъ, Замятнинъ, Гротенгельмъ, Потемкинъ, Князь Трубецкой и Бригадиры Гудовичь и Ржевскій; четвертой степени: Полковникъ Сатинъ, и Подполковники Фалкеншильдъ, Графъ Воронцовъ, Елчаниновъ, Князь Меньшиковъ, Нейбушъ, Нейтлингъ, Баронъ Розенъ и Преміеръ-Маіоръ Кинлохъ. Это были первые Кавалеры Ордена Св. Георгія.

41. *См. Журналъ Военныхъ Дѣйствій 1770 года.*

42. »Донскіе Казаки Иловайскаго полку первые взяли отвагу въ нынѣшнюю кампанію напускать смѣло противъ рыцарей Турецкихъ изъ всѣхъ нашихъ легкихъ войскъ.« *См. тамъ же.*

43. *Тамъ же.*

44.» Непріятельскій уронъ считать мы должны по крайней мѣрѣ до двадцати тысячь, хотя плѣнные изъ за Дуная послѣ пришедшіе увѣряли заподлинно, что Турки чувствуютъ оный въ сорока тысячахъ.»

»Остатокъ древнихъ Янычаръ и Спаговъ тутъ совершенно погибъ; изъ тѣхъ кои надмѣру твердо держались въ ретраншаментѣ не ушла ни одна нога.« *Тамъ же.*

45. *См. Журналъ Военныхъ дѣйствій 1770 года мѣсяцъ Іюль.*

46. Къ Князю Репнину, находившемуся въ Измаилѣ явились нѣсколько жителей Киліи съ письмомъ, отъ всѣхъ своихъ единовѣрцовъ Христіанъ, слѣдующаго содержанія: »Желаемъ здоровья нашей Великой Государынѣ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Знайте, что Турки ушли, а наши Христіане вооружились и теперь всѣ въ совершенномъ согласіи Васъ ожидаемъ. Знайте еще Государь! что въ Киліи Турокъ нѣтъ, ежели что и есть, такъ не болѣе ста человѣкъ; Армянъ же и Христіанъ есть довольно. Паша, который здѣсь былъ, ушолъ и Турокъ нѣтъ; желаемъ здравія. Аминь.«

Содержаніе этого письма было справедливо; Турки, во время взятія Измаила дѣйствительно вышли было въ Аккерманъ; но не дойдя до этой крѣпости возвратились въ Килію.

47. *См. Журналъ Воен. Дѣйст. 1770 г. мѣс. Августъ.*

48. *См. тамъ же.*

49. а) »Сей крѣпости Турецкія войски и обыватели будутъ отпущены и выдутъ съ честію, взявъ съ собой свое ружье, свои имѣнія и фамиліи, чего никто препятствовать не будетъ и отвезены будутъ всѣ въ Тулчу; путь же свой свободно продолжать станутъ.«

б) Какъ находящихся здѣсь судовъ не довольно, чтобъ всѣхъ вдругъ перевезть, то при отъѣздѣ перваго транспорта судовъ, крѣпость мнѣ (Репнину) отдана будетъ съ артиллеріею и припасами.

в) Съ своей стороны Турки должны мнѣ всѣ суда и съ людьми изъ Тулчи не задерживая ни одного возвратить.

г) Если послѣ Турковъ лошади останутся по возвращеніи судовъ, оныя на оныхъ въ Тулчу доставлены будутъ, подъ кондиціею постановленною въ пунктѣ третьемъ.

д) Аманаты находящіеся при мнѣ отправлены будутъ послѣдніе.

См. Капитуляцію, аккордованную гарнизону Килійскому.

50. Эта капитуляція подобна Килійской.

51. На приступѣ Браилова убито 491 человѣкъ, и въ томъ числѣ Оберъ-Офицеровъ 9; ранено 1340 человѣкъ, въ томъ числѣ Штабъ-и Оберъ-Офицеровъ 58, изъ коихъ 19 Офицеровъ умерли отъ ранъ на другой день приступа.

52. *См. Журналъ осады Бендеръ.* Съ начала осады Бендеръ до 12 Августа, въ которое главнокомандующій приказалъ сберегать заряды, сдѣлано по крѣпости около двадцати тысячь выстрѣловъ.

53. Усиленный горнъ былъ до сихъ поръ употребленъ только три раза: при осадѣ Швейдница въ 1762 году, подъ Бендерами и въ послѣднюю Турецкую войну въ 1828 году, подъ Браиловымъ. Обыкновенный подкопъ лишь разоряетъ укрѣпленіе; усиленный же горнъ предназначается для поднятія контръ-эскарпа, который долженъ, заваливъ ровъ, сдѣлать родъ моста для перехода осаждающихъ.

54. Изъ Журнала Военныхъ Дѣйствій второй арміи, въ 1770 году видно, что главную цѣль этихъ двухъ корпусовъ составляло наблюденіе надъ нѣсколькими Татарскими Ордами, изъявившими желаніе вступить въ подданство Россіи и приславшими въ лагерь главнокомандовавшаго аманатовъ и между тѣмъ еще не прерывавшими рѣшительно сношеній съ Турками.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ Князь Прозоровскій отбилъ у непріятеля »Волоховъ 5000, Раскольниковъ 202, Жидовъ 24, Цыганъ 153; скота рогатаго 5065, овецъ 10580 и лошадей 586.«

55. Генералъ-Маіоръ де Медемъ выступилъ въ 1770 году въ походъ въ Августѣ мѣсяцѣ »причиною тому были Чеченскіе Татары, издавна подданные Россіи и близъ границъ въ горахъ обитавшіе; часть ихъ пользуясь отбытіемъ въ прошломъ году войскъ на Кубань, поползнулась на многія продерзости.« 26 Октября Медемъ расположилъ свой корпусъ на зимнихъ квартирахъ, близъ Моздока.

См. О дѣйствіяхъ въ 1770 году корпуса подъ предвод. Г. М. де Медема.

56. По прибытіи въ Санктпетербургъ Графъ Алексѣй Григорьевичь былъ награжденъ Орденомъ Св. Георгія 1-го класса. Императрица повелѣла, сверхъ того, учредить празднество, по случаю Чесменской побѣды. Оно происходило 15 Сентября 1770 года. Императрица, въ сопровожденіи всего Двора, изволила въ этотъ день прибыть въ Петропавловскую Соборную церковь и слушать тамъ литургію. Полагая побѣду при Чесмѣ слѣдствіемъ попеченій Петра Великаго о Русскомъ флотѣ, Екатерина повелѣла во время благодарственнаго молебствія преклонить ко гробу Преобразователя Россіи знамена, взятыя нашими войсками во время войны съ Турками, и собственноручно, при низкомъ поклонѣ, повергла ко гробу Монарха Турецкій флагъ. Сверхъ того при гробѣ поставлена была колонна съ изображеніями побѣдъ Петра I и Екатерины II. Молебствіе совершалъ Преосвященный Архіепископъ Платонъ, бывшій впослѣдствіи Митрополитомъ Московскимъ. Сказанное имъ при этомъ случаѣ слово извѣстно всѣмъ любителямъ изящныхъ произведеній нашего Златоуста. День торжествованія побѣды при Чесмѣ былъ днемъ различныхъ празднествъ и увеселеній въ цѣлой Россіи. Указомъ Сентября 23, 1770 года Графу Орлову дозволено употреблять во всю жизнь Кейзеръ-флагъ и внести его въ свой гербъ.

Въ 1771 году, 24 Іюня Адмиральтействъ-Коллегія праздновала воспоминаніе Чесменской битвы; послѣ молебствія, совершеннаго въ Морской Богоявленія Го-

сподия церкви, Членамъ Святѣйшаго Сѵнода, Сенаторамъ, Членамъ Государственныхъ Коллегій и Дипломатическаго корпуса и прочимъ особамъ, участвовавшимъ въ празднествѣ, розданы были отъ Государственной Адмиральтействъ - Коллегіи медали. На одной сторонѣ медали изображенъ портретъ Чесменскаго побѣдителя, съ надписью вокругъ: »*Графъ Алексѣй Григорьевичь Орловъ, побѣдитель и истребитель Турецкаго флота;*« на другой сторонѣ изображено сраженіе 24 числа и сожженіе Турецкаго флота, съ надписью вокругъ: »*И бысть Россіи радость и веселіе*« Внизу: »*Чесма Іюня 24 и 26, 1770 года.*« Въ самомъ низу, подъ чертою: »*Въ благодарность побѣдителю отъ Адмирильтействъ-Коллегіи.*«

57. См. примѣч. 78 въ части первой.

58. Князь Василій Михайловичь Долгорукій былъ сынъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и Сенатора Князя Михайлы Владиміровича, родился 1 Іюля 1722 года. Тринадцати лѣтъ вступилъ онъ въ дѣйствительную службу солдатомъ, участвовалъ во взятіи Перекопскихъ укрѣпленій Минихомъ и собственными заслугами (Долгорукіе были тогда въ опалѣ) пріобрѣлъ въ 1737 году Офицерскій чинъ, находился при штурмѣ Очакова; былъ Генеральсъ-Адьютантомъ у роднаго дяди своего, Генералъ-Фельдмаршала Князя Василія Владиміровича Долгорукаго и получилъ, въ чинѣ Полковника, начальство надъ Тобольскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Въ 1748 году находился въ корпусѣ Князя Репнина, отправленномъ на помощь Маріи Терезіи. Во время Семилѣтней войны участвовалъ во всѣхъ славныхъ для Россіи битвахъ и въ 1758 году

получилъ подъ Кистринымъ тяжелую рану. Примѣрная храбрость доставила ему чинъ Генералъ-Поручика и Орденъ Св. Александра Невскаго. Екатерина II при вступленіи на престолъ произвела Князя В. М. Долгорукаго въ Генералъ-Аншефы и въ 1767 пожаловала его Кавалеромъ Ордена Св. Андрея Первозваннаго. До полученія начальства надъ Крымскою арміею Долгорукій находился подъ знаменами Голицына и Румянцова.

Императрица Екатерина II достойно цѣнила заслуги Князя Василія Михайловича. 17 Іюля 1771 года Она собственноручно писала къ нему:« Вчерашній день обрадована Я была вашими вѣстниками, кои пріѣхали другъ за другомъ слѣдующимъ образомъ. На разсвѣтѣ конной гвардіи Секундъ-Ротмистръ Князь Иванъ Одоевскій съ извѣстіемъ о взятіи Кафы, въ полдень Гвардіи-Подпоручикъ Щербининъ съ занятіемъ Керчи и Еникуля, а предъ захожденіемъ солнца Артиллеріи-Поручикъ Семеновъ съ ключами всѣхъ сихъ мѣстъ и съ вашими письмами. Первымъ долгомъ Я почла принесть Всевышнему за столь многія его щедроты со всѣмъ народомъ колѣнопреклонное благодареніе въ здѣшнемъ Петропавловскомъ Соборѣ, что исполнено сего утра съ пушечною пальбою, а за обѣденнымъ кушаньемъ пили мы ваше и всѣхъ храбрыхъ при васъ находящихся людей, виновниковъ сегодняшней общей радости здоровье, съ пушечною пальбою же. Признаюсь, что хотя Кафа и великъ городъ и портъ морской, но Еникуль и Керчь открываютъ входъ Г. Синявину въ этотъ портъ и для того они много меня обрадовали. Благадарствую вамъ и за то, что вы

не оставили дать Мнѣ знать, что вы уже подняли Россійской флагъ на Черномъ морѣ, гдѣ давно не показывался, а нынѣ вѣетъ на тѣхъ судахъ, кои непріятель противу насъ употребить хотѣлъ, и трудами вашими изъ рукъ его исторгнуты. Человѣкъ въ свѣтѣ разпоряжаетъ, и Богъ одинъ опредѣляетъ чему быть. Онъ благословилъ всѣ ваши предпріятія счастливыми успѣхами, вы же съ своей стороны ничего не пропустили и не проронили, что только могло споспѣшествовать самому дѣлу, и усердіе, искуство ваше увѣнчаны. Вы достигли своего предмета, отечеству сдѣлали пользу пріобрѣтеніемъ Крыма въ весьма короткое время, а себѣ пріобрѣли славу. Вы знаете, что по статуту военнаго ордена Св. Георгія оной вамъ принадлежитъ и для того посылаю вамъ крестъ и звѣзду перваго класса, которые имѣете на себя возложить и носить по установленію. На починки же вашего экипажа приказала въ домъ вашъ отпустить шестьдесятъ тысячь рублей. Сына вашего Князя Василія поздравьте отъ Меня Полковникомъ. Примѣтна Мнѣ стала изъ писемъ вашихъ, ваша персональная ко Мнѣ любовь и привязанность; и для того стала размышлять—чѣмъ бы Я при нынѣшнемъ случаѣ могла сдѣлать съ моей стороны пріязнь. Портрета Моего въ Крыму нѣтъ; но вы его найдете въ табакеркѣ, кою присемъ вамъ посылаю; прошу ее носить, ибо Я ее къ вамъ посылаю на память отъ добраго сердца. Всѣмъ при васъ находящимся скажите Мое удовольствіе; Я не оставлю рекомендованныхъ отъ васъ наградить, о чемъ уже отъ Меня повелѣніе дано. Впрочемъ будьте увѣренны, что все вами здѣланное служитъ къ отмѣнному Моему удовольствію и Я остаюсь, какъ и всегда къ вамъ добродѣтельна *Екатерина*«

29 Сентября 1771 года Императрица писала еще къ Князю Василію Михайловичу »Мнѣ занадобилось послать въ Швецію,—съ поздравленіемъ новаго Короля съ возшествіемъ на престолъ,—*Полковника.*« Къ чему Я назначила вашего меньшаго сына; и проч.

Слѣдствіемъ завоеваній Князя Долгорукаго въ Крыму былъ отдѣльный мирный и союзный трактатъ между Россіею и Ханствомъ Крымскимъ, заключенный Января 29, 1773 года. Этимъ трактатомъ, состоящимъ изъ 14 статей, признана независимость Татаръ, удержаны Россіею Керчь и Эникале. Русскіе войска положено вывести изъ Крыма по окончаніи войны въ Портою. Трактатъ подписанъ, Генералъ-Поручикомъ Щербининымъ, самимъ Ханомъ Сагибъ-Гиреемъ и уполномоченными отъ Татарскихъ Обществъ Крымскаго и Нагайскаго (т. е. отъ Ордъ Эдишкульской, Эдишанской, Буджатской и Джембуйлуцкой).

59. См. *Histoire de la révolution d'Aly-Bey.* 1773. Али-Бей разбитъ Турецкою арміею 7 Маія, 1773 года, взятъ въ плѣнъ и въ томъ же году посаженъ на колъ.

60. Въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1770 года, №№ 24, 28, 39 и 46, находится нѣсколько статей, въ коихъ изображено худое состояніе Турецкой арміи, описаны возмущенія Константинопольской черни при извѣстіяхъ о побѣдахъ, одержанныхъ Рускими, и средства, употребленныя Диваномъ для прекращенія народнаго волненія. Статьи эти напечатанны тогда съ дозволенія Правительства. Любопытствующіе могутъ прочесть ихъ въ показанныхъ нами N.No.

61. См. переписку Императрицы Екатерины II съ Вольтеромъ письмо XLIX.

62. См. въ Oeuvres Posthumes de Frederic II. Memoires de 1763 jusqu'à 1775. Berlin, 1788 T. V. p. 54.

63. Императрица дозволила ему, однакоже, принять дипломъ на Княжеское достоинство Римской Имперіи и повелѣла производить получаемое имъ жалованье. Орловъ жилъ нѣсколько времяни въ Парижѣ, удивлялъ всѣхъ своимъ богатствомъ и чрезъ нѣсколько времени возвратился къ Петербургъ, вступилъ по прежнему въ отправленіе должностей Генералъ-Адъютанта и Генералъ-Фельдцейхмейстера — и снова оставилъ Петербургъ, гдѣ Потемкинъ отличался предъ Царедворцами.

64. Собственныя слова Графа Румянцова. См. Переписку Императрицы Екатерины II съ Графомъ Румянцовымъ. Москва 1808.

65. О Военныхъ дѣйствіяхъ Суворова см. въ жизнеописаніи его, подъ заглавіемъ »*Побѣды Князя Италійскаго.*« Москва 1815 года.

66. См. *Переписку Императрицы Екатерины II съ Графомъ Румянцовымъ.* Письмо отъ 30 Іюня 1773 года.

67. См. тамъ же письмо отъ 8 Сентября 1773 года.

68. Довольно подробное и обстоятельное описаніе дѣйствій Русскаго флота въ Средиземномъ морѣ, въ первую Турецкую войну при Императрицѣ Екатеринѣ II, находится *въ жизни Г. Алексѣя Григорьевича Орлова. Соч. С. Ушакова, С. Петербургъ 1811.*

69. *См. Переписку Императрицы Екатерины II съ Графомъ Румянцовымъ*, письмо отъ 11 Іюля 1774 года.

70. Князь Николай Васильевичъ, какъ мы уже замѣтили, послѣ потери Журжи удалился за границу и пробылъ тамъ до 1774 года. Возвратясь оттуда, онъ находился при облежаніи Силистріи.

71. Двадцать седьмою статьею Кучукъ-Кайнарджійскаго договора положено было отъ обѣихъ договаривавшихся Имперій отправить Чрезвычайныхъ Пословъ для торжественнаго размѣна ратификацій. Императрица назначила для этого Князя Н. В. Репнина; въ половинѣ 1775 года онъ отправился въ путь. Свита Чрезвычайнаго Посла состояла изъ пяти сотъ человѣкъ. При немъ находились гусарскіе и кирасирскіе трубачи и литаврщики, пѣхотные музыканты; отряды гусарскій, кирасирскій и пѣхотный; тридцать шесть лакеевъ въ придворной ливреѣ, четыре егеря, двѣнадцать пѣвчихъ, тринадцать офиціантовъ, шесть гайдуковъ, восемь скороходовъ, шесть гренадеръ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка, шесть пажей, лекарь, докторъ, двѣнадцать Греческихъ Офицеровъ, четырнадцать студентовъ и переводчиковъ, восьмнадцать Оберъ-Офицеровъ, четыре Штабъ-Офицера, десять Дворянъ Посольства, два Секретаря и Маршалъ-Посольства.

3 Октября Прусскій Министръ, Г. Зегенинъ встрѣтилъ Князя Репнина на дорогѣ, за нѣсколько верстъ отъ Константинополя; 5 Октября Посолъ Императрицы Екатерины имѣлъ въѣздъ въ столицу Турецкой Имперіи Адріанопольскими воротами, на богато-

убранной лошади высланной ему Султаномъ, съ разпущенными знаменами, музыкою и барабаннымъ боемъ. Въ Перу прибылъ онъ въ семь часовъ вечеромъ, съ зажженными факелами и одинъ только въѣхалъ на дворъ; сопровождавшие его Турки вошли туда пѣшие. 7 Октября Князь Николай Васильевичь известилъ иностранныхъ пословъ (пребывавшихъ въ Константинополѣ: Французск., Маркиза де Сент Приеста; Венеціанск., Градениго; Голланд., Вейлера; Римско-Императорск., Тугута; Прусскаго, Зегелина; Шведскаго Цельсинга) о своемъ пріѣздѣ, чрезъ Кавалеровъ Посольства, и Министровъ чрезъ Офицеровъ. Они немедленно прислали къ нему Секретарей Посольства съ поздравленіемъ и вслѣдъ за ними сами посѣтили его. Послѣ обѣда, въ тотъ же день пріѣхали къ Княгинѣ Репниной супруги Французскаго, Венеціанскаго и Прусскаго Пословъ. 8 Октября, Князь, въ сопровожденіи свиты своей отдалъ визиты предъ обѣдомъ Посламъ, послѣ обѣда, Посланникамъ.

По предварительному сношенію Князь Репнинъ былъ 28 Ноября, у Визиря. Онъ подъѣхалъ къ самому крыльцу и былъ встрѣченъ переводчикомъ Порты, который, вмѣстѣ съ Чаушляръ-Эминіемъ и Чаушляръ-Кіатибіемъ, предшествовалъ ему въ пріемную залу. Къ нимъ присоединился на крыльцѣ первый Церемоніймейстеръ Султана. Вступя въ залу, Посоль не много пріостановился, не видя Визиря, который однакожъ вошелъ туда. Посолъ и Визирь, поклонясь другъ другу, пошли къ назначеннымъ мѣстамъ. Князь Репнинъ вручилъ Визирю грамоту Ея Величества, которую онъ принялъ стоя и положилъ на подушку возлѣ себя. Послѣ этого

го Визирь сѣлъ на софу, Князь Репнинъ, въ тоже самое время, на кресла противъ него. Послѣ обыкновенныхъ, въ восточномъ вкусѣ, привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, Посолъ произнесъ рѣчь, въ которой, объявивъ Визирю причину своего Посольства, просилъ исходатайствовать ему у Султана аудіенцію. Драгоманъ Порты перевелъ эту рѣчь и Визирь отвѣтствовалъ »что онъ съ своей стороны, желая утвердить и сохранить блаженный миръ, приложитъ къ достиженію сей цѣли совершенное попеченіе и трудъ; ощущаетъ истинное удовольствіе въ томъ, что выборъ Посольства палъ на особу, въ коей обитаютъ способность и прилежаніе къ общимъ интересамъ обѣихъ Имперій.« Послѣ этого поднесли, въ одно время Послу и Визирю, конфекты, кофе, шербетъ, розовую воду для умыванья и куренье. То же подносили и чиновникамъ свиты, кромѣ куренья и розовой воды. Потомъ подали Послу крытую парчею соболью шубу, которую онъ надѣлъ на себя, не вставая съ креселъ; надѣли шубы, собольи лапчатыя, крытыя сукномъ и опушенныя соболемъ, на повѣреннаго въ дѣлахъ Г. Петерсона, на Маршала Посольства и на двухъ Секретарей. Десять Кавалеровъ Посольства получили горностаевыя шубы, крытыя камлотомъ, а свитѣ посольской раздано сто кафтановъ. 29 числа, Князь Репнинъ отправилъ подарки къ Визирю, къ его Кегаю и къ Рейсъ-Эфендію. 30 числа отнесены подарки Султану. 1 Декабря Посолъ имѣлъ у него аудіенцію: доѣхавъ до вторыхъ воротъ сераля Репнинъ сошелъ съ лошади и былъ встрѣченъ переводчикомъ Порты. Вмѣсто того, чтобы дожидаться на лавкѣ у этихъ воротъ, подобно другимъ посламъ, Князь Репнинъ былъ введенъ въ аванъ-

залу караульнымъ Капиджи-Башіевъ, убранную нарочно софами. Тутъ-угощали его Чаушъ-Баши и переводчикъ Порты. Вступивъ въ Диванъ въ одно время съ Визиремъ, Посолъ сѣлъ на табуретѣ, поставленномъ противъ визирскаго мѣста. Визирь мѣшкалъ просить Посла на Нисанджинскую лавку и Князь Репнинъ объявилъ чрезъ переводчика »*что онъ самъ туда перейдетъ, если еще замѣдлятъ его пригласить.* »Желаніе Россійскаго Посла тотчасъ было исполнено. Онъ сѣлъ посреди лавки, по правую сторону Нисанджія. Начался судъ и чрезъ полчаса Визирь послалъ Рейсъ Эфендія съ письменнымъ докладомъ къ Султану о допущеніи Посла на аудіенцію.

Съ Визиремъ обѣдалъ въ тотъ день одинъ только Посолъ: въ это время Высочайшая Грамата была держана попеременно Дворянами Посольства. Во время шествія изъ Дивана въ Тронную, на половинѣ дороги, не доходя до послѣднихъ Серальскихъ воротъ, на Князя Репнина надѣта была соболья шуба, крытая парчею; на Маршала и Секретарей горностаевыя, свитѣ роздано сто кафтановъ. Просидѣвъ у входа въ Тронную на лавкѣ, съ четверть часа, между тѣмъ какъ Визирь былъ у Султана, Посолъ былъ введенъ къ Султану двумя Капиджи-Башіями въ сопровожденіи шестнадцати Чиновниковъ и въ предшествованіи переводчика Порты. Сдѣлавъ три поклона, Князь Репнинъ произнесъ рѣчь и поднесъ кредитивную грамоту, которую принялъ Капитанъ-Паша и передалъ Визирю. Визирь положилъ ее возлѣ Султана. Переводчикъ Порты перевелъ рѣчь Посла и Султанъ сказалъ громко нѣсколько словъ Визирю, который отвѣтствовалъ Кня-

зю Репнину »что его Императорское Величество, прибѣжище свѣта, повелѣлъ мнѣ возвѣстить Вамъ, что есть Его Императорская воля, дабы мирный трактатъ, заключенный между его Имперіею и Имперіею Россійскою былъ навсегда сохраняемъ и исполняемъ.« Когда переводчикъ перевелъ эти слова, Посолъ поклонясь Султану, вышелъ изъ аудіенцъ залы со всею свитою, и вышелъ изъ сераля съ наблюденіемъ обычнаго церемоніала. 1776 года 28 Января Князь Репнинъ обѣдалъ у Визиря въ пріемныхъ покояхъ Султана. Послѣ обѣда принесли Послу и Визирю шербетъ и окуриваніе; надѣли на Князя Репнина соболью шубу, крытую сукномъ и положили въ карманъ три платка, въ которыхъ завернуты были золотые часы съ алмазами. Вслѣдъ за тѣмъ угощали Посла обѣденными столами Капитанъ-Паша, Визирскій Кегая, Янычаръ-Ага, Тефтердарь и Рейсъ-Эфенди. 29 Марта Посолъ имѣлъ отпускную аудіенцію у Султана, 31 простился съ Визиремъ и 13 Апрѣля выѣхалъ изъ Перы. *См. Описаніе Рос. Посольства въ Константинополь. Изд. 1777 года.*

72. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько статей этого Манифеста, какъ свидѣтельство отмѣненія податей и нѣкоторыхъ монополій, существовавшихъ до Императрицы Екатерины II.

Для народнаго облегченія, Всемилостивѣйше повелѣваемъ отрѣшить нижеслѣдующіе сборы, съ давнихъ временъ установленные, иные повсюду, иные же мѣстами, а имянно:

а). Гдѣ въ Имперіи есть, или собирается сборъ со стругового и лодочнаго караула, и для того выби-

раются изъ купечества люди, то повелѣваемъ для того сборщиковъ не выбирать и не приставлять, и со струговъ и лодокъ сбора не собирать и не платить.

б). Въ Иркутской Губерніи нерпичьи, или тюленьи въ округъ всего Байкала промыслы на откупъ отдаются, который откупъ ничто иное есть, какъ монополія, и для того повелѣваемъ оный откупъ оставить, и впредь быть нерпичьимъ и тюленьимъ промысламъ по Байкалу въ вольной ловлѣ и торговлѣ безъ платежа въ казну.

в). Также отрѣшаемъ въ Вятской провинціи откупъ съ каменнаго жерноваго задѣлья, и дозволяемъ дѣлать каменные жерновы по всюду, кому угодно.

г). Гдѣ въ которой Области Имперіи Нашей запрещено которому селенію, или народу имѣть кузницы, или заводить кузнечныя работы, чрезъ сіе Всемилостивѣйше снимаемъ подобное запрещеніе, и дозволяемъ, не смотря на роды и поколѣнія тѣхъ селеній, имѣть имъ кузницы, и прозводить всякаго рода кузнечную работу безъ всякаго изъятія вещей, ими торговать, продавать, промышлять и покупать желѣзо, такъ и изъ желѣза сдѣланныя всякія вещи какого бы званія ни были.

д). Гдѣ въ которой Области Имперіи Нашей состоитъ запрещеніе вступать въ бракъ безъ дозволенія Губернатора или Градоначальника, и за таковое дозволеніе собирается сборъ, или деньгами, или скотомъ, чрезъ сіе Всемилостивѣйше отрѣшаемъ таковое запрещеніе и сборъ, и дозволяемъ всякому роду

и поколѣнію людей вступать въ бракъ безъ подобнаго дозволенія и платежа.

е). Также отрѣшаемъ сборъ въ Верхотурьѣ съ кузницъ, гдѣ дѣлаются серебряныя вещи, онаго впредь не сбирать и не платить.

ж). Отрѣшаемъ въ Илимскѣ сборъ съ точильнаго камня и повелѣваемъ онаго впредь не сбирать и не платить.

з). Отрѣшаемъ въ городѣ Вагѣ сборъ полоняничныхъ денегъ, и повелѣваемъ онаго впредь не сбирать и не платить.

и). Отрѣшаемъ, гдѣ еще есть сборъ съ бортеваго или пчельнаго угодья, повелѣваемъ впредь онаго не сбирать и не платить.

і). Отрѣшаемъ, гдѣ есть сборъ съ квасныхъ кадей, и повелѣваемъ онаго впредь не сбирать и не платить.

к). Отрѣшаемъ сборъ съ соляныхъ вольнопромышленничьихъ варницъ и повелѣваемъ онаго впредь не сбирать и не платить.

л). Отрѣшаемъ въ С. Петербургѣ сборъ поземельный съ лавокъ, амбаровъ, харчевень и шалашей, и повелѣваемъ онаго впредь не сбирать и не платить.

м). Отрѣшаемъ сборъ или оброкъ съ красильнаго промысла, и повелѣваемъ онаго впредь не сбирать и не платить.

н). Отрѣшаемъ сборъ или оброкъ съ воскобойныхъ промысловъ, и повелѣваемъ онаго впредь не сбирать и не платить.

о). Отрѣшаемъ сборъ или оброкъ съ кожевенныхъ и овчинныхъ промысловъ, и повелѣваемъ онаго впредь не сбирать и не платить.

п). Отрѣшаемъ сборъ или оброкъ съ мыльныхъ промысловъ и повелѣваемъ онаго впредь не сбирать и не платить.

р). Отрѣшаемъ сборъ или оброкъ съ звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, и повелѣваемъ онаго впредь не сбирать и не платить.

с). Отрѣшаемъ сборъ или оброкъ съ масличнаго промысла, и повелѣваемъ онаго впредь не сбирать и не платить.

т). Отрѣшаема сборъ или оброкъ съ салотопенъ, и повелѣваемъ онаго впредь не сбирать и не платить.

у). Отрѣшаемъ сборъ или оброкъ съ хмѣлеваго и солодовеннаго промысла, и повелѣваемъ онаго впредь не сбирать и не платить.

ф). Отрѣшаемъ сборъ или оброкъ съ амбаровъ, амшениковъ, кирпичныхъ сараевъ, съ шалашей съ балагановъ, съ харчевенъ, съ скамей, съ полковъ, съ кузницъ, съ постоялыхъ дворовъ, съ умётовъ, съ зимовей, съ бритовныхъ избъ, съ избъ же отдаваемыхъ во время ярмонокъ и съ юртовъ, и повелѣвамъ онаго впредь не сбирать и не платить.

х). Отрѣшаемъ сборъ съ духовныхъ и завѣщательныхъ писемъ, и повелѣваемъ онаго впредь не сбирать, и не платить.

ц). Отрѣшаемъ сборъ съ домовыхъ банъ въ городахъ, и уѣздахъ съ помѣщиковъ и вотчинниковъ и всякаго чина и званія людей, и повелѣваемъ онаго впредь не сбирать и не платить.

ч). Отрѣшаемъ сборъ съ мѣльницъ владѣльческихъ и повелѣваемъ онаго впредь не сбирать и не платить.

ш). По Указамъ 1727 и 1762 годовъ утверждено, чтобы рыбнымъ ловлямъ, кои состоятъ за владѣльцами и Государственными Дворцовыми и Економическими крестьянами, быть за ними вѣчно безъ перекупки; но тогда не изключены они изъ оброка, который на нихъ до того состоялъ; нынѣ же Всемилостивѣйше отрѣшаемъ платежъ, сборъ или оброкъ за тѣ рыбныя ловли, и повелѣваемъ онаго съ нихъ впредь не сбирать, и онаго не имѣютъ платить.

75. На Потирѣ и Дискосѣ находится слѣдующая надпись: »Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская, возсылая Всемогущему Богу усерднѣйшія благодарственныя свои моленія за дарованныя Ея Величеству надъ Оттоманскою Портою побѣды, а послѣ оныхъ славный и полезный Россіи миръ, соизволила сіи Сосуды посвятить во Святый Первопрестольный Россіи Храмъ Пресвятыя Богоматери Честнаго Ея Успѣнія и поставить собственною Ея Высочайшею Особою на Святомъ того Храма Жертвенникѣ.«

74. Нынѣ дворецъ этотъ принадлежитъ частному лицу.

75. Желающіе читать рѣчь и отвѣтъ на нее могутъ найти ихъ *въ дѣяніяхъ Императрицы Екатерины II, соч. Колотова.*

76. Императрица, желая отличить Румянцова написала собственноручно предъ словомъ Генералъ-Фельдмаршалъ—*Господинъ.*

77. На другой сторонѣ этой медали изображенъ портретъ, съ надписью вокругъ »*Графъ Петръ Александровичь Румянцовъ, Генералъ-Фельдмаршалъ*« на другой сторонѣ изображенъ воинъ, полагающій свое оружіе и держащій въ рукѣ масличную вѣтвь; надпись вокругъ: »*побѣдителю и примирителю*;« внизу: »*10 Іюля, 1774 года.*«

78. Помѣщаемъ здѣсь описаніе празднествъ по случаю заключенія мира съ Портою:

Іюля 12 числа въ Воскресенье поутру, отправлялось въ комнатѣ Ея Императорскаго Величества всенощное бдѣніе, а въ 11 часу имѣли пріѣздъ ко Двору знатныя обоего пола Особы; Дамы въ робахъ, а Кавалеры, какъ равно и Иностранные Министры въ обыкновенномъ цвѣтномъ платьѣ. Тогда Императрица призвавъ во внутреннія комнаты Статсъ-Даму Графиню Марью Андрѣевну Румянцову, соизволила Всемилостивѣйше возложить на нее Орденъ Св. Екатерины, а на Генералъ-Маіора Графа Михайла Румянцова Орденъ Святаго Александра Невскаго. Въ вечеру былъ балъ въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Вы-

сочествъ и продолжался до 9 часовъ, а послѣ бала ужинъ по билетамъ за фигурными столами на 162 кувертахъ, для особъ обоего пола первыхъ пяти классовъ, какъ равно и для Иностранныхъ Министровъ. Во время стола была Италіанская вокальная и инструментальная музыка. Домы въ городѣ въ тотъ вечеръ были также иллюминованы.

Въ четвертый день Іюля 13 числа въ понедѣльникъ отдохновеніе, а съ онаго числа, по причинѣ приключившейся Ея Величеству болѣзни, продолженіе торжества было отложено до 21 числа.

Въ пятый день торжества 21 Іюля, во вторникъ по утру въ 10 часовъ, къ Ея Императорскому Величеству во внутреннія комнаты прибылъ Его Императорское Высочество, и спустя нѣсколько времени Государыня Императрица съ Его Высочествомъ, съ Фрейлинами и придворными Кавалерами соизволила шествовать въ парадномъ экипажѣ на Ходынку слѣдующимъ образомъ.

1. Полицейскій Оберъ-Офицеръ верхомъ, и при немъ четыре казака верхами же.

2. Дворцовыя кареты цугами, въ которыхъ сидѣли дежурные Кавалеры Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества.

3. Сорокъ пикинеровъ верхами по сторонамъ дороги.

4. Сталмейстеръ Ея Императорскаго Величества верхомъ.

5. Карета, въ которой Ея Императорское Величество изволила сидѣть съ Его Императорскимъ Вы-

сочествомъ. Подлѣ сей кареты ѣхали верхами дежурный Генералъ-Адьютантъ, два Камеръ-Пажа и одинъ Гофъ-Фурьеръ.

6. Конвой Лейбъ-Гусаръ, съ Офицерами ихъ.

7. Дворцовыя кареты цугами, въ которыхъ сидѣли Фрейлины Ея Величества.

По Высочайшемъ прибытіи Государыни на Ходынку, при самомъ въѣздѣ въ оную отъ стоящихъ въ строю Лейбъ-Гренадерскаго и третьяго Гренадерскаго полковъ отдана честь ружьемъ, съ приклоненіемъ знаменъ, съ музыкою и барабаннымъ боемъ; а какъ Ея Императорское Величество съ Его Высочествомъ изволили прибыть къ крыльцу средней залы, то началась пушечная пальба и играніе на трубахъ и литаврахъ.

При выходѣ изъ кареты, Императрица и Его Высочество были встрѣчены Членами Святѣйшаго Сунода и прочимъ духовенствомъ и первыхъ пяти классовъ обоего пола особами, какъ равно и Иностранными Министрами, которые принеся поздравленіе, послѣдовали за Ея Величествомъ въ залу.

За симъ по учиненному изъ двухъ пушекъ сигналу открыты были народу жареные быки, на устроенныхъ для того пирамидахъ, а изъ фонтановъ пущено виноградное вино, после чего и начались различныя народныя игры. Съ правой стороны, предъ галлереею въ недальномъ разстояніи четырьмя человѣками Бухарцовъ представлено было хожденіе по канату, протянутому на довольной высотѣ.

Противъ залы и галлереи на поставленныхъ театрахъ представлялись изъ людей пирамиды, также разное балансированіе и другія народныя увеселенія.

Все сіе представленіе Государыня и Его Высочество съ знатными особами, изволили смотрѣть съ крыльца средней залы.

Между тѣмъ въ построенной, такъ называемой Азовской крѣпости, приготовлялся обѣденный столъ, состоящій изъ пяти разныхъ столовъ; и когда кушанье поставлено было, то дано знать, какъ духовнымъ, такъ и первыхъ пяти классовъ обоего пола особамъ, равно и чужестраннымъ Министрамъ, кои имѣли входъ въ означенную крѣпость; и по прибытіи туда Ея Императорскаго Величества сѣли за столъ по билетамъ. Государыня изволила сѣсть въ 1-мъ № съ Генераломъ-Фельдмаршаломъ Графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ-Задунайскимъ; а Его Высочество во 2-мъ № съ Статсъ-Дамою Графинею Марьею Андрѣевною Румянцовою. За стульями Ея Величества и Его Высочества, какъ равно и Форшнейдерами были дежурные Придворные Кавалеры. Всѣхъ кушавшихъ за пятью столами считалось до 519 особъ; въ продолженіи кушанья играла по срединѣ крѣпости Италіанская музыка.

По окончаніи стола, Императрица съ Его Высочествомъ и со всѣми особами, изволила возвратиться въ галлерею, гдѣ пробывъ нѣкоторое время, ѣздила потомъ для смотрѣнія народныхъ увеселеній. Въ сіе время въ оперномъ домѣ представлена была Французская комедія, но Ея Величество на оной присудствовать не соизволила. Въ 8 часовъ ѣздила Она въ каретѣ для смотрѣнія народныхъ игръ, послѣ уже чего отправилась обратно въ городъ.

Въ шестый день, Іюля 22 числа въ среду, было отдохновеніе.

Въ седьмый день, въ четвертокъ 23 Іюля, послѣ полудни подъ вечеръ, Императрица и Его Высочество съ Супругою Своею, изволили прибыть на Ходынку при играніи на трубахъ и битіи литавръ. Сначала были народныя игры, потомъ въ оперномъ домѣ представленіе; между же тѣмъ въ залѣ и галлереяхъ начался маскерадъ, въ которомъ Высочайшія Особы присутствовали въ маскерадныхъ же платьяхъ. Ихъ Высочества по нѣкоторомъ времени изволили пойти въ оперный домъ и смотрѣть тамъ представленіе, предъ окончаніемъ котораго пожаловала и Ея Величество Государыня, и пробывъ до самаго конца спектакля, отправилась въ выстроенный, такъ называемый городокъ Таганрогъ, къ сдѣланнымъ и наполненнымъ разными товарами лавкамъ на ярмарку, гдѣ купивъ на знатную сумму различныхъ товаровъ, и объявя торгующимъ Россійскимъ купцамъ Монаршее Свое благоволеніе, соизволила возвратиться обратно въ галлереи, откуда съ Ихъ Императорскими Высочествами, и знатными обоего пола особами, отправилась къ построеннымъ кораблямъ для смотрѣнія фейерверка; по прибытіи же къ сдѣланнымъ на тѣхъ корабляхъ мѣстамъ, началась пушечная пальба, послѣ уже чего былъ зажженъ самый фейерверкъ, окончившійся въ полночь.

За симъ Императрица возвратилась опять въ галлереи, гдѣ пробывъ нѣсколько время, отправилась съ Ходынки въ Москву; Ихъ же Высочества изволили отъѣхать оттуда во 2 часу по полуночи.

До начатія фейерверка, при наступленіи ночи, зазжена была иллюминація на двухъ особо-сдѣланныхъ щитахъ, какъ равно и построенныя суда, какъ то корабли, яхты и галеры, и всѣ крѣпости, и другія окружающія Ходынку строенія, были иллюминованы различными огнями; въ Азовской же крѣпости были накрыты для находящихся въ маскерадѣ обоего пола особъ пять столовъ съ холоднымъ кушаньемъ, за которыми кушали попеременно всѣ бывшіе въ маскарадѣ особы. Маскарадъ сей кончился въ 4 часа по полуночи.

79. 3 числа Ноября 1771 года, Король былъ у Великаго Канцлера Чарторижскаго и въ 10 часу вечеромъ возвращался во дворецъ. На углу Капуцинской улицы, противъ дома Краковскаго Епископа напали на него пять Конфедератовъ, (еще двадцать пять человѣкъ смотрѣли издали, чѣмъ дѣло кончится) подъ предводительствомъ какого-то Кочинскаго, и выстрѣливъ въ карету изъ ружей и пистолетовъ, пулею осадили Королю лице и вытащили изъ кареты. Два Гайдука хотѣли было защитить своего Повелителя, но одинъ изъ нихъ былъ застрѣленъ, а другой изрубленъ. Конфедераты отняли у Короля шпагу, ранили его саблею по головѣ, стащили сапоги, посадили на лошадь и повлекли въ лѣсъ, за Паливну, (мили полторы отъ Варшавы). Конфедераты выбирали мѣсто, гдѣ бы убить своего высокаго плѣнника; но Кочинскій, быть можетъ, раскаявшійся, а быть можетъ и прежде рѣшившійся спасти Короля, услыхавъ за собою погоню, велѣлъ двадцати пяти человѣкамъ удалиться, а четырехъ оставилъ въ лѣсу для узнанія откуда появится

погоня, самъ повлекъ Короля изъ лѣсу. Увидавъ, что убійцъ уже не было, онъ упалъ предъ Королемъ на колѣни, просилъ помилованія и клялся быть вѣчно вѣрноподданнымъ. Король велѣлъ отвезти себя въ Варшаву; но Кочинской считавшій это опаснымъ, просилъ Его Величество провести ночь гдѣ нибудь внѣ города. Отправились къ какому-то монастырю, но сколько ни стучались у воротъ, ихъ туда не пустили; пошли далѣе и увидали какую-то бѣдную деревушку. На концѣ деревни они постучались подъ окошкомъ; хозяинъ избы послѣ нѣсколькихъ отговорокъ, впустилъ ихъ къ себѣ. Король тотчасъ написалъ на Французскомъ языкѣ записку Полковнику своей Гвардіи Генералу Кокцею. Крестьянинъ склоненный обѣщаніями большой награды согласился доставить письмо по адресу. На другой день въ 5 часовъ утромъ Король сопровождаемый Гвардіею возвратился въ Варшаву. Кочинскій былъ помилованъ; двое преступниковъ казнены; прочіе скрылись, въ томъ числѣ Казиміръ Пулавскій, главный зачинщикъ заговора, убѣжавшій въ Америку. Это событіе подробнѣе описано *въ Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ 1771 № 95, и въ Варшавскихъ, того же года Ноября 6.*

80. Дюмурье разбитый Суворовымъ возвратился во Францію. Изъ лучшихъ Французскихъ Офицеровъ въ рядахъ Польскихъ Конфедератовъ остался одинъ только Келлерманъ, впослѣдствіи Маршалъ Наполеона. Съ паденіемъ Шуазёля политика Франціи въ отношеніи къ Польшѣ перемѣнилась. О войнѣ Русскихъ съ Конфедератами, см. *Записки о жизни и службѣ Бибикова* (Спб. 1817) и Біографію Суворова, изд. въ Москвѣ 1815 г. подъ заглавіемъ *Побѣды Князя Италійскаго.*

81. Король Прусскій послалъ брата своего въ Стокгольмъ, будучи увѣренъ, что Императрица непремѣнно пригласитъ его въ свою столицу »на перепутье.« Фридрихъ II, говоря въ своихъ сочиненіяхъ (Oeuvres Post. T. V.) о путешествіи брата, даетъ нѣкоторымъ образомъ уразумѣть, что поѣздка Принца Генриха въ Россію была устроена Королемъ Прусскимъ.

82. *См.* Oeuvres Posthumes de Frederic II, томъ V. Тамъ подробно и откровенно описаны пріуготовленія къ раздѣлу и всѣ его обстоятельства.

83. См. Тамъ же.

84. Въ 1772 году, Августа 16 въ Имянномъ Указѣ, данномъ Графу Чернышеву, назначенному Генералъ-Губернаторомъ въ Бѣлоруссію (которая принадлежала еще Польшѣ), сказано между прочимъ »Повелѣваемъ вамъ чрезъ сіе, между 1-мъ и 7-мъ числами наступающаго Сентября мѣсяца взять въ дѣйствительное наше владѣніе всѣ подъ Россійскій скипетръ назначаемыя отъ Польши мѣста и земли.«

Эти земли Императрица повелѣла раздѣлить на двѣ Губерніи: Псковскую (провинціи: Псковская, Великолуцкая, Двинская, Полоцкая и Витебская) и Могилевскую (провинціи: Могилевская, Оршанская, Мстиславская и Рогачевская). Въ эти двѣ Губерніи Императрица еще въ Маѣ 1772 года назначила Губернаторами Генералъ-Маіровъ въ первую Кречетникова, а въ другую Каховскаго. Въ Имянныхъ Указахъ, данныхъ имъ 28 числа сказано, »Сіе сообщаемъ вамъ теперь для единственнаго вашего извѣстія и содержанія въ секре-

тѣ, пока зачатое Нами о томъ дѣло не доведено будетъ до совершеннаго окончанія. Между же тѣмъ повелѣваемъ вамъ принять команду надъ находящимися въ составляющихъ будущую Губернію вашу земляхъ войсками.«

85. Польша лишилась 3,925 квадр. миль; ей осталось еще 9,630, а по словамъ нѣкоторыхъ писателей 10,050 кв. миль.

Манифестъ Короля Польскаго о занятіи границъ, по первому раздѣлу, 13 Января 1773 года.

Сентября 18, 1773 года заключенъ былъ мирный трактатъ между Россіею и Польшею, въ 15 статьяхъ. 1-ю статьею подтвержденъ трактатъ 13 Февраля 1768 года. 2-ю уступлены Россіи: остатокъ Польской Лифляндіи и часть Полоцкаго Воеводства за рѣкою Двиною и Воеводства Витебское (границею рѣка Двина), Мстиславское, по обоимъ берегамъ Днѣпра, и оба конца Минскаго, поверхъ и внизъ Мстиславскаго Воеводства. 4-ю статьею гарантированы оставшіяся у Польши владѣнія. 15-ю статьею Польскій Король обязывался внести трактатъ въ конституцію сейма.

Уполномоченнымъ со стороны Россіи былъ Дѣйствительный Каммергеръ Отто Штакельбергъ.

Сеймъ начатый 19 Апрѣля 1773 года, подъ начальствомъ Маршала Князя Адама Лодзя Понинскаго и оконченный въ 1775 году, подтвердилъ трактатъ 18 Сентября и внесъ его въ свою конституцію.

86. Наказанія за нарушеніе карантинныхъ правилъ не сообразовались съ мѣрою преступленій: напр. за тайный провозъ товара мимо карантина преступникъ наказывался только—конфискованіемъ и сожженіемъ товара.

87. Въ Высочайшемъ рескриптѣ сказано было: »по извѣстному вашему усердію къ Отечеству и человѣколюбію поручаемъ вамъ надзоръ за здравіемъ первопрестольнаго града.« Еропкинъ прибылъ въ Москву 29 Марта.

88. »Наши изъ матерней любви и попеченій исходящія установленія, слышимъ мы, что почти въ тунѣ обращаются: ибо не токмо многіе слабо наблюдаютъ оныя, но иные и вовсе ихъ избѣгать ищутъ. Есть и такіе, кои уклонясь отъ нихъ впадаютъ въ неистовства, духовнымъ и гражданскимъ законамъ противныя, какъ то на примѣръ тѣ, кои карантинъ почитая за великое себѣ отягощеніе, скрываютъ больныхъ и не объявляютъ объ нихъ опредѣленнымъ въ каждой части города начальникамъ; другіе оставляя больныхъ въ домахъ одинхъ безъ помощи и призрѣнія, сами разбѣгаются и разносятъ повсюду болѣзнь и трепетъ, которымъ заражены; третіе выносятъ скрытно изъ домовъ мертвыхъ и кидаютъ на улицахъ христіанскія тѣла безъ погребенія, распространяя тѣмъ заразу и нанося вредъ обществу единственно для того, чтобы не разстаться съ зараженными пожитками и не подвергнуться осмотру приставленныхъ къ тому людей.« *См. Полн. Собр. Законовъ Росс. Имперіи, Т. XIX, № 13,653.*

89. Съ того времени довѣренность Императрицы къ Графу Петру Семеновичу примѣтнымъ образомъ охладѣла: онъ просилъ увольненія отъ всѣхъ дѣлъ и отставленъ 7 Апрѣля 1772 года; удалился въ деревню и скончался въ Декабрѣ того же года.

Мѣстное начальство, зная что покойный находился въ опалѣ, не сдѣлало никакого распоряженія относительно похоронъ. Графъ Петръ Ивановичь Панинъ, жившій тогда въ Москвѣ, былъ очень огорченъ невниманіемъ къ памяти заслуженнаго воина и желая отдать послѣдній долгъ бывшему своему начальнику, отправился въ Марфино.

Покоритель Бендеръ, въ Генералъ-Аншефскомъ мундирѣ, украшенный лентами Орденовъ Св. Андрея и Георгія первой степени, поклонился бреннымъ останкамъ Фельдмаршала и заливщись слезами, сталъ у гроба, обнажилъ побѣдоносный мечь свой, и съ жаромъ произнесъ »*до тѣхъ поръ буду стоять здѣсь на часахъ, пока не пришлютъ почетнаго караула для смѣны*« .... Смѣна пришла.

90. *См. Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. Томъ XIX. No 13,643.*

91. Прежде всего были заперты лавки съ шерстяными и хлопчатобумажными товарами. Скоро затворились и другія лавки, потому что или купцы померли или не было покупщиковъ... Правительство принуждено было наконецъ озаботиться доставкою въ городъ даже съѣстныхъ припасовъ; въ Сентябрѣ и Октябрѣ одни только отворенные питейные домы

напоминали о прежней дѣятельной торговлѣ въ столицѣ.

92. Архіепископъ Амвросій, во Св. крещеніи нарѣченный Андреемъ, родился 17 Октября 1708 года и былъ сынъ Степана Константиновича Зертиса-Каменскаго, служившаго переводчикомъ языковъ Молдавскаго, Греческаго и Турецкаго, при Гетманѣ Мазепѣ. Сынъ Степана Константиновича получилъ первоначальное образованіе въ Кіевской Академіи и по окончаніи тамъ ученія, отправился для усовершенствованія въ наукахъ въ Львовскую (Лембергскую) Академію и возвратясь въ Отечество, отправился въ Санктпетербургъ, рѣшился посвятить себя служенію Церкви. Въ 1739 году онъ былъ пострижень въ Александроневскомъ монастырѣ въ монахи; въ 1742 году пожалованъ Префектомъ, а въ 1748 году въ Архимандрита Воскресенскаго монастыря (новый Іерусалимъ, близь Москвы) съ титломъ Члена Святѣйшаго Сѵнода. Въ 1753 году Амвросій посвященъ въ Епископа Переяславской и Дмитровской Епархіи съ сохраненіемъ достоинства Члена Св. Сѵнода и Архимандрита; въ 1761 году переведенъ въ Епархію Можайскую и Крутицкую. Воскресенскимъ монастыремъ Амвросій управлялъ по 2 Августа 1765 года, и совершилъ порученное ему возобновленіе этой обители съ отличнымъ успѣхомъ. Амвросій употребилъ на украшеніе главнаго храма собственныя деньги и всѣ награды полученныя имъ отъ щедротъ Монаршихъ. Императрица Екатерина въ 1768 году перевела Амвросія въ Московскую Епархію, къ который присоединена была и Калужская,

поручила ему возобновленіе Московскихъ Соборовъ: Успенскаго, Благовѣщенскаго и Архангельскаго. Этотъ Архипастырь первый изъ Духовныхъ Особъ принялъ на себя, по предложенію И. И. Бецкаго, званіе Опекуна при Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ и учредилъ по всѣмъ приходамъ Епархіи кружки для добровольныхъ пожертвованій въ пользу Воспитательнаго Дома. »Служить Отечеству« писалъ между прочимъ Амвросій къ главному Попечителю Воспитательнаго Дома, предложившему Архипастырю принять званіе Опекуна »всякъ и по совѣсти и по должности обязанъ; но служить въ званіяхъ, отъ коихъ никакой не должно ожидать людской похвалы или возмездія, есть дѣло по истинѣ однимъ только намъ, духовнымъ, свойственное и приличное: и потому я, пріемля святое Вашего Превосходительства къ числу человѣколюбивыхъ сотрудниковъ приглашеніе, исповѣдую, что сія должность столько для меня пріятна, сколько Богу и Великой Его Помазанницѣ любезна и угодна. Не могу отрещись отъ того Евангельскаго ига, которое Ваше Превосходительство на меня возлагаете, только бы многодѣліе Епаршескихъ и другихъ трудовъ при моей старости и дряхлости не помѣшало мнѣ сдѣлать въ семъ обществѣ что либо, какъ Вашему намѣренію такъ и моему званію достойное. Молю Божескую благость: да подастъ мнѣ силу и помощь, а прочей моей Духовной собратіи подражательную ревность, къ оказанію всего того Московскому и въ Санктпетербургѣ начинающемуся Воспитательному Дому, чего общая наша должность и самыя сіи на милосердіи основанныя мѣста ожидаютъ.« и проч.

Изъ сочиненій этого Архіепископа, кромѣ нѣкоторыхъ напечатанныхъ поученій, извѣстна только *служба Св. Димитрію, Митрополиту Ростовскому.* Она была напечатана въ служебныхъ минеяхъ, но послѣ исключена. Изъ переводовъ его съ Греческаго напечатаны: *1) Посланіе Св. Игнатія Епископа Антіохійскаго, 2) Огласительныя поученія Св. Кирилла, Епископа Іерусалимскаго, 3) Изложеніе Православной вѣры, Св. Іоанна Дамаскина, 4) Гроціево разсужденіе противъ Атеистовъ и Натуралистовъ.* Парафрастическій переводъ Псалмовъ съ Еврейскаго и церковная Россійская Исторія, въ рукописяхъ погибли во время возмущенія.

Въ Духовенствѣ Московскомъ таилось къ нему нерасположеніе за искорененіе многихъ злоупотребленій и особливо уничтоженіе сходбища безмѣстныхъ священниковъ *на Крестцѣ*, гдѣ они нанимались для совершенія службы въ домовыхъ церквахъ. Это непріязненное чувствованіе сообщилось и народу.

Подробное описаніе жизни и страдальческой кончины Амвросія, издано въ Москвѣ 1813 года.

93. Графъ Г. Г. Орловъ прибылъ въ Москву 21 Сентября. Съ нимъ пріѣхалъ Штабъ-Лѣкарь Тоде, оказавшій Московскимъ жителямъ во время заразы безчисленныя услуги и прославившійся безкорыстіемъ.

94. *См. Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, сост. Г. Бантышъ-Каменскимъ,* стран. 385—393 *и Краткое извѣстіе о жизни, дѣлахъ и кончинѣ П. Д. Еропкина,* изд. 1805 года.

95. Въ »краткомъ увѣдомленіи какимъ образомъ познавать моровую язву,« изданномъ въ 1771 году, такъ описаны признаки заразы, тогда свирѣпствовавшей: »исключая многіе припадки, общіе гнилымъ горячкамъ, свойственные ей признаки суть: опухоли или желваки на железистыхъ мѣстахъ, пузыри и нарывы, называемые карбункулы и пятна, называемыя морушки.«

96. *См. Исторію Пугачевскаго бунта, А. Пушкина.*

Мы руководствовались разными источниками при составленіи VIII книги нашего сочиненія, но главнымъ источникомъ было соч. А. С. Пушкина, какъ изданное съ дозволенія Правительства, и потому болѣе достовѣрное.

Слѣдственная Коммиссія въ Яицкѣ учреждена въ 1768 году. Въ ней присудствовали Генералъ-Маіоръ Потаповъ, Череповъ, Бримфельдъ, Давыдовъ и Гвардіи Капитанъ Чебышевъ. Потаповъ и Череповъ безъ разбору наказывали и большую и малую вину; они первые навлекли на себя негодованіе за непомѣрную строгость.

97. »Казаки покушались довести до свѣденія самой Императрицы справедливыя свои жалобы; но тайно посланные отъ нихъ люди были, по повелѣнію Президента« (Вице-Призидента) »Военной Коллегіи, Графа Чернышева схвачены въ Петербургѣ, заключены въ оковы и наказаны какъ бунтовщики.« *И. П. Б. А. Пушкина. Ч. I стр. 8.*

98. Поводомъ къ мятежу, между прочимъ, было слѣдующее обстоятельство: въ Астраханской и Саратовской губерніи кочевали мирные Калмыки, ушедшіе изъ Китай-

скихъ владѣній и вступившіе въ подданство Россіи въ началѣ XVIII столѣтія. Они вѣрно служили своему новому Отечеству и охраняли южные его предѣлы. Русскіе Приставы, пользуясь простотою Калмыковъ, но главное—отдаленностію отъ средоточія Правленія, начали притѣснять ихъ. Жалобы смирныхъ и добрыхъ Калмыковъ не доходили до высшаго Начальства; выведенные изъ терпѣнія они снеслись съ Китаемъ и рѣшились выйти изъ Россіи. Не возбуждая подозрѣнія они прикочевали къ берегамъ Яика— и вдругъ въ числѣ 169,000 человѣкъ обоего пола на 33,000 кибиткахъ потянулись по Киргизской степи къ предѣламъ Китая. Яицкому войску велѣно было выступить въ погоню; но лишь нѣсколько сотенъ послушались, прочіе отказались отъ службы, опять ссылаясь на удержаніе жалованья и налоги. Для наказанія непослушныхъ присланъ былъ Генералъ Траубенбергъ.

О бѣгствѣ Калмыковъ, какъ замѣчательномъ событіи въ Царствованіе Императрицы Екатерины II, мы предлагаемъ выписку изъ сочиненія Отца Іакинѳа.

»Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что *Убаши* и *Сэрынъ* предприняли возвратиться на родину по предварительному сношенію съ Алтайскими своими единоплеменниками, исполненными ненависти къ Китаю. Они, вѣроятно, думали и то, что сія Держава, по покореніи Чжуньгаріи, вызвала оттуда свои войска обратно; а въ Или и Тарбагтаѣ оставила слабые гарнизоны, которые соединенными силами легко будетъ вытѣснить; въ переходѣ же чрезъ земли Киргизъ-Казаковъ тѣмъ

менѣе предполагали опасности, что сіи хищники, отважные предъ купеческими караванами, всегда трепетали при одномъ взглядѣ на Калмыцкое вооруженіе. Однимъ словомъ, Калмыки въ мысляхъ своихъ представляли, что сей путь будетъ для нихъ, какъ прежде всегда было, пріятною прогулкою отъ песчаныхъ равнинъ Волги и Урала до гористыхъ вершинъ Иртыша. Но случилось совсѣмъ противное: ибо встрѣтились такія обстоятельства, которыя были внѣ всѣхъ предположеній.

Чжуньгарское Ойратство на Востокѣ, нѣкогда страшное для Сѣверной Азіи, уже не существовало; и *Волжскіе Калмыки*, долго бывшіе подъ Россійскимъ владѣніемъ, по выходѣ за границу, считались бѣглецами, коихъ Россійское Правительство преслѣдуя оружіемъ своимъ, предписало и Киргизъ-Казакамъ на каждомъ, такъ сказать, шагу останавливать ихъ вооруженною рукою. Китайское пограничное начальство, по первому слуху о походѣ *Торготовъ* на Востокъ, приняло съ своей стороны всѣ мѣры осторожности, и также предписало Казакамъ и Кэргызцамъ недопускать ихъ проходить пастбищными мѣстами; въ случаѣ же ихъ упорства отражать силу силою. Могъ ли хотя одинъ Кэргызецъ и Казакъ остаться равнодушнымъ при столь неожиданномъ для нихъ случаѣ безнаказанно грабить?

Россійскіе отряды, назначенные для преслѣдованія бѣглецовъ, по разнымъ причинамъ, зависѣвшимъ болѣе отъ времени и мѣстности, не могли догнать ихъ. Бывшіе Яицкіе казаки въ сіе самое время начали уже волноваться и отказались отъ повиновенія. Оренбург-

скіе казаки хотя выступили въ походъ и въ половинѣ Февраля соединились съ Нурали, Ханомъ Меньшой Казачьей орды: но, за недостаткомъ подножнаго корма, вскорѣ принуждены были возвратиться на границу. Послѣ обыкновенныхъ переписокъ, требовавшихъ довольнаго времени, уже 12 Апрѣля выступилъ изъ Орской крѣпости отрядъ регулярныхъ войскъ и успѣлъ соединиться съ Ханомъ Нурали: но Калмыки между тѣмъ, подавшись болѣе на Югъ, столько удалились, что сей отрядъ могъ только нѣсколько времени и то издали тревожить тылъ ихъ; а около Улу-тага, когда и солдаты и лошади отъ голода и жажды не въ состояніи были итти далѣе, начальникъ отряда Траубенбергъ принужденъ былъ поворотить на Сѣверъ, и чрезъ Уйскую крѣпость возвратиться на Линію.

Но Киргизъ-Казаки, не смотря на то, вооружились съ величайшею ревностію. Ихъ Ханы: Нурали въ Меньшой, Аблай въ Средней и Эрали въ Большой Ордѣ, одинъ за другимъ нападали на Калмыковъ со всѣхъ сторонъ; и сіи бѣглецы цѣлый годъ должны были на пути своемъ безпрерывно сражаться, защищая свои семейства отъ плѣна и стада отъ расхищенія. Весною слѣдующаго (1772) года Кэргызцы (Буруты) довершили несчастіе Калмыковъ, загнавъ въ обширную песчаную степь по сѣверную сторону озера Балхаши, гдѣ голодъ и жажда погубили у нихъ множество и людей и скота.

По перенесеніи неимовѣрныхъ трудностей, по претерпѣніи безчисленныхъ бѣдствій, наконецъ Калмыки приближились къ вожделѣннымъ предѣламъ древней ихъ отчизны: но здѣсь новое несчастіе представилось очамъ ихъ. Пограничная цѣпь Китайскихъ карауловъ

грозно преградила имъ входъ въ прежнее отечество, и Калмыки не иначе могли проникнуть въ оное, какъ съ потерею своей независимости. Крайнее изнеможеніе народа принудило Убаши съ прочими Князьями поддаться Китайской Державѣ безусловно. Онъ вышелъ изъ Россіи съ 33,000 кибитокъ, въ коихъ считалось около 169,000 душъ обоего пола. При вступленіи въ Или изъ помянутаго числа осталось не болѣе 70,000 душъ. Калмыки въ теченіи одного года потеряли 100,000 человѣкъ, кои пали жертвою меча или болѣзней, и остались въ пустыняхъ Азіи въ пищу звѣрямъ, или уведены въ плѣнъ и распроданы по отдаленнымъ странамъ въ рабство.

Китайскій Императоръ предписалъ принять сихъ несчастныхъ странниковъ и новыхъ своихъ подданныхъ съ примѣрнымъ человѣколюбіемъ. Немедленно доставлено было Калмыкамъ вспоможеніе юртами, скотомъ, одеждою и хлѣбомъ. Когда же размѣстили ихъ по кочевьямъ, тогда для обзаведенія еще было выдано имъ:

Лошадей, рогатаго скота и овецъ . .	1,125,000	гол.
Кирпичнаго чаю	20,000	мѣс.
Пшеницы и проса	20,000	чет.
Овчинъ . . , ...	51,000	
Бязей	51,000	
Хлопчатой бумаги	1,500	пудъ.
Юртъ	400	
Серебра около	400	пудъ.

Россійское Правительство отнеслось къ Китайскимъ Министрамъ, чтобъ по силѣ заключеннаго между Россіею и Китаемъ договора, обратно выдали бѣ-

жавшихъ съ Волги Калмыковъ; но получило въ отвѣтъ, что Китайскій Дворъ не можетъ удовлетворить оной просьбы по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ и Россійскій Дворъ отказалъ въ выдачѣ *Сэрына*, ушедшаго изъ Чжуньгаріи на Волгу, для спасенія себя отъ преслѣдованія законовъ.«

99. Емельянъ Ивановъ Пугачевъ былъ Донской казакъ, Зимовейской станицы. Въ началѣ Турецкой войны онъ съ прочими казаками былъ посланъ во вторую армію, былъ тамъ два года и за болѣзнію уволенъ отъ службы, возвратился на родину, пробылъ тамъ около года. Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1771 года взялъ станичный билетъ у Атамана Зимовейской станицы, (отставнаго казака Ѳомина) для проѣзда въ Черкасскъ, будто бы для излѣченія отъ грудной болѣзни. Чрезъ мѣсяцъ Пугачевъ возвратился на карей лошади, которой прежде у него не было, и на допросъ Атамана Ѳомина—гдѣ досталъ ее? отвѣчалъ, что купилъ въ Таганрожской крѣпости. Казаки на станичномъ сборѣ не повѣрили этому и послали его взять письменный видъ о купленной лошади. Пугачевъ скрылся. Между тѣмъ зять его *Прусакъ*, бывшій казакъ Зимовейской станицы, повинился на станичномъ сборѣ, что онъ съ женою и еще двумя казаками, по уговору Пугачева бѣгалъ за Кубань на рѣку Куму. Прусакъ съ женою отправлены были въ Черкасскъ, а въ Декабрѣ мѣсяцѣ былъ пойманъ и Пугачевъ; бѣжалъ изъ станичной избы и уже чрезъ три мѣсяца былъ вторично схваченъ, показалъ что былъ въ Моздокѣ. Ѳоминъ отправилъ Пугачева къ Старшинѣ Макарову въ Черкасскую станицу, а этотъ переслалъ бѣглеца въ Чер-

касскъ. Но Пугачевъ успѣлъ опять скрыться, бѣжалъ въ Польшу и оттуда съ фальшивымъ паспортомъ явился на Яикѣ, и по видимому рѣшился жить работою, шатался по казацкимъ дворамъ и принимался за всякія ремесла, уходилъ на время въ Иргизскія раскольничьи селенія, оттуда въ концѣ 1772 года посланъ былъ для закупки рыбы въ Яицкъ и остановился у казака Дениса Пьянова. Тутъ Пугачевъ замыслилъ дерзкое предпріятіе; видя что много было недовольныхъ казаковъ, Пугачевъ началъ подговаривать бѣжать въ области Турецкаго Султана, увѣрялъ, что Донскіе казаки послѣдуютъ за ними и что у него на границѣ заготовлено двѣсти тысячь рублей и товару на семдесять тысячь и что какой-то Паша, тотчасъ по приходѣ казаковъ долженъ имъ выдать до пяти милліоновъ; до тѣхъ же поръ обѣщалъ онъ каждому по двѣнадцати рублей въ мѣсяцъ. Сверхъ того сказывалъ онъ, что будто бы противу Яицкихъ казаковъ изъ Москвы идутъ два полка и что около Рождества и Крещенья непремѣнно будетъ бунтъ. Нѣкоторые изъ благонамѣренныхъ казаковъ хотѣли его схватить и представить какъ возмутителя въ Комендантскую Канцелярію. Но Пугачевъ скрылся и уже спустя нѣсколько времени былъ пойманъ въ селѣ Малыковкѣ (что нынѣ Волгскъ,) былъ отосланъ подъ стражею въ Симбирскъ, оттуда отправленъ въ Казань. Оренбургскій Губернаторъ увѣдомилъ (18 Января 1773) о возмутителѣ Государственную Военную Коллегію.

Между тѣмъ Яицкіе казаки не успокоились; мысль о побѣгѣ въ Турцію, брошенная Пугачевымъ, казалась

имъ удобоисполнимою, занимала ихъ нѣсколько времени; но привязанность къ роднымъ богатымъ берегамъ Яика заставила ихъ перемѣнить намѣреніе: они положили произвести новый мятежъ. Самозванство казалось имъ надежною пружиною и выборъ ихъ палъ на Пугачева.

Пугачевъ содержался въ Казанской тюрмѣ не строже прочихъ арестантовъ: Яицкіе бунтовщики были [illegible] [illegible] и на него не было обращено особеннаго вниманія. 19 Іюля 1773 года отпросился онъ для собиранія милостины по городу и былъ выпущенъ изъ тюрьмы подъ стражею двухъ солдатъ. На одной изъ главныхъ Казанскихъ улицъ (у Замочной Рѣшетки) стояла телѣга, запряженная тройкою. Когда Пугачевъ поравнялся съ телѣгою, вдругъ сильно толкнулъ въ грудь одного изъ солдатъ, его сопровождавшихъ, а другой помогъ колоднику сѣсть на телѣгу—и вмѣстѣ съ нимъ ускакалъ изъ города. Приговоръ Военной Коллегіи о наказаніи Пугачева плетьми полученъ былъ въ Казани три дня послѣ этого побѣга.

100. Крѣпости, выстроенныя въ томъ краю, были ничто иное какъ деревни, окруженныя землянымъ валомъ или деревяннымъ заборомъ.

101. *См. Истор. Пугач. Бунта, Пушкин., главу вторую.*

102. Въ Нижнеозерной крѣпости находился Маіоръ Харловъ; казаки его гарнизона измѣнили и ушли къ Пугачеву. Харловъ остался съ малымъ числомъ престарѣлыхъ солдатъ. 26 Сентября ночью, вздумалъ

онъ, для ободренія своихъ ветерановъ, палить изъ двухъ пушекъ — и эти-то несчастные выстрѣлы остановили Билова. При взятіи крѣпости, Харловъ съ прапорщиками Фигнеромъ и Кабалеровымъ были повѣшены.

103. Истор. Пуг. Бун., Пушкина, Ч. I. стр. 24 и 25.

104. Объ осадѣ Оренбурга см. Лѣтопись Рычкова, которая почти одна составляетъ 2-ю часть Исторіи Пушкина о Пуг. Бунтѣ.

105. Рычковъ пишетъ »по увѣренію многихъ видѣвшихъ Пугачева, онъ знаковъ на лицѣ не имѣлъ: и такъ онъ, узнавъ оныя публикаціи, и получивъ ихъ въ свои руки, имѣлъ случай сообщникамъ своимъ, показывая лице свое, толковать, сколь злобно и напрасно на него затѣваютъ и клевещутъ, а чрезъ то увѣряя о себѣ многихъ и могъ онъ еще болѣе усиливать свою партію.«

106. *См. Лѣт. Рычкова, часть II, § 28.*

107. Войско Пугачева раздѣлено было на полки, состоявшіе изъ 500 человѣкъ. Жалованье получали лишь Яицкіе казаки. Прочая сволочь довольствовалась грабежемъ. Вино продавалось »отъ казны.« Кормъ и лошадей доставляли отъ Башкирцевъ. За побѣгъ объявлена была смертная казнь; десятникъ головою отвѣчалъ за своего бѣглеца. Учреждены были патрули; ученье, особливо артиллерійское, производилось почти всякой день. Церковная служба отправлялась ежедневно. На эктеніяхъ поминали »Государя Петра Ѳеодоровича и супругу его Государыню Екатерину Алексѣевну.« Женившись отъ живой жены, Софьи, на казачкѣ

Устинъѣ, онъ велѣлъ было поминать »и супругу его Устинью Петровну« но Священникъ отозвался неимѣніемъ Сунодскаго Указа. Пугачевъ сказалъ, что велитъ Суноду прислать Указъ. Когда ѣздилъ онъ по Бердскимъ улицамъ или въ занятыхъ имъ крѣпостяхъ, всегда бросалъ въ народъ мѣдными деньгами. Судъ и расправу производилъ самозванецъ сидя въ крѣслахъ передъ своею избою. По бокамъ его стояли два казака, одинъ съ булавою, а другой съ серебрянымъ топоромъ. Подходившіе къ нему должны были кланяться до земли и перекрестившись цѣловать его руку. Казни происходили каждый день; Бердская слобода была вертепомъ убійствъ и буйства. Въ лагерѣ находилось множество Дворянскихъ и особливо Офицерскихъ женъ и дочерей, отданныхъ на поруганіе разбойникамъ. Пугачевъ не былъ самовластенъ: всѣмъ распоряжали Яицкіе казаки, зачинщики бунта. Они оказывали ему только наружное почтеніе: при народѣ ходили за нимъ безъ шапокъ, кланялись въ землю и цѣловали руки; а наединѣ обходились за панибрата, вмѣстѣ пьянствовали, распѣвали при немъ пѣсьни, дрались и ругались. »Улица моя тѣсна« говорилъ онъ Пьянову, пируя на свадьбѣ младшаго его сына.

108. Каръ проигралъ сраженіе именно оттого, что по излишней самонадѣянности, въ послѣдствіи неоправданной, рѣшился идти противу бунтовщиковъ, не дождавшись подкрѣпленія. Выстрѣлы, имъ слышанные и подавшіе поводъ къ отступленію, какъ вскорѣ оказалось, были тріумфомъ мятежниковъ, взявшихъ въ плѣнъ гренадеровъ, которые были посланы къ Кару изъ Симбирска на подводахъ. Гренадеры

были подъ начальствомъ Поручика Карташева и ѣхали такъ оплошно, что не только ружья были у нихъ не заряжены, но каждый солдатъ покойно спалъ въ саняхъ. Бунтовщики напали вразплохъ и гренадеры сдались съ первыхъ четырехъ выстрѣловъ.

109. Каръ жилъ послѣ въ своей деревнѣ и умеръ въ началѣ Царствованія Императора Александра.

110. До осады, въ Оренбургѣ ржаная мука продавалась 12—15 копѣекъ, лучшая пшеничная 25—30 коп. пудъ; говядина по 1 копѣйкѣ фунтъ; прочіе припасы въ соразмѣрности съ мукою и мясомъ. »Но какъ въ народѣ о приближеніи злодѣйскомъ, пишетъ Рычковъ, долгое время было неизвѣстно, корыстолюбивые жъ люди чрезъ свои пронырства узнавъ про оное, весь привозимый на базаръ хлѣбъ и харчь наперерывъ скупали, а потомъ, какъ воспослѣдовала осада городу, по своей цѣнѣ на все оное подымать начали.« Такимъ образомъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1773 года пудъ муки ржаной начали продавать 110—130 коп., а пшеничной 170—200 коп. Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1774 года начали продавать хлѣбъ по 6—7 рублей пудъ (по нынѣшнему курсу 28 руб. ассигнаціями). Но и за эту цѣну было трудно достать хлѣба. Въ § 91 лѣтописи Рычкова записано: »Былъ письменный приказъ отъ Г. Губернатора для публикованія въ городѣ, что корыстолюбивые лихоимцы, имѣя у себя хлѣбъ и не взирая на великую народную нужду продаютъ печенаго хлѣба одинъ фунтъ по 30 и по 40 коп., что четверть муки уже выше ста рублей считается (въ 1774 году въ Россіи за асигнаціонный рубль платили рубль серебромъ), съ накрѣпчайшими увѣщаніями и подтвер-

жденіями, дабы оные корыстолюбцы отъ столь безсовѣстныхъ продажъ воздержались и продавали бъ хлѣбы цѣною умѣренною.« При такой чрезвычайной дороговизнѣ какой то Членъ Вольнаго Экономическаго Общества, бывшій тогда въ Оренбургѣ, выдумалъ печь и варить лошадиныя, говяжьи и бараньи кожи. »На базарахъ сію новую пищу, замѣчаетъ Рычковъ, продавать стали меньшею цѣною противъ хлѣба.« Очень утѣшительно и выгодно для жителей! Раздачу стали производить уже почти въ то время, когда нечего было раздавать.

111. »По совѣту Г. Совѣтника Тимашева для поимки злодѣевъ поставлено сего числа (12 Марта 1774) за городомъ въ разныхъ мѣстахъ 27 капкановъ (машинки желѣзныя, коими въ здѣшней сторонѣ обыкновенно ловятъ волковъ, лисицъ и другихъ звѣрей) въ томъ намѣреніи, чтобъ выѣхавъ за городъ Яицкимъ казакамъ заманить злодѣевъ на сіе мѣсто, и когда онымъ инструментомъ подъ кѣмъ изъ нихъ уязвлена и подшибена будетъ лошадь, чтобы наскакавъ, подхватить его было удобнѣе. Сія выдумка хотя и казалась нѣкоторымъ нужною и полезною, однако не только ни какой пользы и успѣха оттого не произошло, но и оные капканы, какъ послѣ слышно было, кромѣ не многихъ, невѣдомыми людьми раскрадены, а злодѣи, узнавъ, прямо дѣлали разныя о сей выдумкѣ насмѣшки.« *Лѣтопись Рычкова*, § 84.

Кромѣ капкановъ, Рейнсдорпъ написалъ Пугачеву еще письмо съ слѣдующимъ адресомъ: »Пресущему злодѣю и отъ Бога отступившему человѣку, сатанину внуку, Емелькѣ Пугачеву.« Бунтовщики не остались

въ долгу и Подуровъ, Секретарь, Пугачева, написалъ отвѣтъ, (помѣщаемый здѣсь какъ образецъ письмоводства въ канцеляріи Пугачева) такого содержанія: »Оренбургскому Губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну. Прескверное ваше увѣщеваніе здѣсь получено, за что васъ, яко всескверняго общему покою ненавистника, благодаримъ. Да и сколько ты себя, по дѣйству сатанину, ни ухищрялъ, однако власть Божію не перемудришь. Вѣдай мошенникъ: извѣстно, да и по всему тебѣ, бестіи, знать должно, сколько ты ни пробовалъ своего всескверняго счастія, однако счастіе ваше служитъ единому твоему отцу, сатанѣ. Разумѣй, бестія, хотя ты по дѣйству сатанину во многихъ мѣстахъ капканы и разставилъ, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здѣсь хотя веревочныхъ не станетъ петель, а мы у Мордвина, хоть гривну дадимъ, мочальныхъ возмемъ, да на тебя веревку свить можемъ; не сумнѣвайся, мошенникъ, изъ... сдѣланъ. Нашъ всемилостивѣйшій монархъ, аки орелъ поднебесный, во всѣхъ арміяхъ на одинъ день бываетъ, а съ нами всегда присутствуетъ. Да и-бъ мы вамъ совѣтовали, оставя свое невредіе, придти къ нашему чадолюбивому отцу и всемилостивѣйшему монарху; егда придешъ въ покореніе, сколько твоихъ озлобленій ни было, не только во всѣхъ извиненіяхъ всемилостивѣйше прощаетъ, да и сверхъ того васъ прежняго достоинства не лишитъ; а здѣсь не безъизвѣстно, что вы и мертвечину въ честь кушаете и тако объявя вамъ сіе да и пребудемъ по склонности вашей ко услугамъ готовы. Февраля 23 дня 1774 года.«

112. Александръ Ильичь Бибиковъ, сынъ Инженеръ-Генералъ-Поручика Ильи Александровича, родился въ Москвѣ 30 Мая 1729 года. Онъ лишился въ молодыхъ лѣтахъ матери и получилъ первоначальное воспитаніе отъ бабки своей и тетки, посвятившихъ себя монашескому житію въ Московскомъ Зачатейскомъ монастырѣ. Онъ былъ записанъ кондукторомъ въ Инженерный корпусъ еще въ 1744 году; чрезъ два года былъ произведенъ въ Инженеръ-Прапорщики — и прямо изъ женскаго монастыря поступилъ на службу. Имѣя правъ пылкій, изъ подъ строгаго надзора сдѣлавшись вдругъ полнымъ властелиномъ своихъ дѣйствій, онъ увлекся было прелестями шумнаго свѣта; но былъ остановленъ однимъ благомыслящимъ человѣкомъ, отозванъ отцемъ въ Москву (въ 1748 году). Бдительный надзоръ и родительскія увѣщанія образумили юношу. Онъ далъ обѣтъ не совращаться съ пути добродѣтели и сдержалъ его. Въ 1749 году Бибиковъ отправился въ Кронштадтъ и служилъ тамъ подъ начальствомъ славнаго Инженера Генералъ-Аншефа Барона Любраса. Въ томъ же году былъ переведенъ Подпоручикомъ въ Артиллерію и въ 1751 году пожалованъ Поручикомъ и Аудиторомъ, женился на дочери Полковника Князя Козловскаго, друга своего отца. Въ 1753 году отправили его въ Дрезденъ для разсмотрѣнія машины, изобрѣтенной механикомъ Дю-Коменъ, посредствомъ которой можно было стрѣлять изъ пушекъ безъ фитиля; Бибиковъ нашелъ ее неудобною. По возвращеніи былъ пожалованъ Оберъ-Аудиторомъ, въ 1754 году Оберъ-Квартирмейстеромъ и былъ отправленъ путешествовать въ Пруссію; тогда Россія готовилась къ войнѣ съ этою Державою. Алек-

сандръ Ильичь оправдалъ выборъ Начальства, получилъ удовлетворительныя свѣденія о магазинахъ, о числѣ войскъ, за усердіе свое произведенъ въ Подполковники и получилъ въ команду 3-й мушкатерскій полкъ. Открылась война и Бибиковъ съ полкомъ своимъ пошелъ въ Пруссію, отличилъ себя примѣрною храбростію при Цорндорфѣ (въ этомъ сраженіи онъ потерялъ 60 Штабъ и Оберъ-Офицеровъ и половину полка) Франкфуртѣ, Треншау и Колбергѣ, былъ произведенъ въ Полковники и начальствовалъ пѣхотною бригадой, тяжелою и легкою кавалеріей, составлявшею резервъ корпуса Графа П. А. Румянцова.— Зависть, возбужденная Бибиковымъ, была для него лучшею и единственною наградою въ послѣдніе годы Семилѣтней войны. — Петръ III произвелъ его въ Генералъ-Маіоры, а Императрица Екатерина при восшествіи на Престолъ пожаловала Кавалеромъ Ордена Св. Анны. — Въ концѣ 1762 года Александръ Ильичь былъ посланъ Императрицею въ Холмогоры съ объявленіемъ Антону Ульриху, что ему предоставляется свобода выѣхать изъ Россіи и избрать гдѣ угодно мѣсто для своего пребыванія; но что дѣтямъ его, по извѣстнымъ Государственнымъ причинамъ, не возможно еще оказать такого снисхожденія. Принцъ не захотѣлъ разстаться съ своимъ семействомъ. По возвращеніи въ Санктпетербургъ Бибиковъ съ искреннимъ участіемъ къ заключеннымъ донесъ Императрицѣ о добрыхъ ихъ свойствахъ и особенно выгодно отзывался о разумѣ и способностяхъ Принцесы Екатерины. Холодность, оказанная Бибикову послѣ этого донесенія, дала знать, что усердіе къ Брауншвейгскому семейству не нравится Императрицѣ. Александръ Ильичь

удалился въ деревню; но въ 1763 году получилъ приказаніе прекратить возникшія неустройства на Сибирскихъ и Казанскихъ заводахъ, — съ честію окончилъ возложенное порученіе и былъ пожалованъ Орденомъ Св. Александра Невскаго, съ производствомъ въ Секундъ-Маіоры Гвардіи. Александръ Ильичь отказался отъ Ордена, прося Императрицу пожаловать имъ его родителя, находившагося уже нѣсколько лѣтъ въ отставкѣ. Монархиня одобрила поступокъ признательнаго и почтительнаго сына и собственноручно возложила Орденъ на старца!

Въ Мартѣ 1765 года, Бибикову поручено было вмѣстѣ съ Генераломъ Веймарномъ объѣхать западную границу Россіи, осмотрѣть ее и привесть въ ясность разные споры, касательно Русскихъ земель, захваченныхъ въ прежнія времена Поляками. На этомъ пути онъ заѣхалъ въ Запорожскую Сѣчь и по существовавшему тогда между знатными особами обычаю, записался въ товарищи куреня Шкуринскаго: цѣлію этого было желаніе сблизиться съ буйными казаками, узнать ихъ образъ жизни и развѣдать замыслы. По пріѣздѣ въ Санктпетербургъ, 18 Мая 1766 года, онъ произведенъ въ Генералъ-Поручики и въ исходѣ того же года избранъ отъ Костромскаго Дворянства Депутатомъ въ Коммиссію составленія Проэкта Новаго Уложенія. Еще прежде этого Императрица поручила ему сочиненіе Обряда Управленія Коммиссіи и Наказовъ Генералъ-Прокурору и Маршалу. Мы говорили уже, что Бибиковъ, изъ трехъ кандидатовъ, былъ назначенъ Императрицею въ Маршалы Коммиссіи. — Принимая отъ Генералъ-Прокурора Маршальскій жезлъ,

Бибиковъ произнесъ сильную, убѣдительную рѣчь, въ которой говоря объ обязанностяхъ всякаго служить вѣрою и правдою Престолу и Отечеству, замѣтилъ, что предстоящее служеніе, должно обратить на себя все вниманіе и силы Членовъ Коммиссіи. — Въ 1768 году Король Польскій прислалъ Александру Ильичу Орденъ Бѣлаго Орла. Въ 1769 году, по закрытіи Коммиссіи, ему поручено было осмотрѣть Финляндію и представить планъ веденія въ этой странѣ войны, какъ наступательной, такъ и оборонительной. За исполненіе этого порученія Императрица произвела Бибикова въ Преміеръ-Маіоры Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка, поручила въ начальство дивизію и назначила присутствовать въ Военной Коллегіи. Лифляндское Дворянство, въ томъ же году, въ память председательства Бибикова въ Коммиссіи Новаго Уложенія, поднесло ему дипломъ на принятіе въ свое сословіе, съ отцемъ и потомствомъ. Въ исходѣ 1770 Александръ Ильичь встрѣтилъ въ Фридрихсгамѣ пріѣхавшаго въ Петербургъ брата Короля Прусскаго и во все пребываніе его въ Россіи находился при Особѣ Его Высочества.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1771 года, Бибикову ввѣрено было (вмѣсто отозваннаго въ Петербургъ Генерала Веймарна) начальство надъ войсками, дѣйствовавшими въ Польшѣ противъ Конфедератовъ и дано повелѣніе прекратить возникшіе тамъ безпорядки, что имъ выполнено было съ такимъ же успѣхомъ, какъ и прежнія порученія. За новую услугу Императрица возложила (30 Августа 1772) на Александра Ильича Орденъ Св. Александра Невскаго. Во время пребыванія

Бибикова въ Польшѣ, Фридрихъ Великій писалъ къ нему, что желаетъ съ нимъ познакомиться, приглашалъ въ свой лагерь при Маріенвердерѣ; но Бибиковъ немогъ воспользоваться лестнымъ предложеніемъ, отвѣчалъ »что принужденъ жертвовать службѣ наслажденіемъ видѣть Его Величество.« Фридрихъ удостоилъ его еще благосклоннѣйшимъ письмомъ, въ которомъ между прочимъ помѣстилъ »что Генералъ жертвующій удовольствіями долгу службы, пріобрѣтаетъ Его уваженіе.« Надобно замѣтить, что Бибиковъ былъ одного мнѣнія съ Никитою Ивановичемъ Панинымъ касательно раздѣла Польши; а потому, не смотря на награды Императрицы, при возвращеніи изъ Польши Бибиковъ былъ холодно принятъ при Дворѣ. Однако Императрица намѣревалась было ввѣрить Александру Ильичу главное начальство надъ войсками въ Финляндіи и произвела въ Генералъ-Аншефы. Но одинъ Вельможа, ему недоброжелательствовавшій, присовѣтовалъ Екатеринѣ послать лучше Бибикова, какъ искуснаго и опытнаго Генерала, съ частію войскъ, бывшихъ въ Польшѣ, въ армію Графа Румянцова, которая нуждалась тогда въ людахъ. Предполагаемая война съ Швеціею хотя и несостоялась, однако переходъ изъ званія Главнокомандующаго въ Корпусные Генералы не могъ быть нечувствительнымъ для Бибикова. Но привыкши безпрекословно повиноваться священной волѣ Монархини, Александръ Ильичь испросилъ лишь позволеніе пріѣхать на самое короткое время въ Санктпетербургъ, для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ. Бибиковъ былъ опять принятъ холодно.

Александръ Ильичъ готовился отправиться въ армію, дѣйствовавшую противъ Турокъ, и предъ отъѣздомъ былъ на придворномъ балѣ. Неожиданно Императрица подошла къ нему и съ милостивою улыбкою объявила, что назначаетъ его для потушенія мятежа, произведеннаго Пугачевымъ. »Жизнь моя, отвѣчалъ Бибиковъ — принадлежитъ Вашему Императорскому Величеству и Отечеству,« и воспользовавшись веселымъ расположеніемъ духа Государыни, напомнилъ Ей, что на Руси есть простонародная пѣсня:

„Сарафанъ ли мой, дорогой сарафанъ!
Вездѣ ты, сарафанъ, пригожаешься;
А не надо, сарафанъ, и подъ лавкой лежишь."

Государыня поняла значеніе этихъ словъ и отвѣчала на нихъ благосклонною улыбкою.

Бибиковъ отправился противъ Пугачева и награды Императрицы, довольной успѣшными дѣйствіями новаго начальника, не застали его въ живыхъ. Умирая, Бибиковъ не столько сожалѣлъ, что оставляетъ въ бѣдности семейство свое, надѣясь на милосердіе Монархини, какъ о томъ »что Отечество его находится въ бѣдствіи.« Екатерина пролила слезы узнавъ о кончинѣ Бибикова, пожаловала вдовѣ его и дѣтямъ 2,500 душъ въ Бѣлоруссіи, произвела старшаго сына въ Полковники и Флигель-Адъютанты, а меньшаго, десятилѣтняго, въ офицеры Гвардіи; дочь во Фрейлины.

»Бибиковъ« говоритъ Державинъ, служившій подъ его начальствомъ »былъ хорошій Генералъ, мужъ въ гражданскихъ дѣлахъ проницательный, справедливый и честный; тонкій политикъ, одаренный умомъ просвѣщеннымъ, всеобщимъ, гибкимъ, но всегда благороднымъ; имѣлъ доброе сердце, нравъ твердый, вѣрою и благочестіемъ подкрѣпленный; любилъ помогать друзьямъ, даже съ пожертвованіемъ собственныхъ своихъ пользъ, занимался словесностію, весьма хорошо писалъ на природномъ языкѣ, зналъ Нѣмецкій и Французскій; выучился не за долго передъ смертію и Англійскому; умѣлъ выбирать людей; былъ доступенъ и благопривѣтливъ, но имѣлъ важную поступь. Она не умаляла въ немъ веселія, а простота не унижала важности. Всякій нижній и вышній чиновникъ любилъ его и боялся.«

Александръ Ильичь былъ всѣми уважаемъ за свои рѣдкія душевныя качества. Первѣйшія особы въ Государствѣ состояли съ нимъ въ дружеской связи: Графъ Никита Ивановичь Панинъ считалъ его въ числѣ лучшихъ и драгоцѣннѣйшихъ друзей; Герой Задунайскій въ письмахъ къ нему писалъ — *»другъ* и *ты.«* Великій Князь Павелъ Петровичь имѣлъ съ нимъ дружественную переписку.

Любимыми поговорками А. И. Бибикова были: »ни на какое дѣло не напрашивайся и ни отъ какого не отказывайся.« и еще »Jungr Soldat, alter Bettler,«

Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова съ портретомъ его изданы въ 1817 году, младшимъ его сыномъ Сенаторомъ и Тайнымъ Совѣтникомъ А. А. Бибиковымъ.

113. Гавріилъ Романовичъ Державинъ, славный Поэтъ. Начальствуя тремя фузелерными ротами, онъ привелъ въ повиновеніе раскольничьи селенія, на берегу Иргиза, и Орды племенъ, кочевавшихъ между Яикомъ и Волгою. Освободилъ отъ Киргизъ-Кайсаковъ около полуторы тысячи плѣнныхъ колонистовъ. Узнавъ однажды, что множество народу собралось въ одной деревнѣ съ намѣреніемъ идти къ Пугачеву, Державинъ пріѣхалъ съ двумя казаками прямо къ сборному мѣсту и потребовалъ отъ народа объясненія. Двое изъ зачинщиковъ выступили изъ толпы, объявили ему свое намѣреніе и начали къ нему приступать съ укорами и угрозами. Народъ готовъ уже былъ взволноваться. Но строгій голосъ Державина и приказаніе повѣсить зачинщиковъ — остановили возмущеніе.

114. »За грѣхи мои,« писалъ Александръ Ильичь Бибиковъ, »навязался мнѣ братецъ мой А. Л., который самъ вызвался сперва командовать особливымъ деташаментомъ, а теперь съ мѣста сдвинуть не могу.«

115. Рычковъ описывая пораженіе и бѣгство Пугачева, имѣвшее слѣдствіемъ освобожденіе Оренбурга, и предшествовавшую битву, говоритъ »еще носился слухъ: якобы предводитель злодѣевъ, ежелибъ на двухъ послѣднихъ сраженіяхъ совершенно разбитъ не былъ и получилъ бы тутъ новое усиліе, то намѣревался онъ, подъ именемъ Его Высочества Государя Цесаревича Павла Петровича, сообщникамъ своимъ представить неизвѣстнаго какого-то молодаго человѣка, и называть его своимъ сыномъ, съ тѣмъ, чтобъ

онымъ подкрѣпить еще у подлаго народа всѣ свои злодѣйскіе замыслы.«

116. Яицкъ или, по казацки, Яицкій городокъ, это первое гнѣздо бунта, долго не выходилъ изъ повиновенія, удерживаемый отъ мятежа войскомъ Симонова. Но наконецъ ложная молва о взятіи Пугачевымъ Оренбурга, ободрила приверженцевъ самозванца. Казаки начали пересылаться съ бунтовщиками и отряжаемые Симоновымъ изъ города для содержанія карауловъ или для поимки возмутителей, подсылаемыхъ изъ-подъ Оренбурга, стали явно оказывать неповиновеніе, освобождать схваченныхъ мятежниковъ, вязать вѣрныхъ Старшинъ и перебѣгать въ лагерь къ самозванцу. Разнеслись слухи о приближеніи мятежническаго отряда. Въ ночь съ 29 на 30 Декабря Старшина Мостовщиковъ выступилъ изъ города противъ Пугачевскаго отряда; чрезъ нѣсколько часовъ трое изъ бывшихъ съ нимъ казаковъ прискакали въ крѣпость и объявили, что Мостовщиковъ захваченъ многочисленными толпами бунтовщиковъ. Симоновъ оробѣлъ; въ городѣ произошло смятеніе. Къ счастію въ крѣпости находился Капитанъ Крыловъ (родитель славнаго нынѣ баснописца, бывшаго тогда еще четырехлѣтнимъ ребенкомъ) человѣкъ рѣшительный и благоразумный. Онъ въ первую минуту безпорядка принялъ начальство надъ гарнизономъ и сдѣлалъ нужныя распоряженія. 31 Декабря отрядъ мятежниковъ вошелъ въ городъ. Жители приняли его съ восторгомъ и тутъ же вооружились чѣмъ ни попало, соединились, съ нимъ бросились къ крѣпости, засѣли въ избы и начали стрѣлять изъ окошекъ. Симоновъ и Крыловъ

хотѣли зажечь ближайшіе дома. Но бомбы падали въ снѣгъ и угасали, или тотчасъ были заливаемы. Ни одна изба не загоралась. Наконецъ трое рядовыхъ вызвались зажечь дворъ, что имъ и удалось. Пожаръ быстро разпространился. Мятежники выбѣжали изъ крѣпости; по нихъ ударили изъ пушекъ; они удалились, унося убитыхъ и раненыхъ. Къ вечеру ободренный гарнизонъ сдѣлалъ вылазку и успѣлъ зажечь еще нѣсколько домовъ.

Въ крѣпости находилось до тысячи гарнизонныхъ солдатъ и послушныхъ казаковъ (такъ называли тогда казаковъ, гнушавшихся мятежемъ); довольное количество пороху, но мало съѣстныхъ припасовъ. Мятежники обложили крѣпость, завалили бревнами обгорѣлую площадь и ведущія къ ней улицы, построили батареи и начали вести подкопы. Осажденные старались только отдалить непріятеля, очищая площадь и нападая на укрѣпленныя избы. Опасныя вылазки производились ежедневно; иногда два раза въ день и рѣдко безъ успѣха. Впрочемъ надо сказать и то, что мятежники довольствовались блокадою и намѣревались голодомъ принудить крѣпость къ здачѣ.

Въ Отечественныхъ Запискахъ, издав. П. П. Свиньинымъ находится любопытная статья, подъ заглавіемъ »*Оборона Яицкой крѣпости отъ партіи мятежниковъ.*« Эта статья неизвѣстнаго очевидца написана съ привлекательною простотою и довольно подробно.

117. *См. Истор. Пугач. Бунта, А. С. Пушкина Часть I. стр. 106.*

118. См. выше, примѣчаніе 114.

119. Преосвященный Веніаминъ, въ свѣтскомъ званіи Василій Пуцекъ Григоровичъ, лице замѣчательное въ Исторіи Пугачевскаго Бунта.

Онъ обучался въ Кіевской Академіи, оттуда студентомъ вызванъ въ первые учители въ Славянолатинскую школу, вновь заведенную въ Казанской (1733). Епархіи при Зилантовѣ монастырѣ. Здѣсь вступилъ онъ въ монашество и, по преобрзованіи школы въ семинарію, началъ (1740), въ званіи Префекта, преподавать Философію; въ 1744 году опредѣленъ Ректоромъ и Архимандритомъ Спасо-Казанскаго монастыря и въ 1748 году Хиротонисовъ въ Епископы Нижегородскіе. Въ 1753 переведенъ въ Тверь, оттуда, въ 1758, въ Псковъ и, въ 1761 году, пожалованъ Императрицею Елизаветою въ Архіепископы Санктпетербургскіе; но, при восшествіи на Престолъ Императрицы Екатерины II, перемѣщенъ въ Казань, съ сохраненіемъ званія Сvнодальнаго Члена.

Явился Пугачевъ. Архіепископъ Казанскій, какъ очевидный свидѣтель многихъ происшествій, сопровождавшихъ кончину Императора Петра III, какъ усердный слуга Церкви, Престола и Отечества, почелъ долгомъ обнаружить обманъ злодѣя, образумить ослѣплѣнныхъ, изобличить самозванца. Посредствомъ печатныхъ обнародованій, онъ увѣрялъ свою паству, свидѣтельствуясь Богомъ »что бывшій Императоръ Всероссійскій Петръ III скончался въ 1762 году; что тѣло его, привезенное въ Александроневскій монастырь, было поставлено въ залѣ тѣхъ деревянныхъ по-

коевъ, въ которыхъ онъ, Веніаминъ, Архіепископъ Санктпетербургскій, имѣлъ тогда жительство; что нѣсколько дней, по обычаю древнему, приходили туда, для отданія ему послѣдняго Христіанскаго долга, вельможи, всякаго званія люди и простой народъ и что; въ присудствіи ихъ, перенесено оно потомъ, съ подобающею церемоніей въ церковь, гдѣ по отпѣтіи, запечатлѣно земною перстію имъ самимъ.« Сверхъ того Веніаминъ сочинилъ увѣщательное слово, которое разослалъ по всѣмъ церквамъ Епархіи, съ повеленіемъ читать народу,, и самъ съ Святительской каѳедры, въ Казани, не преставалъ живымъ словомъ наставлять и утверждать свою паству въ непоколебимой вѣрности къ Августѣйшей Монархинѣ, въ преданности къ Отечеству. »Правовѣрные, вѣщалъ онъ, должны пребывать непоколебимы въ вѣрѣ православной и въ повиновеніи премудраго Закона Божія,? коимъ правятъ Цари Царствующіе и Господа Господствующіе; люди всякаго состоянія должны ополчиться на защиту Вѣры, Отечества, женъ и дѣтей своихъ, противъ злобнаго возмутителя и безбожныхъ его соумышленниковъ, которые, возставши на церковь Божію и священныхъ ея служителей, не щадя никакого состоянія, ниже какого пола, ни невинныхъ младенцевъ, распространяютъ повсюду неслыханное варварство и опустошеніе, не различаютъ и покорствующихъ имъ отъ противящихся, предаютъ всѣхъ, безъ разбора, ужаснѣйшимъ истязаніямъ и мучительной смерти, и тѣмъ самымъ, подвергаются страшной анаѳемѣ и правосудному гнѣву и мщенію Божіему, и въ ожиданіи адскихъ мученій, неизбѣгнутъ и на земли достойнаго имъ наказанія.« И,

не смотря на все это, достойный Архипастырь имѣлъ несчастіе быть оклеветаннымъ предъ Государынею!

Какой-то дворянинъ Илья Аристовъ, служившій въ Томскомъ полку Капраломъ, бѣжалъ въ таборъ Пугачева, посланъ былъ отъ него въ одну Донскую станицу съ возмутительными письмами, схваченъ и посаженъ въ казанскій острогъ. По взятіи Казани мятежниками, онъ былъ освобожденъ съ прочими колодниками и »за претерпѣніе« былъ произведенъ Пугачевымъ въ Полковники, получилъ отъ него отрядъ бунтовщиковъ съ повелѣніемъ грабить въ Нижегородской Губерніи, былъ взятъ подъ Нижнимъ — и тамъ, при допросѣ, преисполнилъ мѣру преступленій своихъ гнусною клеветою на Казанскаго Архіепископа. Какой-то Огородниковъ лжесвидѣтельствомъ подкрѣпилъ клевѣту своего собрата по злодѣяніямъ.

13 Октября 1774 года была приставлена стража къ Преосвященному; два Члена Тайной Слѣдственной Коммиссіи не отлучно находились при немъ, никого къ нему не допускали, не дозволяли ни съ кѣмъ переписываться. Параличный ударъ едва не прекратилъ жизни старца!

Трудно представить, какъ повѣрили доносу измѣнника, грабителя и убійцы, доносу неподтвержденному ничѣмъ, кромѣ свидѣтельства другаго разбойника. Но, должно вспомнить тогдашнія смутныя обстоятельства, извинявшія подобную подозрительность; вспомнить и то, что Веніаминъ переведенъ былъ изъ Санктпетербурга въ Казань, вскорѣ по возшествіи на Престолъ Императрицы Екатерины II. Къ ча-

стію Архипастыря, люди, производившіе надъ нимъ слѣдствіе, были благоразумны, правосудны и способны открыть истину: они донесли Государынѣ »что Архіепископъ Казанскій не причастенъ постыдной измѣнѣ; обнесенъ, страждетъ невинно.« Это вскорѣ подтвердилось и признаніемъ злодѣя въ клеветѣ, который допрашиванъ былъ, подъ пыткою, сначала въ Казанской Коммиссіи и, потомъ, въ тайной Московской Генералъ-Прокуроромъ Княземъ Вяземскимъ и Шешковскимъ.

Какъ скоро открылась невинность Архипастыря, Императрица поспѣшила успокоить его знаками своего особеннаго благоволенія. Она пожаловала Веніамина Митрополитомъ (26 Января 1775) при слѣдующемъ рескриптѣ: »Къ крайнему удовольствію узнала Я, что невинность Вашего Преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу симъ отличнымъ знакомъ чести; да будетъ оный для всякаго всегдашнимъ напоминаніемъ торжествующей добродѣтели Вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои Васъ уязвляли, припишите сіе судьбѣ Божіей, благоволившей Васъ прославить по несчастнымъ и смутнымъ обстоятельствамъ тамошняго края; принесите молитвы Господу Богу, а я, съ отмѣннымъ доброжелательствомъ, есть и проч. . .« »Милость и судъ безпримѣрные Вашего Императорскаго Величества,« отвѣчалъ Веніаминъ, »кои на мнѣ соизволили удивить предъ цѣлымъ свѣтомъ, воскресили меня отъ гроба, возвратили жизнь, которую я, отъ младыхъ лѣтъ, посвятилъ на службу, по Бозѣ, въ непоколебимой вѣрности Вашему Монаршему Престолу и отечественной

пользѣ, сколько отъ меня зависитъ; а продолжалась она пятьдесятъ три года; но которую клевета, наглость и злоба противъ человѣчества исторгнуть покушались и проч.« — Преосвященный Веніаминъ пробылъ еще семь лѣтъ на своей каѳедрѣ и потомъ (1782) испросилъ себѣ увольненіе на покой, удалился въ Седміезерную пустынь, въ 17 верстахъ отъ Казани, и тамъ, въ маститой старости, переселился въ жизнь вѣчную.

120. Изъ 2867 домовъ, бывшихъ въ Казани, сгорѣло 2057. Двадцать пять церквей и три монастыря въ городѣ тоже были превращены въ пепелъ. Пощаженные пламенемъ церкви и монастыри, гостиный дворъ и домы были розграблены. — Найдено до трехъ сотъ убитыхъ и раненыхъ обывателей; до пяти сотъ пропало безъ вѣсти.

»Исторія должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную свѣтомъ: »говоритъ А. С. Пушкинъ, »утверждали, что Михельсонъ могъ предупредить взятіе Казани, но что онъ нарочно далъ мятежникамъ время ограбить городъ, дабы въ свою очередь поживиться богатою добычею, предпочитая какую бы то ни было прибыль славѣ, почестямъ и Царскимъ наградамъ, ожидавшимъ спасителя Казани и усмирителя бунта! Если Потемкинъ и Брантъ сдѣлали бы свое дѣло и успѣли удержаться хоть нѣсколько часовъ, то Казань была бы спасена. Солдаты Михельсона конечно обогатились; но стыдно было бы намъ обвинять, безъ доказательства, стараго, заслуженаго воина, проведшаго всю жизнь на полѣ

чести и умершаго Главнокомандующимъ Русскими войсками. *См. Истор. Пугач. Бунта Часть I. стр. 134—136.*

Описаніе Казанскаго приступа находится »въ *краткомъ извѣстіи о злодѣйскихъ на Казань дѣйствіяхъ вора, измѣнника и бунтовщика Емельки Пугачева, собранномъ Платономъ Любарскимъ, Архимандритомъ Спасо-Казанскимъ, 1774 года Августа 24.«*

121. Князь Щербатовъ сдалъ начальство надъ войсками Князю Голицыну 8 Іюля.

122. Въ то же время былъ въ Саратовѣ и Державинъ, куда онъ прибылъ въ концѣ Іюля. 1 Августа, обще съ главнымъ судіею Конторы Опекунства Иностранныхъ, Лодыжинскимъ, потребовалъ Бошняка для совѣщанія о мѣрахъ, какія должно было предпринять для отраженія самозванца. Державинъ утверждалъ, что около конторскихъ магазиновъ внутри города, должно было сдѣлать укрѣпленіе, ввѣрить его Лодыжинскому, перевесть туда казну, лодки на Волгѣ сжечь, по берегу разставить баттареи и идти на встрѣчу Пугачеву. Бошнякъ не хотѣлъ оставить свою крѣпость. Спорили, горячились—и Державинъ выйдя изъ себя, предлагалъ арестовать Коменданта. Бошнякъ остался непоколебимъ, повторяя, что онъ ввѣренной ему крѣпости и Божіихъ церквей покинуть на расхищеніе не хочетъ. Державинъ, оставя его, пріѣхалъ въ Магистратъ; предложилъ, чтобы всѣ обыватели поголовно явились на земляную работу къ мѣсту, назначенному Лодыжинскимъ. Бошнякъ жаловался, но никто его не слушалъ и кромѣ того

Державинъ офиціальнымъ письмомъ осмѣивалъ старика, упрекалъ его незнаніемъ правилъ военной архитектуры и проч. (письмо это помѣщено во 2-й части Исторіи Пуг. Бунта).

4 Августа узнали въ Саратовѣ, что Пугачевъ выступилъ изъ Пензы и приближается къ Петровску. Державинъ потребовалъ отрядъ Донскихъ казаковъ и пустился съ ними въ Петровскъ, чтобы вывезти оттуда казну, порохъ и пушки. Подъѣзжая къ городу, онъ услыхалъ колокольный звонъ и увидѣлъ, что мятежниковъ принимаютъ съ хлѣбомъ-солью. Державинъ оставилъ свой отрядъ и съ Есауломъ и двумя казаками поскакалъ обратно въ Саратовъ. Между тѣмъ Пугачевъ окружилъ отрядъ, оставленный Державинымъ и узналъ, что ими предводительствовалъ Гвардейскій Офицеръ, тотчасъ перемѣнилъ лошадь, схватилъ дротикъ и самъ съ четырьмя казаками погнался за Державинымъ, заколол Есаула, сопровождавшаго его; но неокуренный порохомъ Гвардіи Поручикъ успѣлъ убраться въ Саратовъ и поспѣшно оттуда выѣхалъ вмѣстѣ съ Лодыжинскимъ, оставя защиту города на попеченіе осмѣяннаго ими Бошняка.

123. *См. Истор. Пугачев. Бунта Част. I стр. 150.*

124. Солмановъ долженъ былъ первый выйти изъ Саратова съ половиною гарнизона; но Бошнякъ, замѣтя въ немъ робость, или что вѣроятнѣе и хуже, готовность измѣнить, отрѣшилъ его отъ начальства. Маіоръ Бутыринъ вступился за своего товарища. Бошнякъ оказалъ слабость, оставилъ на прежнемъ мѣстѣ Солманова и велѣлъ ему выступить изъ крѣпости Солмановъ вышелъ съ распущенными знаменами — и

преклонилъ оружіе предъ самозванцемъ. Остальная часть гарнизона, кромѣ шестидесяти человѣкъ, послѣдовала примѣру измѣнника.

125. На правомъ берегу Волги Графъ Петръ Ивановичь Панинъ приказалъ продавать муку ржаную по 2 руб. 70 коп., крупу 3 руб., 50 коп., овесъ по 1 руб. 10 коп., четверть. На лѣвомъ берегу: муку по 1 руб. 80 коп., крупу по 3 рубля, овесъ по 80 коп., сѣно повсемѣстно не выше 6 коп. за пудъ. Эти цѣны не только не были убыточны для торговцевъ; но еще были выше существовавшихъ до бунта. Корыстолюбію продавцевъ, пользовавшихся смутными обстоятельствами, былъ положенъ предѣлъ, и они должны были довольствоваться умѣренными процентами барыша.

126. Считаемъ ненужнымъ напомнить читателямъ, что подъ словомъ: *всѣ* мы разумѣли лишь чернь.

127. Еще при жизни Бибикова, Государственная Военная Коллегія, видя важность возмущенія, вызывала Суворова, который въ то время находился подъ стѣнами Силистріи. Но по предложенію Фельдмаршала Графа Румянцова, Суворовъ оставленъ былъ въ арміи противъ Турокъ, въ уваженіе того, чтобы отъѣздомъ въ возмутившійся край Генерала, прославившагося уже на поляхъ битвы, не подать Европѣ слишкомъ великаго понятія о внутреннихъ безпокойствахъ въ Россіи. Осторожность—не принесшая пользы Россіи и не скрывшая отъ взоровъ Европы слишкомъ смутныхъ обстоятельствъ, въ коихъ находилось наше Отечество. Противъ Пугачева нужны были не силь-

ные отряды, какъ доносилъ Каръ, но именно искусный, храбрый и опытный предводитель. Это доказалъ Михельсонъ, разбивавшій огромныя полчища самозванца, можно сказать, съ горстью воиновъ.

Суворовъ прибылъ въ возмутившійся край уже послѣ окончанія Турецкой войны, и получилъ отъ Графа Панина предписаніе начальникамъ войскъ и губернаторамъ исполнять всѣ его приказанія. Принявъ начальство надъ Михельсоновымъ отрядомъ, Суворовъ посадилъ пѣхоту на лошадей, отбитыхъ у Пугачева, взялъ въ одной изъ бунтовавшихъ деревень, подъ видомъ контрибуціи, сто воловъ и съ этимъ запасомъ углубился въ степь, гдѣ ему должно было направлять путь свой съ помощію компаса.

128. Пугачевъ намѣревался идти къ Каспійскому морю и надѣялся пробраться какъ нибудь въ Киргисъ-Кайсацкія степи. Но казаки видѣли и тамъ неминуемую гибель, рѣшились заслужить себѣ прощеніе. Они притворно согласились на предложеніе своего предводителя; но сказавъ, что хотятъ взять съ собою женъ и дѣтей, заманили его на Узени. Тамъ въ одномъ раскольничьемъ селеніи произошло послѣднее совѣщаніе, и казаки несогласившіеся отдаться во власть Правительства, разсѣялись. Прочіе пошли въ избу самозванца. Пугачевъ сидѣлъ одинъ. Оружіе его висѣло на стѣнѣ. Услыша вошедшихъ казаковъ, онъ спросилъ, что имъ надобно. Они завели рѣчь о своемъ отчаянномъ положеніи и, между тѣмъ, подвигаясь мало по малу, старались заслонить висѣвшее оружіе. Пугачевъ объявилъ имъ, что завтра должны они готовиться къ

отъѣзду въ Юрьевъ городокъ: но казаки сказали, что они уже долго ѣздили за нимъ, и теперь хотятъ попросить его ѣхать за ними. »Что? вскричалъ Пугачевъ, думавшій грознымъ голосомъ устрашить своихъ клевретовъ, вы хотите измѣнить своему Государю?« Но казаки съ словомъ—»что дѣлать!« кинулись на самозванца. Онъ успѣлъ отъ нихъ отбиться, сталъ въ сторону, сказалъ: »я давно видѣлъ вашу измѣну »и подозвавъ Творогова, своего любимца, протянулъ къ нему руки и вскричалъ: »вяжи — своего государя!« но этотъ оборотъ неудался. Твороговъ приготовился скрутить ему руки назадъ. Тогда Пугачевъ опять отбился, и сказалъ гнѣвно: »развѣ я разбойникъ?« Я такъ за вами поѣду!« Казаки согласились и на это, подвели ему лошадь и повезли къ Яицку. Во всю дорогу Пугачевъ убѣждалъ ихъ возвратиться на прежній путь, угрожалъ мѣстью Великаго Князя. Однажды ему удалось выхватить саблю и пистолетъ у одного казака, выстрѣлить въ него. Но и это не помогло. Пугачевъ былъ связанъ.

Въ Яицкѣ Мавринъ допросилъ Самозванца. Пугачевъ съ перваго слова открылся: »Богу было угодно, сказалъ онъ, наказать Россію чрезъ мое окаянство.« Мавринъ велѣлъ жителямъ Яицка собраться на городскую площадь, привелъ туда въ оковахъ Пугачева и казаковъ привезшихъ его. Всѣ узнали злодѣевъ. Пугачевъ, обратившись къ прежнимъ сообщникамъ своимъ ,предавшимъ его и себя во власть Правительства, громко сказалъ: »вы погубили меня; нѣсколько дней упрашивали принять на себя имя покойнаго Великаго Государя; я долго отрицался, а когда согласился, то все,

что ни дѣлалъ, было съ вашей воли и согласія; вы же поступали часто безъ вѣдома моего и даже противъ воли моей.«

См. Исторію Пугач. Бунта. Часть I. стр. 158, 169 и 160.

129. Пугачева окружалъ сильный отрядъ при двухъ пушкахъ. Суворовъ не отлучался отъ телѣги, въ которой сидѣлъ самозванецъ. Въ деревнѣ Мостахъ (140 верстъ отъ Самары) случился пожаръ, близъ избы, гдѣ ночевалъ Пугачевъ. Его высадили изъ клѣтки, привязали къ телѣгѣ вмѣстѣ съ сыномъ рѣзвымъ и смѣлымъ мальчикомъ, и во всю ночь, Суворовъ самъ ихъ караулилъ.

Въ Симбирскъ Пугачева привезли прямо на дворъ къ Графу Панину, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, окруженный своимъ Штабомъ. »Кто ты таковъ?« »спросилъ онъ у самозванца. »Емельянъ Ивановъ Пугачевъ,« отвѣчалъ — тотъ. »Какъ же смѣлъ ты, воръ, назваться Государемъ?« продолжалъ Панинъ. »*Я не воронъ* (возразилъ Пугачевъ, играя словами и изъясняясь по своему обыкновенію, иносказательно), *я вороненокъ, а воронъ-то еще летаетъ!*« Панинъ замѣтя, что дерзость злодѣя поразила народъ, столпившійся около двора, ударилъ самозванца по лицу до крови и вырвалъ у него клокъ бороды. Пугачевъ сталъ на колѣни и просилъ помилованія. Онъ посаженъ былъ подъ крѣпкій караулъ, скованный по рукамъ и по ногамъ, съ желѣзнымъ обручемъ около поясницы, на цѣпи, привинченной къ стѣнѣ. См. Исторію Пуг. Бунта. Ч. I. стр. 163.

Выписываемъ еще нѣсколько любопытныхъ строкъ изъ Лѣтописи Академика Рычкова: »въ бытность мою въ Симбирскѣ, по повелѣнію его Сіятельства Графа Панина, для нѣкоторыхъ изъясненій, касающихся до Оренбургской губерніи дѣлъ, самъ его Сіятельство изволилъ меня спрашивать, желаю ль я онаго злодѣя видѣть, и какъ я донесъ, что немалое имѣю къ тому любопытство, то приказалъ онъ меня препроводить на ту квартиру, гдѣ помянутый Пугачевъ содержался; чтобъ подать здѣсь о смыслѣ и состояніи его нѣкоторую идею, то нарочно вношу здѣсь краткій мой съ онымъ злодѣемъ бывшій разговоръ. Вошедъ къ нему въ такое время, когда онъ сидѣлъ и ѣлъ щербу, налитую на деревянное блюдо, первое его слово было ко мнѣ: »добро пожаловать« съ просьбою — съ нимъ обѣдать, а сіе онъ не только удвоилъ, но и утроилъ. Я изъ сего познавъ подлый духъ и помолчавъ немного, сталъ ему говорить: Какъ онъ отважиться могъ на такія злодѣйства и продерзости? На сіе онъ отвѣтствовалъ, что виноватъ передъ Богомъ и Ея Величествомъ, и будетъ стараться все оное заслуживать, что онъ по своей подлости и божбою неоднократно подтверждалъ. Послѣ того спросилъ онъ у меня, кто я; и какъ я ему отвѣчалъ о моемъ званіи, во отвѣтъ сказалъ при томъ, что я отъ него и отъ его сообщниковъ совсѣмъ разоренъ, а тягчѣе всего, что лишился моего сына, бывшаго въ Симбирскѣ Комендантомъ и Полковникомъ, который убитъ недавно подъ пригородомъ на сраженіи съ его сообщниками, то онъ отвѣтствовалъ на сіе, яко бы все то дѣлано безъ его вѣдома, ибо-де сообщники его, что ни похотѣли, то, не спрашиваясь его, сами дѣлали. А какъ я, выговоря объ моемъ

покойномъ сынѣ, смутился и отъ слезъ удержаться не могъ, тогда яко бы и онъ Пугачевъ, какъ то бывшіе со мною штабъ и оберъ-офицеры увѣряли, заплакалъ же: но сіе было въ немъ отъ его великаго притворства, къ которому, какъ отъ многихъ слышно было, такъ онъ пріучился, что, когда бъ ни захотѣлъ, могъ дѣйствительно плакать. Впрочемъ изъ лица и рѣчи его Пугачева примѣтно мнѣ было, что онъ самый извергъ натуры и ко всякому злому предпріятію склонный человѣкъ; глаза у него чрезвычайно быстры, волосы и борода черные; росту небольшаго, но широкъ въ плечахъ, и весьма скоръ въ поворотахъ; къ воинскимъ дѣламъ, по казацкимъ обыкновеніямъ и при многихъ случаяхъ оказывалъ онъ велику склонность и проворность.

130. Императрица Екатерина между прочимъ писала къ Волтеру: (22 Октября 1774 года) »Pougatschef ne sait ni lire, ni écrire, mais c'est un homme extrêmement hardi et déterminé. Jusqu'ici il n'y a pas la moindre trace qu'il ait été l'instrument de quelque puissance, ni qu'il ait suivi l'inspiration de qui que ce soit. Il est à supposer que Mr Pougatschef est maitre brigand, et non valet d'ame qui vive.

Mais ce qui montre bien jusqu'où l'homme se flatte, c'est qu'il ose concevoir quelque éspérance. Il s'imagine qu'à cause de son courage, je pourrai lui faire grâce, et qu'il fairait oublier ses crimes passés, par ses services futurs. S'il n'avait offencé que moi, son raisonnement pourrait être juste et je lui pardonnerais. Mais cette cause est celle de l'empire qui a ses loix.

131. Въ Симбирскѣ Панинъ избранъ былъ въ Дворянскіе Предводители, но отказался отъ этаго почетна-

го званія. Тогда Дворянство отправило къ нему шестьдесятъ два Депутата подъ предводительствомъ Г. Похвистнева, который говорилъ слѣдующую рѣчь: »Животодатель твоихъ собратій! Среди ихъ, кому иному, кромѣ тебя, приличествуетъ первенство? Чистота души твоей, чуждое всякаго пристрастія сердце, никакими превратностями слѣпаго стеченія случаевъ непотрясаемая твоя твердость; примѣрная любовь, усердіе, ревность ко главѣ и всему составу твоего Отечества; всегдашнее отъ самаго твоего отрочества предпочтеніе его пользъ всему собственно до тебя принадлежащему; твои побѣды надъ иноплеменниками; разрушеніе неприступныхъ городовъ ихъ; твои укрѣпленія силъ и дѣйствительности законовъ Царей нашихъ; а напослѣдокъ совершившееся нынѣ спасительное Отечеству твоему служеніе, которому не токмо мы, живущіе во времена твои, но ниже самые отдаленнѣйшіе потомки никогда обязанными быть не перестанутъ—вотъ права, священныя твои права къ первенству надъ твоими собратіями; вотъ убѣжденія, коими порываемое Дворянство Симбирское предстояло уже предъ тобою съ подношеніемъ предводительства: но великія дѣла исходящія изъ твоихъ мыслей тебя занимающія, твои труды для благоденствія здѣшнихъ предѣловъ, не допустили тебя согласиться на прошеніе наше. Ты вмѣнилъ оное себѣ въ честь и тѣмъ доказалъ, что душа твоя не одними героическими свойствами, но и снисхожденіемъ преисполнена, Прими же, великій мужъ! за сіе благодарность отъ Симбирскаго Дворянства. Имя твое и память о тебѣ пребудутъ сладостными и не оцѣненными въ роды онаго и роды.«

132. Слѣдствіе производили Генералъ-Аншефъ Князь Михайла Никитичь Волконскій (пожалованный въ 1771 году Главнокомандующимъ въ Москву, вмѣсто Графа Петра Семеновича Салтыкова) и Генералъ Маіоръ Павелъ Сергѣевичь Потемкинъ.

133. А. С. Пушкинъ въ своей Истор. Пуг. бунта говоритъ (часть 1 стр. 167) что »палачь имѣлъ тайное повеленіе сократить мученія преступниковъ. У труна (обезглавленнаго) отрѣзали руки и ноги, палачи разнесли ихъ по четыремъ угламъ эшафота, голову показали уже потомъ и воткнули на высокій колъ.«

Вотъ какъ описана казнь самозванца А. С. Пушкинымъ. Описаніе это заимствовано изъ неизданныхъ записокъ И. И. Дмитріева.

»Казнь Пугачева и его сообщниковъ совершилась въ Москвѣ, 10 Января 1775 года. Съ утра безчисленное множество народа столпилось на Болотѣ, гдѣ воздвигнутъ былъ высокій намостъ. На немъ сидѣли палачи и пили вино, въ ожиданіи жертвъ. Около намоста стояли три висѣлицы. Кругомъ выстроены были пѣхотные полки. Офицеры были въ шубахъ, по причинѣ жестокаго мороза. Кровли домовъ и лавокъ усѣяны были людьми; низкая площадь и ближнія улицы заставлены каретами и колясками. Вдругъ все заколебалось и зашумѣло; закричали: везутъ, везутъ! Вслѣдъ за отрядомъ кирасиръ ѣхали сани, съ высокимъ амвономъ. На немъ, съ открытою головою, сидѣлъ Пугачевъ, насупротивъ его духовникъ. Тутъ же находился чиновникъ Тайной Экспедиціи. Пугачевъ, пока его везли, кланялся на обѣ стороны. За санями слѣдовала еще конница и шла толпа прочихъ осужденныхъ.«

»Сани остановились противъ крыльца лобнаго мѣста. Пугачевъ и любимецъ его Перфильевъ, въ препровожденіи духовника и двухъ чиновниковъ, едва взошли на эшафотъ, раздалось повелительное слово: *на караулъ*, и одинъ изъ чиновниковъ началъ читать манифестъ.«

»При произнесеніи чтецомъ имени и прозвища главнаго злодѣя, также и станицы, гдѣ онъ родился, Оберъ-Полицеймейстеръ спрашивалъ его громко: ты ли Донской казакъ, Емелька Пугачевъ? Онъ столь же громко отвѣтствовалъ: такъ, государь, я Донской казакъ, Зимовейской станицы, Емелька Пугачевъ. Потомъ, во все продолженіе чтенія манифеста онъ, глядя на Соборъ, часто крестился, между тѣмъ, какъ сподвижникъ его, Перфильевъ, немалаго роста, сутулый, рябой и свирѣповидный, стоялъ неподвижно, потупя глаза въ землю. По прочтеніи манифеста, духовникъ сказалъ имъ нѣсколько словъ, благословилъ ихъ и пошелъ съ эшафота. Читавшій манифестъ, послѣдовалъ за нимъ. Тогда Пугачевъ, сдѣлавъ съ крестнымъ знаменіемъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, обратился къ Соборамъ, потомъ съ уторопленнымъ видомъ сталъ прощаться съ народомъ; кланялся на всѣ стороны, говоря прерывающимся голосомъ: *прости, народъ православный; отпусти, въ чемъ я согрубилъ предъ тобою... прости, народъ православный!* При семъ словѣ Экзекуторъ далъ знакъ; палачи бросились раздѣвать его; сорвали бѣлый бараній тулупъ; стали раздирать рукава шелковаго малиноваго полукафтанья. Тогда онъ сплеснулъ руками, повалился навзничь, и въ мигъ окровавленная голова уже висѣла въ воздухѣ.«

Перфильевъ, перекрестясь, простерся ницъ и остался недвижимъ. Палачи его подняли и казнили такъ же, какъ и Пугачева. Между тѣмъ Шигаевъ, Падуровъ и Торновъ уже висѣли въ послѣднихъ содроганіяхъ. . . Въ сіе время зазвенѣлъ колокольчикъ; Чику повезли въ Уфу, гдѣ казнь его должна была совершиться. Тогда начались торговыя казни; народъ разошелся; осталась малая кучка любопытныхъ около столба, къ которому, одинъ послѣ другаго, привязывались преступники, присужденные къ кнуту. Отрубленные члены четвертованныхъ мятежниковъ были разнесены по Московскимъ заставамъ, и, нѣсколько дней послѣ, сожжены вмѣстѣ съ тѣлами.«

134. *См. Сентенцію, 1775 Января 10, о казни Пугачева и его сообщниковъ.*

135. Помѣщаемъ здѣсь объявленіе прощеннымъ преступникамъ, читанное Генералъ-Прокуроромъ Княземъ Вяземскимъ.

По Высочайшему Ея Императорскаго Величества повелѣнію, въ полномъ собраніи Правительствующаго Сената, обще съ Членами Святѣйшаго Синода, первыхъ трехъ классовъ персонами и Президентами Коллегій, слушано произведенное слѣдствіе о бунтовщикѣ, самозванцѣ и государственномъ злодѣѣ Емелькѣ Пугачевѣ и его сообщникахъ, и по силѣ Священнаго Писанія и Гражданскихъ законовъ заключена сентенція, которая вчерашняго числа исполнена, и осужденные злодѣи иные должную казнь, а другіе наказаніе получили. Въ числѣ сихъ преступниковъ и соучаственниковъ въ злодѣяніяхъ были и вы, здѣсь предстоящіе, Илецкій казакъ Иванъ Творогов, да Яицкіе Ѳедоръ

Чумаковъ, Василій Коноваловъ, Иванъ Бурновъ, Иванъ Ѳедуловъ, Петръ Пустобаевъ, Козьма Кочуровъ, Яковъ Почиталинъ и Семенъ Шелудяковъ: вообразя сіе, не должны ли вы содрогаться отъ ужаса, и проклинать прошедшее свое заблужденіе, влекущее васъ въ пагубу? Наистрожайшая смертная казнь предписывалась вамъ божественными и гражданскими законами и вѣчная мука по Священному Писанію. Но должны вы благодарить Создателя и считать себя счастливыми, что находясь на краю пропасти, Всевышняя Десница отвратила отъ глазъ вашихъ мракъ ослѣпленія, и вы, внявъ гласу и угрызенію совѣсти и возчувствуя тяжесть беззаконій своихъ, пришли въ раскаяніе и сами явились съ повинною; а Иванъ Твороговъ, Ѳедоръ Чумаковъ, Василій Коноваловъ, Иванъ Бурновъ и Иванъ Ѳедуловъ, не токмо себя самихъ, но и самаго злодѣя Емельку Пугачева предали законной власти и правосудію. Таковое обращеніе къ предписанной законами должности не могло бы уменьшить заслуженнаго вами наказанія; ибо злодѣянія ваши не токмо были совершены, но и превзошли мѣры донынѣ въ свѣтѣ извѣстныхъ. Нарушенное силою и пособіемъ вашимъ законнымъ властямъ повиновеніе, требовало казни преступниковъ. Обманомъ вашимъ приведенные въ пагубу несчастные поселяне, страдая за васъ, свидѣтельствовали о вашихъ злодѣяніяхъ. Разоренныя и злобою вашею воспаленному огню преданныя селенія, города и святые храмы угрожали васъ наижесточайшимъ истязаніемъ; и среди сихъ ужасныхъ развалинъ и опустошенія, кровь неповинныхъ, коею въ варварствѣ своемъ вы обагрялись, вопіяла на Небо и молила отмщенія. Могло ли послѣ сихъ неистовствъ раскаяніе ваше принято быть во

уваженіе, да еще и въ такое время, когда все ваше злодѣйское скопище, купно съ вознесеннымъ вами идоломъ, вѣрными Ея Императорскаго Величества войсками было стѣснено, разбито и яко прахъ разсѣяно? Представьте сами себѣ, безпристрастно размышляя, можно ли отвсюду окруженныхъ и лишенныхъ способовъ къ защищенію почесть по справедливости въ раскаяніе пришедшими, и добровольно себя предавшими? Конечно нѣтъ: а посему все вышесказанное свидѣтельствуетъ неизобразуемое неистовство ваше, и куда ни обратишься, вездѣ вамъ казнь предписывается. Во всемъ свѣтѣ наказуется не токмо злодѣй и его сообщникъ, но и предпріявшій злой умыселъ, хотя и въ дѣйство онаго не произвелъ; а о васъ свидѣтельствуютъ пространныя губерніи, что вы не мыслію единою погрѣшили, по исполненнымъ вамъ беззаконіямъ нѣтъ числа. Исчислите сами все, вами содѣянное, и сообразуяся оному, возчувствуйте, сколь велико, безпримѣрно, неслыханно и неизреченно милосердіе Всеавгустѣйшей Самодержицы нашей, превосходящей всѣхъ смертныхъ, и единому Богу въ изліяніи щедротъ Своихъ уподобляющейся! Всемилостивѣйшая Государыня прощаетъ васъ! и Ею уполномоченное Собраніе, чрезъ меня, своего Сочлена, повелѣваетъ вамъ объявить, что вы, по силѣ Высочайшаго Манифеста, изданнаго 29 Ноября 1775 года, освобождаетесь не токмо отъ смертныя казни, но и отъ всякаго наказанія. Да снимутся съ васъ оковы! Приобщитесь къ вѣрноподданымъ, впечатлѣйте сіе милосердіе въ серца ваши, внѣдрите потомкамъ своимъ, и падъ предъ Всевышнимъ Господомъ Богомъ, возсылайте моленіе за спасающую васъ, Его Помазан-

ницу. Благодарите искренно, и дарованною вамъ жизнію жертвуйте Ей и Отечеству, дабы достойно воспріять имя Ея вѣрноподданыхъ и истинныхъ сыновъ Отечества. Читано въ престольномъ градѣ Москвѣ, при всенародномъ зрѣлищѣ, на Красномъ Крыльцѣ, Января 11 дня 1775 года.

136. Софья дочь Донскаго казака Дмитрія Никифорова, была первою женою самозванца. На второй, Устиньи, дочери Яицкаго казака Петра Кузнецова, женился Пугачевъ уже во время бунта. Когда Пугачевъ сталъ сватать Устинью, отецъ и мать изумились и отвѣчали »помилуй Государь! дочь наша не Княжна, не Королева; какъ ей быть за тобою? да и какъ тебѣ жениться, когда матушка Государыня еще здравствуетъ?« Пугачевъ, однако, въ началѣ Февраля (1774) женился на Устиньи, наименовалъ ее Императрицей, назначилъ ей Штатсъ-Дамъ и Фрейлинъ изъ Яицкихъ казачекъ. *См. Истор. Пуг. Бунт. Часть 1. стр. 85.*

137 Зимовейскіе казаки, чрезъ свое начальство, испрашивали у Императрицы соизволенія перенести ихъ станицу на другое мѣсто *»хотя бы и менѣе выгодное.«* Государыня не изъявила на это согласія, а повелѣла только переименовать Зимовейскую станицу въ Потемкинскую. Жена Пугачева Софья, сынъ и двѣ дочери, въ то же время, были отосланы въ Казань, куда отправленъ и родной его братъ, служившій во второй арміи.

Между тѣмъ послано было въ Черкасскъ повелѣніе сжечь домъ и имущество Пугачева. Домъ самозванца былъ за годъ предъ тѣмъ проданъ женою, сломанъ и перенесенъ на чужой дворъ. Его перевезли на прежнее

мѣсто и сожгли въ присутствіи начальства, духовенства и всей станицы. Палачи развѣяли пепелъ на вѣтеръ, дворъ окопали и огородили, оставя на вѣки въ запустѣніе, какъ мѣсто проклятое.

138. Прокофій Акинфіевичь Демидовъ явилъ себя и тутъ щедролюбивымъ благотворителемъ: онъ пожертвовалъ на учрежденіе при Санктпетербургскомъ В. Д. госпиталя для бѣдныхъ родильницъ двадцать тысячь рублей серебромъ.

139. Первоначально вдовья казна раздѣлена была на три класса и вкладчики платили »наддачи« ежегодно на внесенный ими вкладъ по 10 процентовъ. Но это вскорѣ было измѣнено.

Вклады 240, 180, 75 и 60 руб. вносились мужьями, которымъ было не болѣе 30 лѣтъ отъ роду; вкладчики же старѣе 30 лѣтъ при вносѣ денегъ къ преміи прибавляли за каждый годъ, въ 1-мъ классѣ по 4, во 2 по 3, въ 3 по 2 и въ 4 по 1 руб. Такимъ образомъ вкладчикъ 1 класса, 31 году отъ роду вносилъ 244 руб., 32 лѣтъ 248 руб., 33 лѣтъ 252 руб., и такъ далѣе.

Въ пользу жены или вдовы могъ внести вкладъ не только мужъ ея, но и всякій посторонній, даже многіе. Выдача пенсій производилась въ годъ два раза—въ Іюнѣ и Декабрѣ.

Вдовья казна вообще основана была на тѣхъ же правилахъ, на какихъ въ то время составлялись общества пожизненнаго застрахованія и на какихъ онѣ въ нынѣшнее время возобновляются.

140. Теперь ссуды производятся и свыше 1000 руб., проценты берутся при выкупѣ, и срокомъ ссуды всегда годъ, съ правомъ преждесрочнаго выкупа. Измѣнились также правила на счетъ пріема залоговъ.

141. »Въ сохранную казну кто пожелаетъ, можетъ капиталы свои давать на сроки, съ полученіемъ процентовъ болѣе, или менѣе, смотря по обстоятельствамъ, или какъ соглашенось будетъ.« *См. Учрежд. Сохр. Казны § 2.*

Нынѣ правила сохранной казны совершенно отличны отъ прожектированныхъ Бецкимъ.

142. Предлагаемъ таблицу среднихъ цѣнъ ассигнаціоннаго рубля на серебряную рублевую монету, существовавшихъ съ 1769 по 1796 годъ. Эта таблица необходима для соображенія торговой цѣны вещей, существовавшей въ то время, съ нынѣшними цѣнами.

Въ 1769 году	0,99	коп.	Въ 1783 году	0,99	коп.
» 1770	0,99	»	» 1784	0,98	»
» 1771	0,98	»	» 1785	0,98	»
» 1772	0,97	»	» 1786	0,98	»
» 1773	0,98	»	» 1787	0,97	»
» 1774	1,00	»	» 1788	0,92 $\frac{3}{5}$	»
» 1775	0,99	»	» 1789	0,91 $\frac{3}{4}$	»
» 1776	0,99	»	» 1790	0,87	»
» 1777	0,99	»	» 1791	0,81 $\frac{1}{3}$	»
» 1778	0,99	»	» 1792	0,79 $\frac{1}{3}$	»
» 1779	0,99	»	» 1793	0,74	»
» 1780	0,99	»	» 1794	0,71	»
» 1781	0,99	»	» 1795	0,68 $\frac{1}{2}$	»
» 1782	0,99	»	» 1796	0,70 $\frac{1}{2}$	»

И такъ самый высокій курсъ ассигнацій былъ въ 1774 году, самый низкій въ 1795 году. Курсъ ассигнацій замѣтно сталъ упадать съ 1786 года.

143. *См. Манифестъ Нояб. 7, 1775 года.*

144. Если считать первыми инстанціями Нижній земскій судъ и Нижнюю расправу, а высшею Правительствующій Сенатъ; то въ тогдашнее время собственно было четыре инстанціи; но по § 133 Учрежденія »рѣшенія палатъ въ гражданскихъ дѣлахъ исполнялись не смотря на переносъ.«

Переносъ дѣлъ изъ Уѣзднаго суда въ Верхній земскій судъ, изъ Городоваго магистрата въ Губернскій магистратъ, и изъ Нижней расправы запрещался, если тяжба была о дѣлѣ, котораго цѣна ниже 25 руб. Изъ Верхняго земскаго суда, Верхней расправы и Губернскаго магистрата въ Палату—ниже 100 руб. изъ Палаты въ Сенатъ—ниже 500 руб.

За переносъ дѣла изъ первой инстанціи во вторую платилось пошлинъ 25 руб., изъ второй инстанціи въ Палату 100 руб., а изъ Палаты въ Сенатъ 200 рублей.

145. Губернскія мѣста завѣдывали вообще всею губерніею; —уѣздныя уѣздомъ, какъ и теперь. Такимъ образомъ въ губернскомъ городѣ были Палаты, Верхніе суды и Губернскій магистратъ, и сверхъ того Уѣздный судъ, Городовой магистратъ, Нижній земскій судъ и Нижняя расправа уѣзда губернскаго города.

Кромѣ Судебныхъ и Правительственныхъ мѣстъ, учреждены были должности Губернскаго прокурора и Уѣздныхъ—стряпчаго, присяжнаго землемѣра, доктора лѣкаря и проч.

Для управленія губерніи полагался Главнокомандующій въ отсутствіи Императорскаго Величества.« *Учрежденія глава* 1 § *2*.

»Въ губернію опредѣлялся Губернаторъ.« Уч. гл. 1 § 3.

»Въ Губернскомъ правленіи засѣдали Главнокомандующій, Губернаторъ и два Совѣтника.« *Тамъ же* § *2*.

»Въ Палатѣ Уголовнаго Суда и въ II. Гражд. Суда— Предсѣдатель, два Совѣтника и два Ассессора.« *Тамъ же* § *7 и 9*.

»Въ Казенной Палатѣ—Поручикъ Правителя (Вице-Губернаторъ) Директоръ экономіи, Совѣтникъ, два Ассессора и Губернскій Казначей.« *Тамъ же* § *12*.

»Въ Верхнемъ земскомъ судѣ—первый и второй Предсѣдатель и десять Засѣдателей.« *Тамъ же.* § *14*.

»Въ Уѣздномъ Судѣ—Уѣздный Судья и два Засѣдателя.« *Тамъ же* § *19*.

»Въ Нижнемъ земскомъ судѣ—Земскій Исправникъ и два или три Засѣдателя.« *Тамъ же* § *23*.

»Въ Городовомъ магистратѣ—два Бургомистра и четыре Ратмана.« Тамъ же § 29.

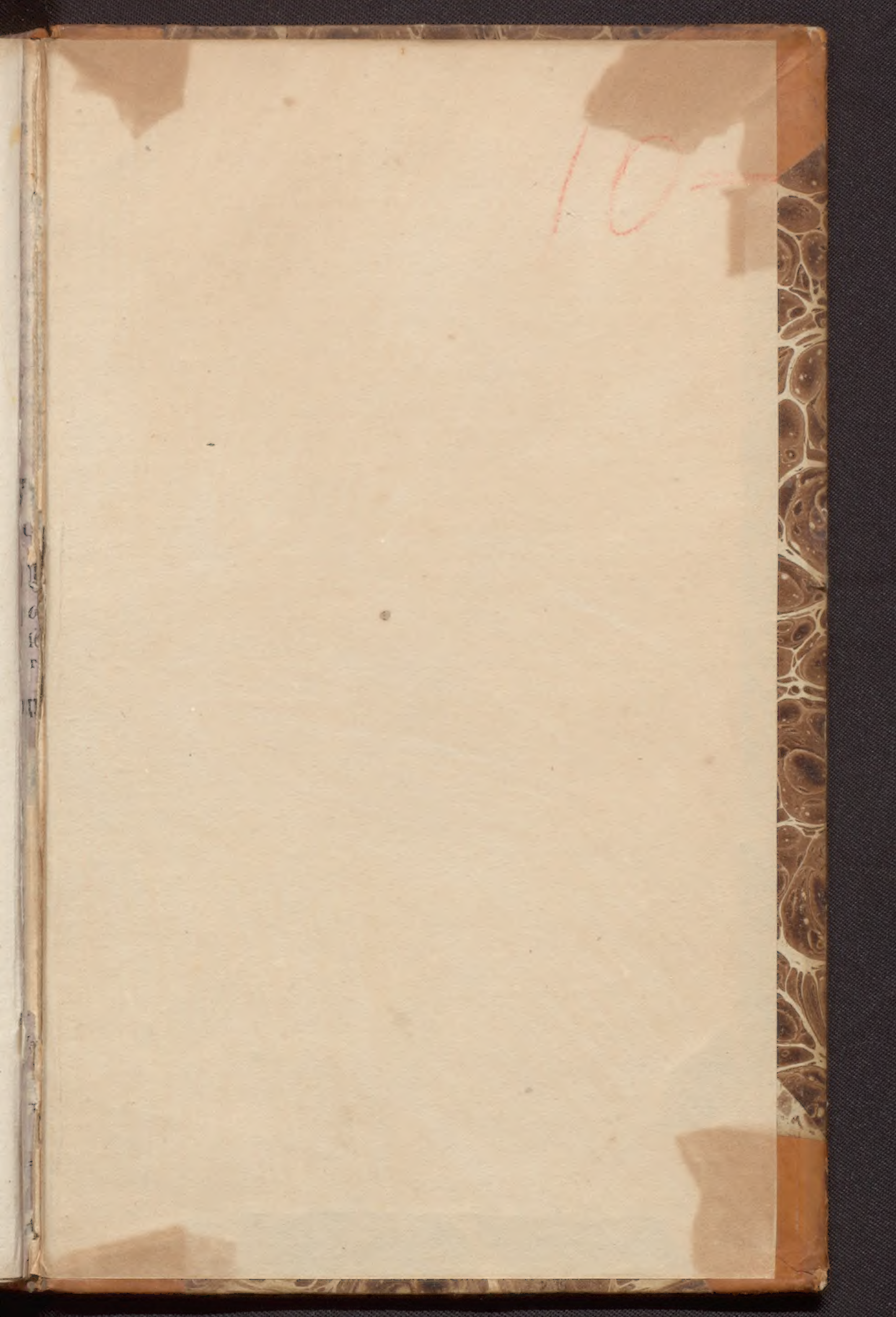
»Въ Губернскомъ магистратѣ—первый и второй Предсѣдатель и шесть засѣдателей.« § 33.

Губернскій прокуроръ, Губернскій стряпчій казенныхъ дѣлъ и Губернскій стряпчій угоголовныхъ дѣлъ находились при Губернскомъ правленіи.

Также были прокуроръ, стряпчій казенныхъ дѣлъ и стряпчій уголовныхъ дѣлъ при Верхнемъ земскомъ судѣ, при Губернскомъ магистратѣ и при Верхней расправѣ.

146. При этомъ дополненіи приложены также правила »какъ кому за кѣмъ (служащимъ въ присудственныхъ мѣстахъ) въ губерніи слѣдовать въ торжественныя собранія.« Старшіе имѣли по этому росписанію мѣста впереди. Шествіе начиналъ Главнокомандующій, за нимъ Губернаторъ, потомъ Губернское Правленіе, Палаты Уголовнаго Суда, П. Гражд. Суда, Казенная Палата, Губернскій прокуроръ, за нимъ стряпчіе, Совѣстный судъ, Уѣздный стряпчій, Нижній земскій судъ, Нижняя расправа, Верхняя расправа, Верхней расправы Прокуроръ, за нимъ стряпчіе, Уѣздные казначей съ землемѣромъ, Уѣздный судъ, Верхній зем. судъ. Прокуроръ Верх. зем. суда, Дворянскій губернскій предводитель, за нимъ Уѣздные предводители, Городской глава и наконецъ мѣщане.

КОНЕЦЪ ПРИМѢЧАНІЙ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.


10–